

Колдовские  Миры

КОЛЛЕКЦИЯ

Право сильнейшего

ДОЧЬ ВОИНА НЕВЕСТА ВОИНА



ЕЛЕНА
ЗВЕЗДНАЯ

Елена Звёздная
Право сильнейшего. Дочь
воина. Невеста воина (сборник)
Серия «Космос, юмор
и немного любви»
Серия «Право сильнейшего»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9543512
Право сильнейшего: Дочь воина; Невеста воина / Елена Звездная:
Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-79756-1

Аннотация

Лучшее учебное заведение, блестящее будущее, и ты наслаждаешься жизнью, полной головокружительных приключений: нелегальные гонки, букмекерские ставки, отчаянные самоволки и фальшивые удостоверения. Но что делать, если вдруг выясняется, что ты принцесса Иристана, а твой отец прибыл забрать тебя на родную планету и хочет выдать замуж за сильнейшего из своих воинов?

Прирожденный мастер по поделкам, подставам и незаконным видам коммерческой деятельности кадет Киран МакВаррас искренне почувствовала исторической родине. В конце концов,

что такое право сильнейшего и знания симбионтов Иристана против природной вредности и запредельной находчивости кадетов первого курса Космического университета?

Содержание

| | |
|---|-----|
| Дочь воина, или Кадеты не сдаются | 6 |
| История первая, похмельная | 6 |
| История вторая, предупредительная | 28 |
| История третья, заездоорганизовательная | 53 |
| История четвертая, предупредительная | 77 |
| История пятая, папандроознакомительная | 86 |
| История шестая, генеалогическая | 107 |
| История седьмая, про родину | 154 |
| История восьмая, родственно- ознакомительная | 181 |
| История девятая, эротиш-ш-шная | 210 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 215 |

Елена Звёздная
Право сильнейшего.
Дочь воина. Невеста
воина (сборник)

© Звездная Е., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Дочь война, или Кадеты не сдаются

История первая, похмельная

Этот день с самого утра как-то не задался. Для начала мы с подругой Микой благополучно не сдали зачет, а после с горя напились в зюзя. Причем это была нехорошая зюзя, та самая зюзя, про которую на второй день вспоминать очень и очень стыдно.

И вот мы, две абсолютно пьяные и хихикающие первокурсницы, ввалились в квартиру старшего брата Микаэлле, потому как в общагу в таком состоянии глупо было бы вваливаться. К тому же Мика клятвенно заверила: «Эда нет в городе, они на полевой практике, вернутся в конце недели». И я поверила! А потому мы, хихикая, начали раздеваться еще в прихожей, после чего я, пошатываясь, пошла в ванную, а Мика вроде как отправилась искать для меня полотенце в резиденции своего старшенького.

И все бы ничего, и я даже сумела включить душ раза с пятого, и даже начала мыться, как вдруг где-то совсем рядом прозвучало:

– Бракованный навигатор, последний раз, когда я видел

эту грудь, она была значительно меньше.

Медленно сползая вниз по стеклянной стеночке, я попыталась сфокусировать взгляд на родном и единственном брате Микаэлы. Взгляд фокусировался с трудом, и причина оказалась не столько в зюзе, сколько в том, что Эдвард Дрейг был великолепен. Он вообще во всем был великолепен, но в одних спортивных брюках и с голым торсом представлял собой совсем уж потрясающую картину. Высокий, широкоплечий, с узкой талией и пусть не внушительной, но весьма выразительной мускулатурой. А еще у Эда загорелая, почти бронзовая кожа, белоснежная улыбка, выгоревшие и от того светлые волосы и невероятные голубые глаза... Стоит ли говорить – я с одиннадцати лет в него почти влюблена. С тех самых пор, как впервые увидела на дне рождения Мики. А в двенадцать, краснеющая, смущенная и дрожащая от осознания своей смелости, я призналась ему в любви... ввалившись ночью в его спальню. К слову, он был там не один. Но вывел меня в коридор, присел на корточки, очень внимательно выслушал и заверил: «Малыш, давай сделаем так – я все слышал и все понял, и мы обязательно вернемся к этому разговору, но лет так через... шесть. Идет?» Кстати – мне только на прошлой неделе восемнадцать исполнилось.

В двери постучали.

Эд, не отрывая взгляда от меня, протянул руку и придержал дверь, не позволяя посетителю войти.

– Сюда нельзя, – чуть повысив голос, произнес он. Потом бесстыже усмехнулся и пояснил: – Тут моя девочка душ принимает.

За дверью послышалось недовольное:

– Кто?! Мика что, не одна сюда пьяная ввалилась?

– Неа, – Эдвард все так же продолжал меня разглядывать, – с подругой.

– Да? – мужской голос за дверью приобрел нотки заинтересованности. – И что, вторая тоже совершенно пьяная?

– Ага. – Улыбка Микиного брата стала откровенно фривольной.

– Судя по многословности твоих ответов, она еще и совершенно голая.

На это Эд не ответил, но, многозначительно хмыкнув, запер дверь в ванную.

Стремительно трезвеющая, я в ужасе смотрела на героя своих детских фантазий, который, судя по потемневшему взгляду, собирался реализовывать уже весьма взрослые фантазии. Медленно, неторопливо как-то, Эдвард подошел ко мне и... протянул руку.

– Сама встать сможешь? – сдерживая улыбку, спросил он.

Как замороженная, продолжаю испуганно смотреть на Эда, пытаюсь прикрыться руками.

– Кир, – он широко улыбнулся, – Киран, все, что я хотел, я уже увидел, серьезно. Я же тут минут десять стоял, прежде чем смог хоть слово вымолвить.

Несмотря на пары алкоголя, начинаю стремительно краснеть.

– Малыш, – он осторожно взял меня за руку, потянул вверх, заставляя встать. И едва я выпрямилась, придержал за талию, так как ноги мои, кажется, решили взять таймаут. – Все-все, держу. Теперь давай-ка мы тебя умоем, а то реснички на щечках давно, а помада на подбородке. Кстати, головку мыть будем?

От стыда я вовсе зажмурилась, не в силах сказать хоть что-то.

– Ладно, – его ласковые губы легко и осторожно коснулись моих, – будем мыть тебя всю.

И вода тут же стала теплее.

Все остальное показалось странным нереальным сном, в котором меня аккуратно и заботливо мыли, едва касаясь интимных мест, зато осыпая поцелуями плечи, спину, волосы... И в какой-то момент я просто отключилась, то ли под воздействием алкоголя, то ли от того, что шампунь с волос уже смыли и меня уговаривали открыть глазки.

* * *

– Кир, я умираю... – простонал хриплый Микин голос.

Учитывая, что ее стон вырвал меня из дивного сна, в котором я предавалась гигиеническим процедурам в компании ее же старшего брата, единственным ответом на реплику Ми-

ки была брошенная в нее подушка.

– Промазала, – меланхолично ответила подруга, давно привыкшая к моим утренним упражнениям в артиллерийском искусстве.

Неудача была огорчительна, но не до такой степени, чтобы просыпаться. Решительно повернувшись на другой бок, я закрыла глаза, надеясь, что сон с эротическим уклоном сжалится и вернется.

Но сон не вернулся. Даже когда, постанывая и проклиная вчерашний двенадцатый коктейль, явно бывший лишним, встала Мика и вышла из комнаты. Более того, как раз когда она вышла, мне вдруг стало очень нехорошо... Потому что дверь в нашей комнате противно так скрипит, а сейчас скрипа не было!

И это могло означать только одно – мы не в общежитии!

Дальше хуже. Тихий звук шагов, рядом с моей постелью кто-то присел, после чего майку с моего плеча чуть потянули вниз, стягивая ткань, и губы, которые так бессовестно мне снились всю ночь, стали осторожно поцеловывать, а после раздался голос Эда:

– Малыш, ты как? Голова не болит? Кофе будешь?

События вчерашнего вечера начали обретать ясность, неся невероятное осознание – кажется, эротический сон был совсем не сном. Это подтвердил и веселый смех, а затем ласковое:

– Киран, ты не спишь – когда спят, не краснеют от смущения.

ния. Вставай, я один в квартире, так что можешь в футболке ходить. Кстати, голова не болит?

– Нет... – простонала я, этой самой головой уткнувшись в простынь.

– Вот и хорошо, – меня погладили по спине, – поднимайся, поздно уже.

И он ушел.

– Ой, мама... – простонала я, чувствуя, как начинаю сгорать от стыда.

С ужасом вспоминаю, что там, в ванной на полу, остались лежать мои чулки, трусики и бюстгальтер заодно... Какой кошмар!

– Кир, ты встаешь? – раздался вопль Мики откуда-то из глубины этой далеко не маленькой квартиры.

– Нет, – буркнула я, оставаясь лежать.

Заниматься самоедством мне времени не предоставили. Заявилась Михаэлла, стащила с меня одеяло, а после начала жаловаться:

– Кир, ну Кир, ну вставай, а то он меня убьет же.

– Кто он? – упрямо продолжаю закрывать лицо руками.

– Эдвард, – с горестным стоном Мика присела на кровать. – Они тут вчера были – Эд, Вик и еще какие-то с их выпускного курса, я их не знаю. А тут мы ввалились, ты хоть в ванную пошла, а я так, раздеваясь, и потопала на кухню, а они там... все.

Мучительно напрягая память, попыталась вспомнить,

до какой степени успела раздеться Мика... вспомнила, что юбка с нее сползла еще в прихожей.

Вскинув голову, посмотрела на расстроенную подругу. Микаэлла ответила мне полным раскаяния взглядом, после чего шепотом поведала:

– Они сначала опешили, а потом Эд подскочил, в секунду стянул с себя майку, а в следующую секунду надел на меня...

Мне было жаль Мику. Очень жаль, но даже сочувствие не помешало тихо захихикать, представив себе эту картину! То-то он в ванную в одних брюках ввалился!

– Ей смешно, – возмутилась подруга, но тоже начала смеяться. Потом поделилась подробностями: – Хорошо, что я лиф успела только расстегнуть, но еще не сняла. Но чулки, подвязки и наши черные с кружевом трусики...

– Бедные мужики, – простонала я, продолжая прилагать титанические усилия, чтобы смеяться не очень громко. – Сколько их было?

– Человек десять. – Мика вдруг улыбнулась. – А знаешь, Эд почему-то не очень злой, я думала, будет хуже.

Вот об Эдварде я как раз старалась не думать. Так стыдно мне еще никогда не было.

– Пошли завтракать. – Мика поднялась, потащила меня за руку. – Пошли, я одна туда идти боюсь.

– Мне и с тобой туда идти страшно, – призналась я. – Может, мы по-тихому оденемся и назад в общагу, а?

– Хорошая идея, но кто ж меня без чтения нотаций от-

пустит? – Микаэлла горестно взглянула на двери. – Кир, идем...

Упрямо и отрицательно машу головой. Чего-чего, а видеть Эдварда нет никакого желания.

– Ну пожа-а-алу-у-уйста, – взмолилась подруга, и ее голубые глазки стали такие умоляющие.

На меня это всегда действует, чем Мика беззастенчиво пользуется.

Пришлось вставать и топать вслед за ней, больше всего мечтая провалиться хоть куда-то. Белья на мне никакого не имелось, зато майка доходила почти до колен, но это не мешало рефлекторно пытаться натянуть ее еще ниже.

Квартира у Эдварда Дрейга была огромная – четыре спальни, две ваннe комнаты, причем вторая располагала джакузи величиной с маленький бассейн, большая гостиная и кухня, совмещенная со столовой. Я здесь оказалась второй раз в жизни, в первый – это когда мы с Микой в четырнадцать приезжали в столицу на концерт супермодной группы и Эд был нашей нянькой на сутки. Кстати, тогда, насколько я помню, тут обреталась...

– Доброе утро, девочки, – радостно поприветствовала нас та самая домработница. – Ох, как же вы выросли!

И пока мы смущенно отвечали про учебу и планы на будущее, из кухни послышалось:

– Мика, Кира, живо завтракать!

Пришлось плестись на кухню с видом обреченных на казнь.

Не поднимая головы и глядя на пол с энтузиазмом почитателя собственных пальцев, я прошла к столу, так же и села, продолжая изучать мраморный рисунок перед собственным носом. Мика, старательно разделявшая мой интерес к любованию полом, тоже молча села рядом.

– Вопрос номер один, – перед каждой из нас осторожно поставили по чашке с кофе, – где вы пили?

Переглядываемся с Микой, но упорно молчим.

– У вас два варианта – либо говорите сами, либо я проверю, в каком заведении с ваших карточек вчера списали деньги.

Мы с Микусей снова переглянулись, вот чего-чего, а давать Эду доступ к нашим карточкам мы не собирались – как бы деньги на них левые, впрочем, как и карточки.

– Бар у причала, – обреченно сдалась Микаэлла, – название я и сама не помню, правда, Эд.

– «Морские сирены», – вспомнила я.

Просто там мы как раз только пивом баловались, а вот пили в другом заведении, куда нас, несовершеннолетних, пустили благодаря поддельным картам авторизации, купленным за две стипендии у местного гения взлома баз данных. Да, пай-девочками мы с Микой никогда не были.

На стол передо мной опустилась тарелка, где радовал

взгляд омлет с изюмом и творогом, перед Микой поставили хлопья с апельсиновым соком. Но в отличие от подруги я на завтрак не набрасывалась.

– Не нравится? В детстве ты его любила. – Эд наклонился, взял вилку, подхватил кусочек омлета и поднес к моим губам. – Попробуй.

Одной рукой он держал столовый прибор, второй осторожно обхватил мой подбородок и повернул к себе лицом. Испуганный взгляд совестливого алкоголика начал метаться повсюду, старательно избегая голубых омутов напротив. Зато едва я заметила такие же небесно-голубые глаза Мики, смущенно покраснела, потому как очи подруги увеличились вдвое, демонстрируя крайнюю степень удивления.

– Кира, – ласково позвал Эд, – Киран, перестань смущаться, ничего страшного вчера не произошло.

И тут Мика грохнулась на пол. В буквальном смысле. На этот грохот я отреагировала испуганным вскриком, зато Эдвард спокойным:

– Микаэлла, что касается твоего поведения, мы обсудим его позже! – И опять обратился ко мне, причем снова очень ласково: – Кир, мне долго ждать?

И вот тогда я рискнула взглянуть на Эда. Наши глаза встретились. Он улыбнулся, и взгляд потеплел, после чего мне сообщили сакраментальное:

– Привет.

– Привет, – мгновенно опускаю глазки.

– Мы завтракать будем? – спросил Эдвард.

– Я и сама могу, – буркнула я.

– Не сомневался, – сообщили мне и начали банально кормить с вилочки.

Уже успевшая взгромоздиться на стул Мика грохнулась повторно, глядя, как я послушно съедаю все, чем кормит Эдвард. Но на этот раз мы оба не обратили и малейшего внимания на сей инцидент. Ровно до того момента, пока на тарелке не осталась зияющая пустота...

– Понравилось? – выдохнул Эд, с улыбкой глядя на меня.

– Да... – Правда, вкус омлета я едва ли уловила.

– Кофе, – напомнил Эдвард и выпрямился.

Зазвонил телефон. Подхватив переговорник, Эд стремительно вышел из кухни. Едва он скрылся в дверном проеме, Микаэлла подалась вперед с жадностью оголодавшего удава и прошипела:

– Это что сейчас было?!

Смущенно пожав плечами, я решила, что самое разумное в данной ситуации – сказать следующее:

– Не знаю...

– Что? – Мика чуть ли на стол не взгромоздилась. – Что между вами двумя?! Я же вижу, как он на тебя смотрит!

Подругам врать нехорошо, но тут такое дело, что рассказывать подобное еще более некрасиво, и я соврала:

– Не помню... Ничего не помню...

И все бы ничего, но тут от дверей послышалось:

– Да неужели?

Густо краснея, я попыталась глотнуть кофе. Обожглась, едва не расплескав, почти уронила чашку на стол. Эдвард, стремительный и быстрый, успел подхватить ее, и кофе не пролился на меня же. Но лучше бы пролился, хоть был бы повод сбежать из-под пристального внимания голубоглазой семейки.

– Кир, – Эдвард присел на корточки, и рука его от чашки плавно двинулась к моей руке, – а ты совсем ничего не помнишь?

– Нет. – Но ладонь отдернула.

– Совсем-совсем ничего? – Его голос приобрел низкие вибрирующие нотки.

– Нет!

Я вскочила, стул за моей спиной грохнулся бы, но Эд его перехватил. Хитро улыбаясь, медленно поднялся, вернул стул на место, и все это не отрывая от меня насмешливого взгляда.

– Ну-ну, – загадочно произнес он и снова оставил нас с Микой наедине.

Мы прислушивались к удаляющимся шагам ровно до тех пор, пока они еще были слышны, а после Микаэлла пошла в наступление:

– Последнее, что я помню, это как ты потребовала принести полотенце!

– Вместо этого ты почему-то пошла на кухню, – напомни-

ла я.

– Пить хотелось. – Мика нахмурилась.

– А что произошло потом?

Подруга покраснела и прошептала:

– Эд в свою майку одел, перекинул через плечо и унес в спальню... И только голова коснулась подушки, я вырубилась... А ты что помнишь?

– Я?.. Эд пришел... майку надел... унес спать... – как бы и не совсем соврала.

Но Мика что-то заподозрила. Взгляд пристальный, на лице хитрющее выражение, и вопрос такой, с подковыркой:

– Ки-и-ир, а ты правда мне все рассказала?

Молча киваю, но, чтобы выглядело достоверно, решила добавить:

– Все, что помню...

Мы постояли немного, потом Мика предложила:

– Валим!

– Ты просто читаешь мои мысли!

– Ага, пошли нашу одежду искать.

Одежду мы нашли быстро... все, кроме моего нижнего белья. Правда, я про трусики Мике ничего не сказала, и мы как бы искали только лиф. Даже домработницу приобщили к поискам, но тщетно. Микину одежду нашли всю, а вот мою... и даже чулочков не было!

– Так! – Микаэлла встала посреди коридора. – Я иду искать в гостевой, а ты, Кир, топай в комнату к Эду. Если он

тебе свою майку дал, может, ты там переодевалась.

– Сама туда иди! – возмутилась я.

– Мне нельзя, – сокрушенно призналась подруга.

– Это еще почему?

– Там для моей попы весьма травмоопасная ситуация. Топай давай, нам еще в универ надо.

Она исчезла в следующей комнате, а мне пришлось стучаться к Эдварду...

– Эд, можно войти? – Я еще раз постучала в дверь.

Раздался тихий смех и прозвучало спокойное:

– Ну, входи.

И сразу расхотелось мне в поисках утраченного участвовать. Стою перед дверью, вспоминаю вчерашнее и осознаю, что лучше мне так отсюда сматываться.

– Киран, хватит под дверью стоять, у меня твои трусики.

Вот после этих слов я решительно сделала шаг назад и вообще решила тихо-мирно уйти, но... куда ж я пойду в таком одеянии?! Решив делать вид, что я ничего о вчерашнем не помню, осторожно открыла дверь, снова разглядывая собственные пальчики на ногах, несмело вошла...

– Ки-и-ир. – От этого голоса у меня все внутри дрожать начинало.

За это утро я уже изучила вид своих босых ног во всех подробностях и, стараясь думать о ноготке на маленьком пальчике, который следовало бы получше подкрасить, заикаясь, попросила:

– В-в-верните мне одежду, пожалуйста... вот.

В ответ веселое:

– Двери закрой.

Я закрыла. Едва отпустила ручку, в механизме что-то щелкнуло. Забыв о любовании полом, стремительно развернулась к двери, попыталась открыть и в результате поняла, что...

– Заперто!

– Ага, – с энтузиазмом согласился Эдвард, – я поставил на режим запора изнутри.

– И как открыть? – не поворачиваясь к собеседнику, спросила я.

– Все очень просто, – тихий смех, – нужно вежливо попросить об этом хозяина квартиры.

Развернувшись, взглянула на хозяина квартиры. Едва наши глаза встретились, Эд снова сказал:

– Привет.

Чувствую, как густо краснею, и с разговорами оно как-то опять не получалось.

– Поговорим? – предложил Эдвард и... достал из кармана мои собственные черные ажурные трусики.

А мне казалось, что краснеть уже больше некуда!

– Молчишь? – Невероятно притягательный парень, в синих джинсах и черной облегающей его мускулистый торс майке, с совершенно хулиганским выражением на лице извлек из ящика письменного стола еще и лифчик, а следом

даже чулки. И все это горкой сложил, а вот трусики продолжал держать в руке.

Странно и как-то волнующе было видеть свое белье в его ладонях. Я снова покраснела.

– Ки-и-ир, – Эд с улыбкой смотрел на меня, – прекращай смущаться.

Я не смущалась! Я развернулась к двери и начала прилагать остервенелые попытки ее открыть... Звук шагов не услышала, и осознание происходящего пришло, едва руки Эдварда скользнули на талию.

– Киран, – прошептал он, – Кира... Ты мне очень давно нравилась, Кир.

Сердце начало стремительно наращивать темп.

– Малыш, посмотри на меня.

Бедная сердечная мышца, едва взяв разгон, мгновенно затормозила... ощущение, что я слышу скрип шин по асфальту.

– Киран, Пантеренок мой, ты же такая отважная... а сейчас что, боишься?

Кто боится?! Я боюсь?!

Стремительно развернулась в кольцо его рук и разгневанно посмотрела на Эда.

– Попалась, – весело сообщили мне, после чего герой моих детских фантазий стремительно наклонился и завладел моими губами.

Ноги решительно взяли очередной тайм-аут, из-за че-

го рукам пришлось вцепиться в единственную имеющуюся опору – Эдварда. Сердечная мышца, проклиная собственную хозяйку, снова взяла низкий старт, мысли помчались следом, уносясь куда-то вдаль...

И тут за дверью раздалось недовольное:

– Ки-и-ира, ты где-е?

Эд усмехнулся, не прерывая поцелуя, и прошептал:

– Мелкую посвящать будем? – так как я промолчала, он же и принял решение. – Ладно, пусть пока мучается в неизвестности. Одевайся, малыш.

И меня отпустили, а Эдвард, открыв дверь, вышел в коридор, и вскоре послышался их с Микаэлкой разговор на повышенных тонах.

Торопливо подойдя к столу, я забрала вещи и прошмыгнула в нашу с Микой комнату. Там обнаружила, что трусики мне так и не вернули! В итоге, натягивая короткую юбку как можно ниже, дала самой себе зарок больше никогда не появляться на данной жилплощади.

К моменту, когда я была одета, собрана и даже успела подкраситься, услышала, как открылась входная дверь. Потом в квартире снова стало тихо, и уже никто не ругался. Осторожно ступая, вышла в коридор, постояла. Мики слышно не было. Страшась нарваться на Эдварда, я негромко позвала ее... в ответ тишина. Позвала снова, и вновь с тем же успехом.

С тяжелым вздохом расстегиваю босоножки на умопомра-

чительной шпильке, ибо только в такой обуви мы устремлялись в очередной забег по клубам, и, стараясь ступать бесшумно, иду искать Микаэllu.

И вот иду я, опасливо в комнаты заглядываю, добралась до помещения с тренажерами Эда, осторожно заглядываю и вдруг слышу над ухом:

– Попалась!

Одна рука Эдварда обняла за талию, вторая... вторая оказалась под юбкой.

– Ки-и-ир, – протянул парень, едва я начала гневно вырываться, – домработница уже ушла, а Мика убежала в университет.

– Что?! – Я перехватила его вторую руку, ту самую, что покушалась на самое сокровенное, и, продолжая удерживать ладонь несопротивляющегося Эдварда, к нему развернулась.

Откровенно посмеиваясь, он отодвинул меня от двери, прижал к стене и, нагнувшись так, что мы уже почти целовались, прошептал:

– Ваш зачет... я связался с деканом, вам его поставят. Тебе автоматом, Микаэлле при предоставлении контрольной, которую она, в отличие от тебя, не сдала. У Мики три часа на пересдачу.

И все бы ничего, но его руки...

– Эд... – Я уже с трудом дышала от нахлынувших ощущений.

– Что? – выдохнул он, беря в сладкий плен мои податли-

вые губы.

– Эдвард, пожалуйста, – простонала я, пытаюсь перехватить хоть одну из его не в меру наглых рук. И вроде их всего две, но такое ощущение складывается, что он по меньшей мере шестирукий.

– Что «пожалуйста»? – выдохнул он, медленно опуская ладони на мою талию.

– Отпусти меня, – стон получился каким-то неуверенным.

– «Отпусти»? – Он повторил это за мной, усмехнулся и опустился на колени.

Топик взлетел вверх, обнажая живот, к которому прижались его губы. И это было так трогательно и так... неправильно. Я ведь отчетливо понимала, что он выставил Мику и домработницу намеренно, а еще кому, как не мне, знать о многочисленных девушках Эдварда Дрейга.

– Все еще отпустить? – посмеиваясь, спросил Эд. – Ты действительно думаешь, что я способен это сделать?

Я в этот момент уже ни о чем не думала. Хотя, конечно, отдаться парню вот так, с первой его попытки – не то, чему мама учила... С другой стороны – остановить его я точно была не в силах.

– Киран, – шептал Эдвард, покрывая поцелуями все, до чего мог из положения на коленях дотянуться, – Кира...

А дотягивался он успешно, и губы его давно целовали бедра, добираясь до края юбки... Но если тут кто-то и был против подобного, то явно не я...

Резкий звонок в двери оборвал мой протяжный стон и стал причиной весьма злого ругательства Эдварда. Но никакой звонок не мог отвлечь нас от столь захватывающего момента, как первое получение совместного удовольствия.

Но тут дверь открылась, послышались уверенные шаги, и на всю квартиру раздался крик:

– Дрейг, у нас вылет через час!

В следующую секунду моя юбка вернулась на приличествующее ей место, топик также, лиф был застегнут, а Эд развернулся к излишне наглому посетителю, прикрыв собой собственно временно невменяемую – меня.

– Э-э-э, ты не один? – насмешливо поинтересовался тот, кого я не видела, находясь за внушительной фигурой Эда.

– Дейм, сваливай на кухню, сделай себе... чаю, – откровенно послал его Эд.

– А может, мне стоит кофе себе заварить? – насмешливо предложил посетитель. – Это займет несколько больше времени.

– Хор-р-рошая идея, – прорычал мой герой.

В ответ – громкий и весьма насмешливый смех и веселое:

– Прости, что-то не хочется. И покажи уже свою зазнобу, любопытно, кого ты там так старательно прячешь.

Дальнейшее повергло меня в шок!

– Ничего особенного, Дейм. Просто... снял девочку на ночь, – спокойно ответил Эдвард.

И дыхание у меня вновь перехватило. На сей раз от обиды,

гнева, ярости и непонимания. Но злости было больше.

– М-м-м, – протянул незванный гость, – малышка явно хороша, раз ты не желаешь ее отпускать утром. Из дорогих? Хотя о чем это я, других ты не выбираешь. Я на кухню, у тебя три минуты.

– До вылета час, – прорычал Эд.

– Ты работаешь со мной в паре, – спокойно возразил ему незнакомец, – в моих правилах проверка корабля перед стартом. Три минуты, Дрейг.

И этот самый Дейм неторопливо удалился. А Эдвард медленно повернулся ко мне. Но слова уже были сказаны, и даже его виноватый взгляд ничего не менял.

– Шлюх ищи себе где-нибудь в другом месте! – прошипела взбешенная я.

– Кир... – Эд выглядел растерянным.

А в моих глазах застыли злые слезы.

– Зато теперь я понимаю, почему мы ничего не будем сообщать Микаэлле! – прошипела я и попыталась уйти.

Эдвард попытался задержать, за что и получил – ребром ладони по кадыку и удар кулаком в солнечное сплетение. Меня не только за зеленые глаза и черные волосы называли пантерой – по рукопашной я в группе одна из лучших.

Когда я стремительно уходила из квартиры, Эд хрипел на полу. Но едва подхватила босоножки и открыла двери, услышала насмешливое:

– Неплохо.

Развернувшись, увидела высокого, темноволосого, смуглого «незваного гостя», который потягивал кофе, насмешливо улыбаясь и привалившись плечом к стеночке. В ответ на мой разгневанный взгляд напарник Эда развязно подмигнул, но, к его счастью, ничего не сказал. Или к моему. Странный тип – слишком мускулистый для местного, слишком умный взгляд для такого возраста и слишком уж понимающая ухмылка. Что-то было в нем... странное.

Я так и ушла, преследуемая этой наглой насмешливой ухмылочкой! В тот самый день мною было принято два важнейших жизненных решения:

1. Больше никакой зюзи!
2. Больше никакого Эдварда!

История вторая, предупредительная

«Кир, пожалуйста, ответь хоть что-нибудь. Кир, не заставляй меня посвящать мелкую».

Очередное сообщение от Эдварда настигло перед тренировкой. Я бы не подключалась к связи, но ждала сообщение от мамы. От мамы не было, что очень тревожило, от Эда более десяти за один только истекший час.

– Киран МакВаррас!

И почему я опять первая? Стремительно бросила сейр в карман и, схватив эенг, вышла в круг.

Кто объяснит, зачем будущим капитанам навыки рукопашного боя? Капитан должен управлять кораблем, но никак не бить морды подчиненным. Или преподавы именно это имели в виду под термином «субординация»?

– Первая позиция. – Тренер крутанул свой эенг, и, едва вращение прекратилось, в его руке оказалось длинное копьё.

Метра три как минимум. Мой эенг мгновенно повторил трансформацию тренировочного снаряда мастера, и я приготовилась к бою.

– Атакуй!

Спокойный приказ уверенного в себе наставника. Лоджен истязал всех студентов первого курса и заодно пятьдесят курсантов высшей офицерской. Истязал мастерски и зверски. Увечья легкой формы тяжести получал каждый, кого

мастер вызывал в начале занятия на показательный бой. Лоджен показывал, остальные повторяли. Мальчик или девочка для битья, которым не повезло, уползали. Сегодня эта роль досталась мне.

– МакВаррас, атакуй! – Повтор команды – это уже сломанная рука как минимум.

– Да, сэр, – мрачно отвечаю тренеру, но... даже не двигаюсь с места.

Почему я стояла? Не знаю. Возможно, все дело в том, что последние три занятия роль уползающего и стенающего доставалась мне. Два перелома ребер, перелом правой руки в трех местах, трещина берцовой кости, растяжение сухожилий... Боль приходилось терпеть только до медотсека, там в гелликсе восстановление было мгновенным, и на выход отправляешься уже совершенно здоровым, вот только...

– МакВаррас, – прорычал тренер. Именно прорычал, это уже не было сказано тем спокойным и чуть издевательским тоном, которым он доводил студентов до истерики и соплежуйства. – Прямое неподчинение приказу!

– Нет, сэр, – почему-то я продолжаю проявлять упорство, – ни в коем случае, сэр!

Мы стоим посреди зала, на возвышении. Вокруг пять сотен удивленных студиязов, которые, с одной стороны, рады, что это не им на моем месте стоять, а с другой – уже хотят начать тренировку. И я, застывшая на месте исключительно для того, чтобы просчитать первый удар тренера... Не хочет-

ся выть от боли в очередной раз.

– МакВаррас!

В этот поистине эпический миг послышался звонок мобика, который я, к своему ужасу, отключить не успела, так как отвлеклась на вопль мастера. А сейры более чем под запретом во время тренировок, и Лоджен просто бесится, если происходит подобный казус.

Рванула застежку кармана, но отключить не успела. Щелчок, затем переход на громкую связь, и в абсолютнейшей тишине прозвучал усталый голос Эдварда:

– Кир, малышка, ответь! Киран, сколько можно? Маленькая моя, нежная, желанная, я возвращаюсь сегодня вечером. Нам нужно поговорить, слышишь?

Если мне казалось, что тихо было до этого момента, то уж теперь и вовсе тишина гробовой стала.

– МакВаррас. – Лоджен Алинсар, невысокий шатен с серыми глазами и невыразительным лицом, в моменты гнева превращался в синеглазого монстра. Вот и сейчас глаза от ярости приобрели ярко-синий цвет. – Ваш сейр, сюда. Немедленно!

Пристально глядя на тренера, медленно тянусь к переговорному устройству, одновременно задавая иные параметры энгу... потому что Лоджен сейчас нападет, это ясно, как то, что после рассвета день наступает.

И тут снова голос Эдварда:

– Киран, девочка моя, не молчи, я же знаю, ты меня слы-

шишь.

Сейр я разбила сама. Уже от злости. Швырнула тонкую пластиковую модель, припечатала ногой и добила палкой. И я его била, била и била, ровно до тех пор, пока не прозвучало:

– МакВаррас, защита!

Злая, смущенная и вконец взбешенная, я перехватила эенг, который уже начал трансформацию из одного двухметрового копья в два полуметровых.

И началась битва! Если бы в наших руках были не эенги, а обычное дерево, сейчас щепки летели бы в разные стороны. Но в тренировочном бою щепок нет, есть кровь, слезы, стоны и садизм преподавателей.

Удар! Я увернулась, проскочила под палкой, нанесла двойной аркад в корпус и мгновенно левой жестокий удар по коленной чашечке.

– Пантера! – прохрипел тренер, вынужденный перенести вес на оставшуюся здоровой ногу. – Продолжаем!

Ну, дальше закономерно – я уползала с двумя переломанными ногами по-пластунски. Позади на одной ноге прыгал тренер и продолжал рассказывать, какая я бестолковая.

Вечером, сидя в комнате нашей общаги, пытаюсь учить «Инверсионные течения» и не слышать третьей сотни вопросов на тему «Что там было?» от Мики, я приняла еще одно важное решение:

1. Больше никаких пластиковых сейров. Буду пользоваться-

ся встроенным.

Когда засыпала, услышала раздраженные переговоры сестры и брата:

– Мика, почему у тебя с обеда телефон не работал?

– Почему? – Микаэлла изобразила смех Черного Властелина. – Почему, спрашиваешь? У нас повсеместно заблокировали связь во время лекций и тренировок. А знаешь почему? Да потому, что один идиот звонил Кире, а она не успела отключить связь, и его слова слышали ВСЕ!

В трубке воцарилось удивленное молчание.

– Что между вами было?! – заорала Мика.

В ответ снова тишина. Напряженная, только слышно его дыхание. А после раздалось едва слышное:

– Мик, Кира сейчас рядом?

Голубые глаза подружки взглянули на меня, и Мика не стала лгать:

– Да, рядом. Она рядом, Эд, и в то же время ее нет! Что между вами произошло? Прошло уже два месяца с той нашей дурацкой пьяной выходки, и все это время Кира молчит!

Я нахмурилась и уже хотела встать, чтобы отобрать сейр, но Микаэлла сорвалась:

– Она молчит, зубрит лекции, записалась в две новые секции и больше не пьет. А самое страшное знаешь что, Эд? Она даже не улыбается больше! И я все думала, что это с Киран? А это оказался ты! ТЫ! Сволочь ты!

Последнее слово потонуло в судорожном всхлипе. Не вы-

ношу, когда Мика плачет, она такой добрый и светлый человек, и, когда плачет, у меня сердце сжимается.

– Мик, – смотрю на подругу. Она ручки к груди прижала, старается не всхлипывать, а у самой подбородок дрожит. – Мик, – я встала, забрала телефон, мстительно отключила. – Ничего он мне не сделал, успокойся. И не надо себя ни в чем винить.

Сидит и плачет, и на меня даже смотреть не может. Знает, что вру. Мика – солнечный человек, она может улыбаться и веселить всех вокруг, но при этом очень чутко чувствует чужую боль.

– Слушай, хочешь сегодня пойдем погуляем?

Влажный от слез взгляд и выразительный кивок в сторону часов – ага, после одиннадцати покидать общежитие нельзя.

– Давай поднимайся, – скомандовала я, направляясь в душ, – сегодня поиграем на контрасте.

Мика натуральная блондинка. Длинные светлые чуть вьющиеся волосы, голубые глаза, розовые губки и хрупкая фигурка. Я ее полная противоположность – жгучая брюнетка с зелеными глазами, и на фоне стройной Микаэллы кажусь очень женственной. А так самая обычная фигура... если ее не подчеркивать. Но как раз показывать достоинства и скрывать недостатки мы с Микой умели, а потому она в черном облегающем платье с глубоким декольте, я в таком же белом, но более коротком.

Пробраться мимо камер и охраны труда не составило – мы давно знали путь через подсобные помещения, а наши поддельные карточки идентификации как раз-таки и сообщали системе, что это две сотрудницы института покидают здание. И едва мы вышли из служебных дверей, как спортивные балетки были оставлены в нише над окном, а мы начали дефилировать на двенадцатисантиметровой шпильке. Туфли, к слову, были новые, посему мы поначалу шли медленно и осторожно, но уже скоро приноровились и дело пошло быстрее.

Поймали такси, назвали первый пришедший на ум адрес и полетели тусить, как умеем это только мы с Микойй.

* * *

Громкая музыка на этот раз как-то давила на мозги, но исключительно мне. Микаэлла царила на танцполе в окружении трех... а, нет, уже пяти кавалеров и наслаждалась повышенным к себе вниманием. Я же устроилась за барной стойкой и потягивала мятный коктейль с запредельным содержанием алкоголя. Время близилось к трем ночи, в клубе «Морской бриз», под это самое море декорированном, веселье было в самом разгаре, и я с тоской подумала, что теперь Мику до пяти утра не выгашить.

Но уже в следующее мгновение мысли о Микаэлле были вытеснены чуть насмешливым:

– Сколько?

Нам с Микой, конечно, и раньше делали подобные предложения, что неудивительно, учитывая форму одежды, нами предпочитаемую, а потому реагирую нормально и привычно, даже не глядя на собеседника:

– Мужик, обернись ко входу. Видишь охранников? Достаточно одного жеста с моей стороны, чтобы вон те далеко не маленькие парни вмешались. Так что, если не хочешь собирать свои зубы с пола, просто иди, куда шел.

Обычно на этом любые домогательства прекращались мгновенно, но в этот раз почему-то нет.

– Так вот она, твоя цена – выбитые зубы, – тихий смех. – Да, а ты реально дорогая девочка.

Стремительно крутанувшись, повернулась к нахалу, который не внял предупреждению. Темноволосый незванный гость, памятный по не слишком приятным событиям, обворожительно улыбнулся и поинтересовался:

– Что пить будем? Кстати, я Дейм.

Дейма забыть было бы сложно – красивый, наглый, мускулистый, смуглый, темноволосый, и взгляд – умный, такое сочетание редко встретишь. А я и вовсе видела впервые.

– Девочка по вызову, – в свою очередь представилась я.

– Забыла добавить – очень дорогая девочка, – парировал он.

Его белоснежная улыбочка вновь сверкнула в полумраке бара. Такой тип парней я хорошо знала – бабники, прав-

да, такие обычно цеплялись к Мике, я как-то больше другой контингент привлекала.

– Прости, Дейм, я сегодня... не работаю, – да и настроения перебрасываться колкими фразами не было совершенно.

Мне бы в общагу, под одеяло, и маме дозвониться, наконец. Стандартный ответ «Все хорошо», полученный после звонка с телефона Мики, я еще поняла, а вот нервное «Прекрати звонить, Микаэлла», мне не понравилось совершенно. Мама же знала, что звоню я. Так к чему это подчеркнуто официальное «Микаэлла», ведь ма мою подругу иначе чем «Микусик» не называет.

– Производственная травма? – решил продолжить беседу напарник Эдварда.

Мрачно взглянув на него, грубо ответила:

– Испарись! – Обычно хамство действовало.

Но не в этот раз. Дейм чуть склонил голову к плечу, разглядывая меня внимательным, слишком пронизательным взглядом и неожиданно произнес:

– Что случилось?

Хотелось просто его послать. Но что-то удержало. То ли пронизательный взгляд, то ли искреннее участие, прозвучавшее в его голосе.

– Лучше проваливай. – Я резким движением подняла стакан, сделала глоток.

Он протянул руку, накрыл мою ладонь неожиданно силь-

ной своей. Не могу сказать, что не ощущала раньше силы мужских рук, – при смешанных группах в спаррингах моими противниками всегда были парни. Но что-то с этим Деймом было не так. Я вернула стакан на барную стойку, прикоснулась к ладони, провела пальцами по выступающим венам. Что меня напрягло? Не знаю, наверное, эта вот странность – вены. В летних лагерях мы сталкивались с бойцами десанта, вот там такие же вылезшие вены были, но те бойцы качались, плюс стероиды, плюс имплант, а Дейм, если служит с Эдом, относился к разведподразделениям. Тогда откуда это?

– Новая тактика обольщения? – произнес Дейм, а едва я взглянула на него, подмигнул и ехидно добавил: – Начинаю понимать причины твоей завышенной стоимости.

Мгновенно убрала руки и вообще вернулась к коктейлю, сделав вид, что ничего не было. Хотя с чего это вообще я смутилась? Крутанувшись на стуле, с вызовом взглянула на Дейма... под его понимающим и опять же чуть снисходительным взглядом смутилась окончательно и решила пить и молчать.

– Я бы тоже сделал вид, что ничего не было, но мне просто интересно – что ты там заметила такого любопытного, в моей ладони? – веселый голос, в котором проскальзывают стальные нотки.

Не скажу, чтобы подобное мне было в новинку – адмиралы, капитаны крейсеров, капитаны военных баз говорили примерно так же, вроде и по-дружески, мы-то для них все-

го лишь курсанты, прибывшие на экскурсию, но за внешней мягкостью проскальзывала эта командная сталь. И снова вопрос – откуда у разведчика подобный голос? Сомневаюсь, что у него привычка командовать впиталась в характер.

– Люблю мужские руки, – с придыханием ответила я и хлопала ресничками.

– Люблю красивых девушек, – в тон мне произнес Дейм, неожиданно придвигаясь ближе и превращая наше общение в нечто интимное.

А это уже наглость.

– Дейм, – пропела я, тоже придвигаясь к нему, – есть предложение.

– Мм, слушаю. – Его рука скользнула на мою коленку.

Я облизнула губы и, глядя в черные насмешливые глаза, выдохнула:

– Проваливай!

Дейм отреагировал странно. Ни злости, ни раздражения, ни насмешки – он удивился. Он действительно сильно удивился и теперь смотрел на меня, чуть нахмурившись и явно не понимая.

– Что? – спросила я.

– Ты меня послала, – констатировал Дейм. – Ты серьезно меня послала?

Настала моя очередь удивляться. Запел женский красивый голос, ударили басы, клуб взорвался восторженным женским визгом, а я удивленно смотрела в черные глаза напар-

ника Эдварда Дрейга, который не менее удивленно смотрел на меня.

– Кира, – обнаружил он знание моего имени, – нет, правда послала?

– А что тебя удивляет? – решила я возмутиться. – У меня нет настроения. После случившегося на квартире Эда мне банально стыдно, и вспоминать о нашем знакомстве нет желания абсолютно. И да – я тебя послала, ты не в моем вкусе.

Его глаза округлились.

– Что? – повысив голос, спросила я.

Дейм тряхнул головой, словно пытаюсь отогнать какие-то мысли, и коротко приказал мне:

– Смотри.

После чего стремительно поднялся. Развернувшись вполоборота, я начала смотреть. Дейм же оглядел зал, выхватил взглядом девушку в ярко-малиновой мини-юбке и едва зримо черном топике. Повернулся ко мне, удостоверился, что я наблюдаю, и подошел к жертве, которую приобнимал довольно-таки симпатичный парень. Дальше случилось нечто – девушка повернулась, едва Дейм обратился к ней с вопросом... в следующее мгновение улыбка исчезла с ее лица, глаза расширились, лицо приняло восторженное выражение, и, отбросив руку своего парня, она шагнула к темноволосому напарнику Эдварда Дрейга. Бракованный навигатор, у нее мозги явно закоротило. А наглая рожа чуть склонил голову, словно извиняясь, крутанулся и спокойно, с явно вернув-

шейся самодовольной уверенностью направился ко мне.

Подошел, сел рядом и произнес:

– Видела?

– Да, – согласилась я, – ты козел.

«Козел» удивленно вскинул бровь, меня это не тронуло.

– Так ты, значит, веришь, что сможешь привлечь внимание любой девушки? – не скрывая насмешки, поинтересовалась я.

– «Привлечь внимание»?! Я не клоун, – отрезал Дейм, – а вот влюбить в себя я действительно могу любую. Собственно поэтому я и подошел к тебе.

– Чтобы влюбить меня в себя? – Меня откровенно воротило от его самоуверенности.

– Чтобы поговорить, – уточнил Дейм. Усмехнулся и нехотя начал: – Кир, то, что случилось тогда у Эда...

– Хватит, – отрезала я. И встала, намереваясь прекратить беседу.

– Он из-за меня так поступил. – Черные глаза пристально смотрели на меня.

Усмехнулась, качнула головой и честно ответила:

– Мне все равно, Дейм.

И уже собиралась уйти, как услышала:

– Не будь стервой, Кира.

Да, после такого я осталась, села обратно и ответила:

– Не будь козлом, Дейм.

Улыбнулся, едва заметно, несколько мгновений раздумыва-

вал, продолжить беседу или нет, но все же решился. И, не глядя на меня, с раздражением произнес:

– Я могу получить любую, Кир. Абсолютно. Эд в курсе, и он попытался прикрыть тебя, не позволяя мне даже рассмотреть его утреннюю гостью. А то, что сказал... – Он рассеянно пожал плечами. – Дрейг знает, что я шлюхами не интересуюсь, вот и обезопасил тебя от моего интереса.

– Бредово звучит, – сообщила я.

– Правда – всегда бред воспаленного сознания, – парировал он.

Забавный у нас выходил разговор, но все же:

– Любую? – недоверчиво переспросила я.

Мне весело и с намеком подмигнули. А вот это уже любопытно. Я демонстративно крутанулась, оглядела зал. В него как раз входили Вероника и ее новая игрушка Симма. Веронику я знала давно, у шефа встречались, и ее интересы мне также были известны – мужчины в них не фигурировали.

– Ее сможешь? – скрывая ехидную улыбочку, поинтересовалась я.

– Мм, что мне за это будет? – в свою очередь поинтересовался Дейм.

Я подтянула платье, чуть сползшее на груди, и осторожно спросила:

– А чего хочешь?

Если скажет «тебя», получит в морду немедленно. Но напарник Эда удивил, произнеся:

– Поговоришь с Дрейгом.

Бросив на него удивленный взгляд, я переспросила:

– Что?

– Поговоришь с Эдвардом, – спокойно повторил он.

– Зачем?

От очередного всплеска визгов восторженных любительниц клубной музыки я чуть поморщилась. Дейм усмехнулся, побарабанил пальцами по барной стойке и сделал неожиданное признание:

– Жаль мужика.

Катарсис, приди к нему – все, что тут можно сказать.

Я хмыкнула и уточнила:

– Так что я должна сказать Эду?

Дейм загадочно произнес:

– Ты знаешь.

– Если бы знала – не спрашивала.

Но все же он прав – я знала. Прочла ответ в его взгляде, скользнувшем по моим губам, и, прежде чем он его озвучил, уже догадалась, что услышу:

– Скажешь, что ты со мной.

Бракованный навигатор!

– Дейм, – мягко начала я, – да ты просто...

– Мерзавец, гад, подонок, сволочь, – он без труда догадался, что я планировала выдать, и вызывающе улыбнулся.

Не менее нагло улыбнулась ему. В полумраке барной стойки наши оскалы сияли в свете неона пару секунд, после чего

я искренне пожелала ему:

– Чтоб у тебя автопилот загляучил.

– Это типа «нет»? – спросили с явным предвкушением.

– Зря ты вообще этот разговор затеял, – сообщила я и отвернулась, не желая продолжать наше общение.

– Кира, – тон его голоса мне не понравился. – Поговори с Эдом. Без нанесений легких телесных повреждений.

Я не отреагировала.

– Поговори с ним сама, иначе я заставлю.

И вот тогда я не выдержала, развернулась к нему и напрямую спросила:

– А какая тебе разница, буду я с ним разговаривать или нет?!

Дейм усмехнулся и, глядя мне в глаза, спокойно ответил:

– Предпочитаю работать с теми, кому есть что терять. Видишь ли, у них не бывает потерянного взгляда, да и проблем они не создают. В общем, Кир, я ушел покорять девицу нетрадиционной ориентации, – я покраснела, никак не ожидала, что Дейм все поймет, – а ты готовишься к встрече с Эдом.

И он поднялся, я же спокойно спросила:

– А если нет?

Дейм развернулся и теперь стоял за моей спиной. Затем нагнулся, пошевелив дыханием волоски на моем затылке, и прошептал:

– А если нет, тобой займусь я. Не скажу, что ты в моем

вкусе, но согласись – девушка, сумевшая сказать «нет», – это уже вызов, заслуживающий внимания. Будь хорошей девочкой, Киран, вы с Дрейгом чудесная пара, не мучай парня.

И он ушел.

Допив коктейль, протянула бармену карточку. Тот, весело подмигнув, вернул обратно.

– Опять за счет заведения? – догадалась я.

– Дань твоей красоте от постоянного почитателя, – отозвался Крис, намекая, что подарок от него. Не в первый раз уже.

– Мой рыцарь. – Я томно улыбнулась.

– Пантеренок, я готов быть твоим до конца жизни, – с Крисом никогда не поймешь, шутит он или серьезно.

Надо забирать Мику и валить домой. Оглянулась на танцпол. За время общения с Деймом я как-то упустила происходящее из виду, и вообще визги восприняла как реакцию разбушевавшихся меломанок, а оказывается, дело было не в излишке алкоголя – судя по всему, там только закончилась драка. И атмосфера накалялась. Неизвестно откуда взявшиеся два бугая, выше всех на голову как минимум, похоже, в процессе драки разогнали всех кавалеров Микаэлле и теперь пытались «поговорить».

– Кир, стой, я скажу охранникам, – встревожился Крис.

Видимо, он, как и я, только заметил неладное.

– Разберусь, – спокойно отозвалась я.

И походкой от бедра уверенно направилась туда, откуда все нормальные люди, предчувствуя проблемы, уже разбежались.

– Чья ты? – Низкий гортанный голос, с трудом выговаривающий слова.

Явно не местные ребята.

И чем ближе я подходила, тем отчетливее понимала это. Одежда не из синтетической ткани, оружие на поясе, оружие в сапогах, ножи в ножнах. И оба громилы поразительно походили друг на друга. Бронзовый оттенок кожи, черные большие, чуть зауженные глаза, крупный нос, твердые губы, квадратные подбородки, длинные волосы и татуировки странного членистоногого на правом плече.

Именно татуировки заинтересовали сверх меры – изображение точно такого же членистоногого когда-то украшало и мое собственное плечо. Сейчас там красовалась аппликация из стразов и кусочков кожи, за которую я отдала немалые деньги.

– Привет, мальчики. – Я уверенно взошла на танцпол и, подойдя к Мике, резким ударом ребра ладони заставила громилу отпустить ее руку.

Что странно – Микусь громилам не сопротивлялась совершенно, стояла и с выражением восторженного обожания смотрела на того, кто к ней с вопросом обратился. Я дернула ее за руку – никакой реакции, меня словно и не заметили.

В следующее мгновение Микаэлла была у меня за спиной. А оба воина, иначе их и не назовешь, сфокусировали трезвые взгляды на мне. Да, оба были трезвыми, абсолютно и совершенно, и это мне очень не понравилось. А еще у них у обоих был очень умный взгляд. Цепкий, проникновенный и... странный. Мне невольно Дейм вспомнился. И то, как после его взгляда и вопроса девушка в красной мини-юбке стояла с восторженным и тупым выражением на лице, совсем как сейчас Мика. Странно, да? Что еще страннее – кажется, от меня ждали той же реакции. Не дождались, недоуменно переглянулись.

– Чья? – хрипло спросил второй, который к Мике не приставал.

– Вы кто? – в свою очередь поинтересовалась я.

Сдержанные кивки головами, видимо, заменяли поклоны, после чего первый представился:

– МакХаррвед, воин первой руки.

– МакАтлар, воин четвертой руки, – выдал второй.

Забавно. Очень-очень забавно. Потому что я – МакВаррас! А двойных фамилий на Гаэре нет ни у кого... кроме меня.

– Люси, Ванесса, – представила я нас с Микаэлкой, которую явно трясло, так как подруга вцепилась в мою ладонь. – Рады были познакомиться, мы пойдем.

В ответ раздалось:

– Стоять!

Я не успела отреагировать, как МакАтлар с невероятной для такого огромного существа скоростью блокировал нам отход, в то время как МакХаррвед сделал шаг и приблизился вплотную.

– Чьи вы? – хрипло и властно спросил воин. – Кому принадлежите?

Внезапно поняла, что лучше нам сейчас действительно принадлежать хоть кому-то, потому как иначе у нас проблемы. Большие проблемы. Учитывая скорость, с которой эти громилы двигаются, охрану данного заведения и оружие не спасет.

– Мы... – начала я медленно подбирать слова.

– Да ничьи мы, – закричала Мика. – Ничьи, я говорила!

Зря она это сказала. Ой зря...

– Это хорошо. – МакХаррвед широко и неприятно улыбнулся и сказал Мике: – По праву сильнейшего ты, Люси, моя!

Я уже догадалась, что это большая, очень большая проблема, как услышала за спиной:

– По праву сильнейшего ты, Ванесса, моя!

Оглянувшись на бледную Микаэллу, которая, кажется, начала отходить от странного состояния загнипнотизированности, я мрачно выдала:

– Здорово погуляли, да? – и сделала знак охране.

Увы, даже когда шестеро двухметровых сотрудников службы безопасности «Морского бриза» стремительно и уверенно шагнули на танцпол, я точно знала, что выносить

отсюда будут именно их. С другой стороны – чем они думали, пропуская сюда столь странных посетителей, да еще и с оружием!

Зато, едва охранники подошли, началось самое веселое:

– Девушки, вам требуется помощь? – скорее для того, чтобы отвлечь громил, чем из вежливости спросили они нас.

– А вы как думаете? – в свою очередь поинтересовалась я. – Кто вообще впустил сюда индивидов с оружием?

Начальник СБ смущенно кашлянул и сообщил:

– Они вырубили сотрудников фейсконтроля.

– А вы полицию вызвали? – Мика тоже была возмущена.

– Уже на подходе, – ответили нам.

– Тогда мы пошли, – решила я, вспомнив, что нами-то полиция и заинтересуется, учитывая поддельные документы.

И тут прозвучало:

– Нет. – МакАтлар перехватил мое запястье, рванул на себя и задвинул за спину. – Женщина моя, уйдет со мной. Слова были произнесены.

В ту же секунду участь, подобная моей, постигла Мику. Стоя за широкими спинами воинов, мы мрачно переглянулись. Потом началась драка... И закончилась спустя пару секунд. «Наши» воины одержали полную и безоговорочную победу. Остальные остались отдыхать на полу танцпола, подсвечиваемые светомузыкой.

– Женщина, – обращение воина ко мне не радовало. – Идем!

– У меня есть имя, – решила напомнить на всякий случай.

– Имя у свободных, имя жены – женщина. Ты строптивая.

Воин научит послушанию.

Самое обидное – что этими скупыми фразами мужик словно подчеркивал мою тупость. Не свою, а действительно мою, что бесило.

– Это вряд ли, – отозвалась я, уже примеряясь, куда буду бить.

И тут на сцене действия появился новый персонаж.

– Кир, я не это имел в виду под термином «хорошая девочка». – Дейм брезгливо перешагивал тела бессознательных охранников, направляясь к нам.

Мы с Микаэлкой скептически оглядели «спасителя». По сравнению с гаэрскими парнями он и Эдвард были, несомненно, крупными и накачанными, но в сравнении с воинами Дейм казался хрупким подростком. А еще он двигался как самый обычный человек и был совершенно без оружия. В общем, учитывая, что эти двое сделали с охранниками, в том, что Дейм сейчас тоже отправится поспать, я не сомневалась. Но так у нас с Микой хоть будет время снять туфли и сбежать, благо физподготовка на уровне.

– Помощь не помешает, – заметила Микаэлла, как и я, спешно снимая обувь.

Дейм не ответил. Теперь он переводил взгляд с одного воина на другого, а в следующую секунду стремительно атаковал.

Каюсь, сбежать не успели! На пару с Микой, открыв от удивления рты, мы смотрели, как парень бережно уложил «спать» сначала одного громилу, а затем поверх него и второго. И все это неторопливо и вместе с тем молниеносно.

После сего безмолвного действия Дейм выпрямился, достал салфетку и, вытирая руки, весело спросил:

– Ножкам не холодно?

Холодно не было. Было странно.

– Ты его знаешь? – не отрывая взгляда от темноволосого, спросила Мика.

– Встречались разок, – тихо ответила я, – в небезызвестной тебе квартире.

– Это какой? – Микаэлла продолжала восхищенно рассматривать незнакомца.

– Там, где... эм... в футболках ходили...

Мика приняла единственно верное решение:

– Сматываем! – Это мне. – Спасибо, – это Дейму.

И, не сговариваясь, мы так босиком и рванули прочь, причем не в сторону входа, а к служебным помещениям, ибо на улице уже завывали сирены полицейских катеров.

* * *

Забег по ночному городу был не в новинку для нас обеих, да и маршрут известный. По заднему двору клуба с разбега взлететь на стену, перепрыгнуть, затем прыжок на сте-

ну и снова бег, где единственная проблема не расхохотаться раньше времени и туфли не потерять.

– Кто он такой? – Мика тормознула раньше времени – мы еще не успели добежать до перекрестка.

– Не знаю, – я тоже остановилась. – Зовут Дейм.

– Дейм? – Микаэлла остановилась, нахмурилась. – Кир, а этот Дейм ничего о вылетах не говорил?

– Говорил. – Я вернулась за ней, схватила за руку и заставила идти вперед.

– Кир, – простонала подруга, – похоже, это Дамиан Таим. Новый начальник Эда.

Теперь и я остановилась.

– А не слишком ли он молод для начальника? – изумилась я.

Мика развела руками.

– Вот атом нестабильный, – на большее слов не хватило.

Как бы совсем не хотелось, чтобы семья Мики или моя мама узнали о наших ночных вылазках.

– Ладно. – Мик тряхнула золотыми волосами. – Будем решать проблемы по мере их поступления.

– Поддерживаю.

Мы рванули в ночь. Добежали до края крыши, спустились по пожарному лифту, надели туфли и, продефилировав до перекрестка, поймали такси. В четыре утра две «служащие общежития» вернулись в собственно здание университета, а две студентки наконец легли спать.

– Кир, тебе сейр новый нужен, – напомнила сонная Мика, просматривая свой собственный.

– Знаю, – отозвалась я. – Завтра заезд организуем.

– Эд вернулся. Тут почти сорок сообщений для тебя.

– Это его проблемы, – буркнула я, – спать.

Но не успели мы заснуть, как сейр Микаэллы тонко запиликал. Мика ответила и через секунду протянула его мне со словами:

– Это не Эд, но хотят тебя.

Нехотя взяла пластиковый контур, поднесла к уху и услышала злое:

– Кто-то что-то не понял?

Молча вырубилась связь.

История третья, заездоорганизовательная

Иногда двум неразлучным подругам бывают очень нужны лишние кредиты. Точнее, они не лишние, они очень даже необходимые, и они нам бывают крайне нужны... всегда. Когда мы только поступили в универ, все наши сбережения представляли собой подотчетные родителям кредиты и скудное денежное довольствие. Прошел месяц, и однажды неприятный тип из параллельной группы подвалил к нам с предложением. Скольким таким, как и сам Скользкий Ал.

Как выяснилось, парнишка организовывал гонки и предложил нам принять участие в ставках. Мы подумали, Мика произвела подсчеты и приняли решение – организовывать гонки самим и самим же принимать ставки. В кратчайшие сроки мы нашли двух самых непримиримых гонщиков, уговорили их посоревноваться, организовали заезд и начали принимать ставки.

Скользкий Ал был в ярости, даже пытался нам угрожать, но... Сочетание – симпатичная девушка и деньги – это не то, от чего может отказаться любой парень. И все гонщики были наши. Все же иметь дело с нами оказалось гораздо приятнее, чем со Скольким Алом, и так как мы не жадные, то платили значительно больше.

И вот утром, еще до лекций, мы связались с фаворитом

гонок Точеным и новичком Риком, договорились о заезде и разослали эту инфу всем заинтересованным. Свободные кредиты начали стекаться в наши загребущие пальчики уже к обеду. Принимали ставки два к одному на победу Точеного.

А в десять вечера я и Мика в облегающих ярко-красных кожаных комбинезонах, завершающихся очень короткими шортиками, с такими же ярко-алыми губами и ногтями разгуливали по стартовой площадке, принимая последние ставки и общаясь с почитателями гонок. Кстати, победителем будет Рик, это знала я, знала Мика и знал Точеный. Для остальных ожидалась яркая гонка на выживание, и даже сам Рикьян о своей будущей победе еще не ведал.

– Девчонки, – Точеный вынырнул из толпы и нагло приобнял обеих за талию, – потусим сегодня в честь моего поражения?

Мы с Микой переглянулись и поняли неожиданное и крайне неприятное: Точеный пьян!

Толпа же, узрев всеобщего любимца, радостно взревела. Свист, крики, признания в желании стать матерью его детей также присутствовали. А мы с Микой думали.

– Кофе? – предложила Микаэлла.

– Не вариант, он в дрова! – резонно подметила я, так как он повернулся сейчас именно ко мне, наградив непередаваемым ароматом зверского перегара.

– Кто «в дрова»? – Точеный выпрямился, козырнул и с со-

вершенно пьяной улыбочкой выдал: – Я готов к подвигам!

Ой... вот когда он такой, это хуже, чем полный абзац. Мы начали оглядываться, и вдруг я узрела рожу Скользкого Ала. Мика проследила за моим взглядом и тоже поняла очевидное.

– Точеный, ты с кем пил? – уже зная ответ, спросила Микаэлла.

– Да с Алом. Клевый пацан, выпили по пивку безалкогольному... Нормальный он, чего взъелись на парня?

В общем, диверсия налицо.

– Мы пропали, – простонала Мика.

– Похоже на то, – была вынуждена сообщить я.

Как организаторы гонок, мы знали одно непреложное правило – пьяных за руль не пускать, иначе запаришься с протестами игроков. Следовательно, у нас нет гонщика! Точнее, не так – у нас нет Точеного, а ставки именно на него шли!

И тут Микаэлле озарило:

– Кир, у меня сногшибательная идея!

– А может, не надо? – Все, кто сталкивались с идеями Мики, знали о причинах отсутствия у меня энтузиазма по этому поводу.

– Надо, Кира, надо. Я новые туфли хочу, ты – сейр. И потом, мы давно не устраивали ничего феерического.

И тут Точеный пьяно икнул и повалился на капот своей малышки. Ревевшая толпа затихла в момент, осознав, что гонки, кажись, срываются. Мы с Микой переглянулись, и я

кивнула, принимая любое ее предложение. Все равно хуже уже не будет.

Увы, я ошибалась!

Расстегнув комбинезон так, что теперь был виден бюстгальтер, Микаэлла тряхнула волосами и, невзирая на каблучки, взобралась на машину Точеного, одновременно подключившись к громкой связи:

– Внимание! – Ее звонкий голосок разнесся над всем стадионом. – Объявляем гонку века и самый неожиданный приз!

Толпа, шумевшая и обсуждавшая абсолютно пьяного Точеного, замолкла, уставившись на Мику. Микаэлла очаровательно всем улыбнулась, провела рукой по изящному изгибу от груди до бедер, и выдала:

– В связи с убытием Точеного, которого подло спойл всем известный Скользкий Ал, подсунув якобы безалкогольное пиво, мы меняем правила и приз!

Толпа зашумела, друзья Точеного вмиг выискали взглядом Скользкого и слаженно направились к нему. А в друзьях у гонщика выпускники «Беркута», отряда спецреагирования. Кипец Скользкому!

А потом я узнала, что кипец и мне!

– Итак, новые правила! – Микаэлла, освещенная светом прожекторов, словно светилась вся. – Объявляется набор участников гонок! Победитель получает то, о чем, несомненно, мечтал каждый из вас на протяжении всех шести меся-

цев!

У меня нехорошо кольнуло в сердце.

– Итак, у победителя будет выбор – деньги или поцелуй прекрасной Киры!

Тишина... задумчивая тишина. Хохот, а после свист, улюлюкание и крики «Согласен!», раздающиеся с разных концов стадиона.

– Вот атом нестабильный! – только и сказала я.

А суть в том, что при поступлении у Мики была защита – Эдвард. Защита распространялась и на меня, а потому у нас проблем не было. Были ухажеры, счастливые и не теряющие надежду у Микаэллы и несчастные, местами покаленные у меня. Ну не считаю я, что нужно целоваться с каждым встречным... Эд исключение. И вот в результате среди студиозов было провозглашено пари на интересных условиях – как лотерея; выигрывает тот, кого первого я поцелую. Желаящий принять участие вносил определенную сумму, а выигравший срывал весь банк. И какие только предложения я не выслушала за все эти месяцы. Меня просили, умоляли, мне угрожали и у меня требовали! Кулак в кадык – вот мой стандартный ответ всем. И за шесть месяцев призовой фонд вырос настолько, что я уже подумывала ответить согласием тому, кто предложит разделение выигрыша по ставке 20\80, семьдесят мне, естественно. Пока таких предложений не поступало, и я держала марку. И тут это!

Но слова были сказаны, а мы с Микой известны тем,

что свое слово держим. И я с угрюмым видом смотрела, как к старту устремляются катера новых участников, а ко мне спешит Рик.

– Кира, – он остановился в десяти шагах. Потом подумал и крикнул: – Эй, а кто ставки на ее поцелуй принимал?

В толпе кто-то захрипел. Потом послышалось:

– Вызовите «Скорую»... будьте людьми...

– Джек из триста двадцать второй принимал, – проявила я осведомленность в вопросе, о котором как бы и знать не должна была бы.

Рик оглядел толпу, нашел Джека, ринулся к нему. В этот момент Микаэлла спешно впечатывала имена участников в табло, оповещая тем самым присутствующих о количестве гонщиков. За пятнадцать минут набралось сорок три человека. Стадион мог вместить максимум пятьдесят гоночных катеров.

И вдруг в толпе послышалось:

– А Кира точно будет целовать победителя? – И задан был вопрос таким подозрительно знакомым голосом.

Народ зашумел, все начали доказывать, что Кира и Мика, если дали слово, то это железно. А вот как раз мы с Микаэлой стремительно белели, подруга даже сейр выронила.

– Атом нестабильный, – снова выругалась я.

– Эд, – прошептала Мика одними губами, испуганно глядя на меня.

В следующую секунду она застегнула молнию под шею

и вообще словно стала меньше ростом, а шорты начала вытягивать пониже. Глядя на ее тщетные попытки выглядеть поскромнее, я рванула молнию едва ли не до пупка и развернулась к тому месту, где народ ощутимо затихал.

Эдвард Дрейг словно ждал этого момента. Его выдающаяся персона находилась на верхних ярусах этого заброшенного стадиона, одет он был в черную майку и брюки цвета болотной зелени. Но самое интересное – его руки были сложены так, что мускулы отчетливо выделялись. А еще Эд был злой.

– Ну-с, недоверчивый тип, – я встала ровнее, – вы там долго стоять будете? Или вы уже передумали и отказываетесь принимать участие в гонке века?

Встроенный громкоговоритель разнес мои слова по всему пространству. Послышался хохот, опять улюлюкание, кто-то начал подбадривать Эда, а Мика сказала:

– Идиотка!

У нее, кстати, тоже был встроенный громкоговоритель, который подруга отключить забыла.

– Молодец! – похвалила я.

Мика покраснела, сурово взглянула на меня, а после повела себя, как и всегда в экстремальных ситуациях, – просто на все забила.

– Итак, принимаем ставки! – возвестила Микаэлла. – До старта десять минут! Имена героев на табло! Поддержите друзей и прокляните недругов! Не тормозим, господа!

И пусть этот вечер принесет вам не только массу эмоций, но и денежный выигрыш!

– И помните: кто не рискует, тот слабак! Делаем ставки, господа! – поддержала я.

Ставки шли в автоматическом режиме – народ сливал электронные кредиты, делая ставку через сейр либо с телефонов. И больше всего ставили почему-то на Эда, именуемого на табло как «Таинственный незнакомец».

Хмыкнув, послала Мике сообщение:

«Он скорее темная лошадка»!

«Не смей называть моего брата жеребцом!» – ответила Микаэлла.

«Я и не думала, потому что кобель он, а не жеребец!»

«Ты бы это... обернулась, что ли!»

– Неожиданно, – раздалось над моим плечом.

Обернувшись, застукала Эда, бессовестным образом читающего нашу переписку.

– Знаешь, Кир, – развернув меня к себе, Эд осторожно отключил громкоговоритель, превращая нашу беседу из публичной в приватную, – я в шоке. Я в таком диком шоке, что думаю лишь о том, чтобы схватить тебя и эту дуру малолетнюю и отшлепать обеих.

Так как я в данный момент старалась не думать о том, что обе руки этого теоретически двурукого, но, как подсказал опыт, явно имевшего по меньшей мере шесть рук индивида, согревают прикосновением мою талию. Вот только я больше

не верила ему. Ни ему, ни Дейму. Не прощаю я такого. И даже разговаривать с ним не хотелось.

К счастью, Эд сообразил сам:

– Для вас это важно?

Я кивнула.

– На кону ваша репутация?

Кивнула снова.

– Если я выиграю, ты согласишься меня выслушать?

На сей раз кивать не хотелось.

– Ки-и-ир, – протянул Эдвард.

– Ладно, – голос мой упал до шепота, – если ты... выиграешь...

Про себя подумала, что в этом случае нам с Микой достанется денежный приз, который по условиям гонки мы обязаны выплатить победителю.

– Я выиграю, – уверенно произнес Эдвард.

Когда он шел за своим катером, рассекая толпу, я молча смотрела ему вслед.

– Микрофон слюной закапаешь, – сообщила мне Мика.

– Громкоговоритель! – прошипела злая я.

Но уже все и все слышали, а Эд обернулся, весело мне подмигнул и продолжил шествие, уже гораздо более довольный, чем прежде.

К моменту, как все болиды выстроились на старте, мы с Микой уже стремительно меняли ставки тотализатора, так как суммы кредитов все прибывали и прибывали. В какой-то момент стало ясно, что в ставках не только наш универ участвует. Это несколько нервировало.

– Закрываем, – скомандовала Мика.

– Поддерживаю, – и я прикрыла ставки на Эда.

– Подавай сигнал, – Микаэлла махнула рукой, демонстрируя, что она очень занята.

Вновь включив громкоговоритель, я схватила оба флажка и модельной походочкой двинулась к болидам. Когда подошла и изобразила стриптизерское приседание, в серебристом дорогом болиде взревел двигатель. Послала Эду воздушный поцелуй и сообщила зрителям:

– Итак, наши героини на старте! Сорок шесть участников, готовых рискнуть всем ради победы!

И тут я совершила величайшую глупость, объявив:

– И по традиции наших гонок, я в последний раз задам вопрос: есть ли среди вас еще те, в чьих жилах течет огонь? Есть ли еще желающие принять участие в Гонке Века?!

Вообще это только обороты речи, произносимые, дабы участники себя особенными ощутили. Но сегодня все было против нас!

Послышался гул отдаленного мотора, затем над стадионом показался черный болид, который слетел к старту и занял одно из оставшихся пустых мест. И пока я, как и все остальные, удивленно смотрела на неопознанный автомобиль, тонированное стекло опустилось, мне нахально улыбнулись и «гость незванный» весело поинтересовался:

– Скучала?

– Кир, это кто? – Мика, стоящая на наблюдательной площадке, поинтересовалась громко, так, чтобы все слышали.

– А это... – я задумалась, – это наш Темный жеребец!

– Может, лучше «Темная лошадка»? – решила смягчить Микаэлла.

– Неа. – Я, не скрывая раздражения, взирала на нашего вчерашнего спасителя, – это Темный жеребец, так и заноси в табло.

В результате имеем на лидирующих позициях по ставкам Таинственного незнакомца и Темного жеребца.

– Пусть победит быстрееший! – возвестила я, поднимая руки со сверкающими флажками вверх.

Мне нравился этот миг – я, а позади ревушие двигателями болиды! И требуется лишь один жест, одно движение, чтобы эта стальная лавина ринулась в бой за скорость!

– На старт! – вскидываю голову, смотрю в сверкающее звездами небо.

– Внимание! – Я улыбаюсь этой ночи, этим звездам, всем присутствующим. Ладони сильнее сжимают рукояти флаж-

ков, и те, повинуюсь, вспыхивают ярче.

Миг. Краткий миг затишья перед бурей. В душе поднимается какое-то невероятное, ликующее чувство. Яркое, острое ощущение власти, силы, могущества. Да, ради таких моментов стоило жить!

– Старт! – И я резко опускаю флажки, вслед за ними становясь на одно колено.

Рев! И над моей головой проносится лавина металла и огня!

Замерла, ощущая, как порывы вспарываемого воздуха треплют волосы, открыла глаза, встала, отключив флаги. Сорок семь сверкающих болидов мчались по трассе, стремительно заходя в первый поворот. Роскошное зрелище!

– И... вперед вырывается Темный жеребец! – возвестила следящая с возвышения Мика. – А Киран утирает слезы восторга и тащит свою аппетитную...

– Убью, – ласково сказала я.

– Ладно, и тащит свою неаппетитную...

– Повешу...

– И с этой девушкой я делю постель!

– Жилплощадь!

– Между прочим, я отдала тебе свои лучшие годы!

– Да? Я думала, лучшее ты отдала подгузникам.

Мы с Микой ссорились в шутку, просто это всегда нравилось зрителям, а мы и рады стараться. И факт в том, что на гонки, организовываемые нами, собиралось втрое больше

народа, чем на любое другое незаконное мероприятие, и мы этим гордились.

– О, крутой вираж – и вперед вырывается Таинственный незнакомец! Ки-и-ир, и как он тебе?

– Кобель?

– Ки-и-ир, я говорю не о собаках, а о том самом Таинственном незнакомце.

– Поздно. – Я как раз добралась до смотровой и теперь узрела очевидное. – Впереди вновь Темный жеребец.

Микаэлла улыбнулась мне, подошла, обняла и, отключив громкоговоритель, прошептала:

– Ки-и-ир, на тебе лица нет. Ты в порядке?

Отрицательно машу головой. Вот как она все замечает?

– Из-за вчерашнего? Из-за воинов, да?

Откровенно говоря, нехорошие предчувствия меня действительно не покидали, но пока Мика этого не сказала, я все никак не могла понять, с чем связана моя тревога.

– Работаем, – прошептала я одними губами.

Мика кивнула, подключилась, и ее серебристый голосок разнесся над стадионом:

– У нас два несомненных лидера – Таинственный незнакомец и Темный жеребец!

– И в хвосте этих не в меру ретивых жеребцов пристроился наш новичок Рик! – подхватила я. – Народ, давайте поддержим нашего студента, нашу гордость, нашего будущего чемпиона. Рик, Рик, Рик, Рик, Рик, Рик!

Толпа подхватила, и теперь все скандировали «Рик», правда, имена других участников также назывались, а я стояла на своем:

– Держу пари, Рик победит! – Уверенность в каждом слове.

– Кирюш, говорила, не наклеивай эти ресницы, ты из-за них совсем не видишь, что во главе наших смелых и отчаянных все так же Таинственный незнакомец и Темный жеребец!

– Микусь, ты, конечно, блондинка и тебе все простительно, но поверь моей интуиции. А реснички у меня наращенные, это ты у нас все клеишь по старинке.

– Кир, в последний раз, когда мы доверились твоей интуиции, ректор получил в подарок мазь от геморроя!

Толпа грохнула хохотом. Мы зажигали.

– Мик, поверь, я была уверена, что у него с этим проблемы. Понимаешь, каждый раз, присаживаясь, он так кривился.

– Кирюш, просто он по утрам видел тебя без косметики в аудитории, вот и кривился.

– Микусь, какая косметика? В девушке все должно быть натуральным.

– Сказала горилла, догрызая девичий окорочок.

– Микусь, твоя кровожадность меня пугает.

– Не бойся, у меня новая диета – после шести подруг не ем.

– Это радует...

Мы погрузились в созерцание гонки. А момент был напряженный – влетая в очередной поворот, Эд заметно теснил незваного гостя. Сейчас оба наших неожиданных гонщика опережали остальных примерно метров на двадцать, и соревнование, по сути, шло именно между этими двумя. Вот только играли они... нечестно.

– Какие плохие мальчики, – подметила я.

– А девочки любят плохих мальчиков, – мурлыкнула Мика, – правда, девочки?

Прекрасная половина присутствующих ответила оглушительным визгом, и это несколько отвлекло внимание публики от весьма подлой подсечки Дейма, который нырнул под болид Эда, и только прекрасные навыки вождения старшего брата Микаэлы не позволили случиться страшному.

– Идиот! – прошипела я, забыв о том, что каждое слово слышно всем.

– Кирюш, я девушка тихая, скромная... Но еще раз братика так обзовешь, и я тебя закопаю... тихо и скромно.

– Бросай диету, кровожадина моя, брось каку, кому говорю.

Но нас уже никто не слушал. Болиды вышли на финишную прямую! Эд и Дейм впереди, за ними Рик, остальные – невразумительной массой следом.

– Ри-и-ик! – крикнула я.

– Таинственный незнакомец! – завопила Мика.

«Ри-и-ик!» – поддержали меня все девчонки стадиона.

– Десять, девять, восемь, – Микаэлла начала отсчитывать секунды.

– Семь, шесть, – включилась я.

«Пять, четыре!» – подключился весь стадион.

А я перестала дышать. Эд, в своем серебристом автомобиле, явно решил избавиться от соперника, который чуть обгонял его. Резкий удар вправо заставил болид Дейма крутануться. Визг тормозов. Рик делает отчаянный рывок вверх...

«Три, два, один», – ревет толпа.

Как в замедленной съемке, черный и серебристый болиды начинают падать вниз, в то время как Рик...

– Ноль! – верещит Микаэлла, сама белая с перепугу.

Болиды выравниваются, оба увеличивают скорость... поздно. Слишком поздно. У каждого по отдельности был шанс победить, но они не дали друг другу такой возможности.

– Победитель и новый чемпион Рик Стремительный! – возвестила я над притихшей толпой.

Болиды с ревом пронеслись над линией финиша, уже в совершенно ненужном порыве. А я, держа спину прямо и обольстительно улыбаясь, медленно спускалась по стальным ступеням, двигаясь к победителю и подсчитывала прибыль! Фантастическую прибыль! Вот что бывает, когда лидеры облажаются, а побеждает никому не ведомый участник? Вот-вот, именно это – Большие прибыли!

– Киран! – крикнул какой-то парень. – Ты уж с ним помягче там! Не взасос!

Это было первое из лавины посыпавшихся советов, пожеланий, подколок. До конца лестницы мне пришлось услышать:

- Языком в глотку не лезь.
- Действуй нежнее.
- В глаза смотри, пусть кайф словит.
- Киран, иди сюда, потренируемся!

И много чего еще. Я не обращала внимания. Я гордо шла к Рику, выбиравшемуся из болида, и старалась не косить взглядом на Эда, уже стоящего на покрытии гоночного трека. К слову, Дейм также стоял, скрестив руки и опираясь спиной о собственный автомобиль. В это время Микаэлла вела подсчет, она торопливо доложила результаты по внутренней связи, то есть только для меня:

– Кир, по результатам гонки он получает семь тысяч кредитов, за поцелуй с тобой двенадцать... Стой, пять сек... – На заднем фоне послышался какой-то голос, после чего Мика добавила: – Кир, за твой поцелуй он ничего не получает. Джек из триста двадцать второй сказал, что Рик отказался вносить ставку, так что поцелуя не будет.

– Какое разочарование для толпы, – буркнула почему-то довольная я и подключилась к громкоговорителю. – Мой герой! – Голос разнесся над стадионом. – Мой бесстрашный рыцарь, – теперь чуть поменьше пафоса и побольше приды-

хания в голосе, – мой победитель...

И снова тишина опустилась на всех присутствующих, а я шла, улыбаясь, чеканя каждый шаг и думая о том, как сейчас симпатяга Рик будет оправдываться и отказываться от поцелуя.

– Итак, – вещала Мика по громкоговорителю, – как мы все с вами помним, победителю предоставляется выбор – призовой фонд гонок или... поцелуй прекрасной Киран!

Я остановилась и грациозно помахала всем, так, на всякий случай напоминая, что Кира – это я. А то вдруг кто забудет. Толпа не забыла, толпа скандировала мое имя, чередуя его с именем Рика. Получалось «Киррик! Киррик! Киррик!». Стараюсь не рассмеяться, дабы момент не испортить.

– Чирик! – прошептала я Микаэлле.

– Главное, что не кирдык, – только для меня заметила Мика, после чего переключилась на громкую связь. – Какой волнующий момент! Любовь или деньги! Поцелуй или призовой фонд! Страсть к женщине или страсть к наживе!

Вот под эти инсинуации я и шла к Рику. Парень уже ждал. С хитрой самоуверенной усмешкой, скрестив руки на груди, опираясь на свой кар. Рикьян Намору, невысокий, крепко сложенный, в меру накачанный, смуглый и темноволосый. Мы с Микаэлкой знали его уже месяца два. Смелый парнишка, переведенный к нам в столицу из какого-то захолустья планеты третьего уровня. Заметил его Точеный. Гонщик гонщика, как говорится. В общем, Точеный, который

собирался красиво уйти из дела, предложил обработать Рика. Мы и взялись за него. Подошли в столовке, познакомились, начали общаться. Так как Мика на тот момент встречалась с капитаном сборной по плаванию, мальчиком занималась я. Познакомила с нужными ребятами, ввела в компанию, разбила, так сказать, лед всеобщего недоверия к новичку. Рикьян нас не разочаровал – быстро влился в коллектив, занялся борьбой, втянулся в учебу. Но участвовать в гонках отказывался наотрез. А он нам позарез нужен был, потому как Точеный сказал: «Суперпарень, девчонки, не упустите!», а мы нашей звезде верили. Спустя некоторое время выяснили причины его упорства – Рик когда-то участвовал в гонках, не в нелегальных, типа тех, что мы устраивали. Он был профессиональным спортсменом, ведущим в своей команде, на него возлагали большие надежды, его ожидало великое будущее, а потом... автокатастрофа. Штурман погиб, Рик чудом выжил. Но гибели штурмана простить себе не мог и в болид больше не садился.

На то, чтобы уговорить его участвовать в этих гонках, мы затратили немало времени. Точеный и вовсе повел грубую игру – затеял драку в столовке, объявив Рика слабаком и мудилой, в общем, нарывался он на драку знатно. И Рик поддался на провокацию, оставалось дело за малым – за нами с Микой.

И вот сейчас я иду к победителю. Иду неторопливо, спокойно и уверенно, прекрасно зная, что никакого поцелуя

не будет – Рик не внес ставку, это знаю я, это знает он. Подходя к нему, я включила громкую связь и, эротично облизнув губы, прошептала:

– Привет...

Рик подождал, пока я окажусь на расстоянии шага от него, протянул руку, взял мою ладонь и рывком притянул к себе. И в таком интересном положении, практически обнимая, тихо спросил:

– Нас все слышат?

Естественно, слышали все, он и сам это понял, когда его голос раздался над всем стадионом, но я все равно кивнула, подтверждая.

– Ладно, – сказал Рик, – тогда сначала для зрителей. Спасибо всем, кто болел за меня! Только ваша поддержка позволила выиграть эту гонку. Спасибо!

Толпа ответила радостным: «Ри-и-ик! Ты супер!».

Рикьян переждал вопли исступленных поклонников, чуть сжимая при этом ладони, уютно расположившиеся на моей талии. Покивал всем для вида, а потом ловко отключил громкоговоритель.

– Опа! – прокомментировала сие Микаэлла. – А кто-то стесняется!

Разочарованный гул продемонстрировал, что этому не рады.

– Господа, не расстраивайтесь. В эротике главное – не звук, в эротике главное – картинка! – Микаэлла всегда

была оптимисткой.

Я продемонстрировала ей кулак и вновь сосредоточилась на Рике. Улыбнулась его серьезному виду и решила не растягивать кульминацию:

– Слушай, – говорю, – мы оба знаем, что ты выберешь, так что не будем смущать народ. А вообще, зря ты ставку не внес.

– Уже знаешь? – заметно удивился Рик.

– Естественно. – Я улыбнулась шире.

– Ладно, – он как-то невесело усмехнулся. – Давай начнем с хорошего, Кир. Первое – я тебе очень благодарен. Благодарен настолько, что словами не передать. Спасибо, малышка, ты вернула меня, часть моей души, смысл в мою жизнь. Ты чудо, Пантеренок. Зеленоглазое, находчивое, корыстолюбивое чудо. – Он допустил паузу, облизнул губы, сглотнул и продолжил: – Теперь о плохом – эти два неудачника, – Рик махнул головой в сторону наблюдающих за нашим общением Эда и Дейма, – не имели и шанса против меня. Я лидировал с самого начала, сдерживал мощь болида и ждал финиша, чтобы победить красиво.

Почему-то я так и думала. Не ошибается Точеный, никогда не ошибается.

– Улыбаешься? – Рик тоже улыбнулся. И вдруг посерьезнев, задал вопрос: – Ты хочешь меня поцеловать?

Отрицательно машу головой.

– Совсем не хочешь?

– Рик, вспомни условия гонки и пойми: мое лобызание будет стоить тебе семи тысяч кредитов.

Он расхохотался, запрокинув голову. А я просто чувствовала взгляды всех присутствующих на себе, такие липкие и неприятные. А еще отчаянно хотелось взглянуть на Дейма... просто так, чтобы увидеть его выражение лица.

– Кир, – Рикьян сжал меня сильнее, сближая наши лица, – Кир, за контракт с СимАром я получу как минимум в две сотни раз больше. И эту возможность, возможность вернуться в большой спорт, подарила мне ты. Понимаешь?

Понимаю... Это сколько ж денег!

– И потому я тебя еще раз спрашиваю... тебя можно поцеловать?

И тогда я все же взглянула на Дейма – все понятно! Не то чтобы я восприняла его угрозу всерьез, но как бы... Рик отпустил в ту же секунду, на мой недоуменный взгляд ответил:

– Я понял. Совет тебе можно дать?

Молча кивнула.

– Если любишь, не отталкивай. Иди к нему и будь с ним каждую секунду, потому что, Киран, жизнь штука жестокая, и, если потеряешь любимого, будешь проклинать себя за все те мгновения, что могла провести с ним... и не провела.

– Тот штурман, – начала догадываться я.

– Ее звали Тамико, – Рик грустно улыбнулся. – Отойди на пару шагов.

Я отошла. Толпа разочарованно взревела. Рик помахал

всем рукой, сел в болид и красиво умчался в звездное небо.

Вот так закончилась наша очередная гонка, а я послала в небо воздушный поцелуй и, подключившись к громкой связи, возвестила:

– Всем потрясающей ночи!

Не дожидаясь, пока Эд рванет ко мне, я побежала по ступеням вверх.

– Сматываем? – поинтересовалась Мика.

– И быстро!

– Догонят, – напомнила о неприятном подруга.

Я остановилась, обвела взглядом присутствующих, узрела пошатывающегося Точеного, кивнула Мике на него и, включив громкую связь, завопила:

– Полиция!

Бегать на каблуках не очень удобно, но мы с Микаэлкой этот забег выиграли. Эдварда, рванувшего к нам, оттеснила толпа, и, пока будущий разведчик перепрыгивал людей и препятствия, мы забрались в болид Точеного, уже протрезвевшего и, судя по его зеленой рожице, блевавшего все время гонок.

– Сматывать пора? – поинтересовался он.

– И срочно. – Мика порывисто обняла его за шею. – Тан, миленький, выручай!

– Детка, все для тебя.

В гонке от заброшенного стадиона Точеный лидировал. Наш чемпион! Два хорошо знакомых болида безнадежно от-

стали, так как стартовали с задержкой.

Но когда, следуя знакомым маршрутом, Точеный нырнул под мост, уходя от облавы неизвестно откуда взявшейся полиции, зазвенел телефон Мики. Увидев номер, подруга тут же вдохнула, выдохнула и вежливо ответила на вызов:

– Добрый вечер, Исинхай.

– Что вы там устроили? – прорычал голос нашей «крыши». – Полиция на ушах. Кто-то сдал вас всех!

– Скользкий Ал, – догадалась Мика.

– Обе ко мне, живо!

Мы разом скривились, Точеный сочувственно вздохнул и свернул с намеченного пути. Да, вечер обещал быть долгим.

История четвертая, предупредительная

Респектабельный район, один из самых дорогих домов под сверкающим красноватыми отблесками защитным полом. Теневой король всей столицы заботился о собственной безопасности.

– Кто? – хмуро спросил андроид на входе.

– Пропустить, – раздался усталый голос откуда-то сверху.

Точеный плавно влетел в ангар, остановил болид, открыл двери. Он с нами не ходил и явно был рад этому.

– Вы там... поосторожнее.

– Знаем, – сказала Мика, выбираясь под прицелом десятка камер.

– Постараемся, – ответила я, выбираясь следом.

Далее знакомая тропка под дулами лазерных установок. Вниз, вниз, вниз, пятая дверь вправо, вверх, снова вправо, и проход между двумя дверями. Мы тут уже все знали, а потому ходили без провожатого. Хотя в первые разы путались и без андроида не обходились.

– Кир, что у вас было с Эдом? – сворачивая в очередной раз, спросила Мика.

– Честно? – Я хмыкнула. – Он меня представил как шлюху этому своему Дейму! – выпалила на одном дыхании.

Микаэлла остановилась. Взгляд у нее стал очень нехоро-

шим, и ангелочек прошипел:

– Я с ним поговорю!

И мы пошли дальше... разговаривать с Исинхаем. Он, кстати, неплохой мужик, но жадный. Когда мы влезли в бизнес, единственная причина того, что нас поддержали, – мы отдавали Исинхаю не сорок процентов от прибыли, а семьдесят. Еще двадцать шли на покрытие расходов, оплату работы программера и выплаты призовых, нам с Микой оставалось всего десять. Мы не жаловались, нам хватало. Обычно выходило по тысяче на каждую, а это два похода по дорогим магазинам с возможностью покупать все, что хотелось, большего нам не требовалось.

Когда мы подошли к зеленой двери, та открылась мгновенно – нас ждали.

– Красавицы мои, – Исинхай сидел на диване и радостно похлопал по кожаной мебели, приглашая присесть рядом, – что будете пить?

– Илатес, – сказала Мика, присаживаясь по правую сторону от фактического правителя всей столицы.

– Макарре, – после недолгой паузы выбрала я, присаживаясь слева.

Исинхай дал знак слуге в характерном черно-белом одеянии и молчал, пока нам не принесли выпивку. Посмотрел, с какой жадностью обе присосались к коктейлям, и спокойно приказал:

– Пошли!

Мы и пошли за ним следом, в соседнюю комнату, где имелся стол из черного дерева и располагалась уютная столовая.

– Руки мыть, – напомнили нам.

Да было б сказано. Оставив бокалы на столике, рванули в ванную. Там привели себя в порядок, умылись, снимая слой косметики, обе избавились от накладных ресничек.

– Какой-то он сегодня добрый, – заметила Мика.

– Значит, ждем плохих новостей, – прошептала я, стирая алую помаду.

– Угу.

Исинхая мы уже хорошо изучили.

Когда вернулись, столик был накрыт на две персоны, наша «крыша» сидел во главе, нам пришлось занять места друг против друга, ну и рядом с Исинхаем. На ужин имелись запеченные форели, салат, герианский хлеб с зернами растений этой закрытой планеты. Ели мы быстро, зная, что разговор не начнется, прежде чем с трапезой не будет покончено. Так уж тут заведено.

Когда опустошили тарелки и потянулись к коктейлям, Исинхай произнес:

– Вы засветились.

Молча потягиваем вкусняшку через трубочки, переглядываясь между собой и поглядывая на босса.

– Я вас прикрою, но гонки придется закрыть.

Горестный вздох мы не сдержали – организация гонок,

прием ставок, шоу, в конце концов, были тем делом, которое нам нравилось.

– Жалко, – пробормотала я.

Исинхай протянул руку, похлопал меня по ладошке. Когда-то я от подобного обращения вздрагивала и вообще пугалась, но этот мужчина быстро объяснил, что малолетками не интересуется. Мы были для него источником дополнительных кредитов – и только. Потом уже сформировалось нечто вроде дружеских отношений. Благодаря покровительству Исинхая мы могли свободно шататься по столичным клубам, зная, что никто нас не тронет. Опять же благодаря ему имели карточки фальшивых удостоверений, ну а после истории с появлением в квартире Эда босс сделал нам допуск в общагу уровня служащих, поэтому мы, собственно, больше не были связаны комендантским часом.

– У нас забираете, а кому отдадите? – спросила Мика.

– Пока Скользкому Алу. Как все наладит, его уберем и поставим надежных людей.

Мы издали еще один горестный вздох. «Надежные» – в понимании этого народа значит свои. То есть не нам, короче.

– Будь вы постарше, пустил бы вас в дело, – продолжил Исинхай. – Но малолеткам в этом бизнесе делать нечего.

Вот с этим мы даже не спорили – одно дело быть двумя девочками, которые с гонками балуются, другое дело лезть в криминал. Бои без правил, ставки на большой спорт, нар-

котики, торговля оружием – все это контролировал Исинхай. А может, и не только это, мы в его дела не лезли.

– И что нам теперь делать? – грустно спросила я.

– Расти, – спокойно ответил Исинхай. – Подрастете, завершите образование, там посмотрим. Еще по коктейлю?

– Нет, с нас хватит, – приняла я решение за двоих.

– Это несправедливо, – хмуро выдала Мика. – Скользкий нас заложил, а вы ему наше дело на блюдечке!

Шеф хитро улыбнулся, потрепал Микаэлли по щечке и вкрадчиво спросил:

– Микусь, солнышко мое, ты будешь спать с гонщиками, чтобы привлечь их к делу? А убирать тех, кто мешает? А идти на подкуп механиков, чтобы они вывели из строя болиды неугодных?

Мика побледнела.

– Скользкий с ними тоже спать не будет, – решила я отвлечь внимание от подруги.

– Скользкий найдет тех, кто будет, – спокойно ответил Исинхай. – Скользкий пойдет на подкуп и шантаж, раскрутит дело. И гонки будут проводиться не два раза в месяц, а раз в три-четыре дня. Аудитория увеличится, будем это дело транслировать.

Мы с Микой переглянулись и поняли: Исинхай сейчас делает нам большое одолжение. Потому что при таких масштабах дело приобретет огласку, полиция заинтересуется, и рано или поздно гонки закроют, а организатора посадят. И его

прикрывать никто не будет, потому что эти люди стукачей не терпят. Скользкий Ал копал себе могилу и даже не подозревал об этом.

– Спасибо, – выдохнула я.

– Большое спасибо, – искренне добавила Микаэлла.

– Сообразили? – Исинхай прищурился.

– Сообразили, – разом ответили мы и рассмеялись такому единодушию.

Шеф подал знак, и нам таки принесли еще по коктейлю. Сидя за столиком, мы наслаждались ощущением сытости после вкусного ужина, вкусом напитков – у меня шоколадный, у Микаэллы сливки с мятой. Жаль, что поболтать с Исинхаем нельзя, а нам всегда так хотелось.

– Код доступа, – напомнил шеф.

В центре столика образовалось свечение. Мика подключила к нему свой переносной сейр, ввела код, вошла в систему. Через мгновение Исинхай получил доступ ко всей нашей бухгалтерии, включая результаты сегодняшних гонок. Не глядя на нас, отправил кому-то сообщение, и вскоре в системе копались трое.

– Какие вы честные, – спустя некоторое время с усмешкой сказал Исинхай.

– Это плохо? – удивилась Мика.

– Как сказать, – шеф хитро взглянул на нее, – но мне приятно.

Мы в очередной раз переглянулись.

– Оффшорные счета уничтожаем, – вглядываясь в схемы и столбцы, произнес Исинхай, – вы получите по три тысячи кредитов на кодовые карточки. Безналом дать не могу – засветитесь.

Молча и разом кивнули. Откровенно говоря, было радостно от того, что нас прикрывают и защищают. Не зря мы на отступные никогда не скупились.

– Рикьян Намору... – Исинхай задумался. – Он больше не участвует в гонках...

– Вроде решил вернуться, – вспомнила я.

– Хорошая новость, – шеф был задумчив. – Удостоверения личности.

Мы неохотно расставались со свободой, совсем неохотно.

– И не только эти, – напомнил Исинхай.

Пришлось отдать наш безопасный пропуск в общежитие. И вот после этого мы совсем пригорюнились.

Шеф же свернул свой сферический сейр, поочередно одарил нас проницательным взглядом, и началось:

– Следующие два месяца сидите тихо, общежитие после одиннадцати не покидаете. У нас идет передел сфер влияния, так что про ночные загулы забываем.

Мы взвыли, Исинхай на наш горестный скулеж не обратил никакого внимания.

– Как все устаканится, вызову. И на всякий случай...

Открылась дверь, вошел все тот же безмолвный личный слуга шефа, протянул каждой из нас по коробочке, перевя-

занной алой ленточкой с бантиком.

– Это подарок, от меня, – шеф улыбнулся.

Старательно и торопливо открываем коробочки – в каждой новейшая модель сейра со встроенным телефоном. Ультратонкая, ультрапрочная, ультрамодная!

– Спасибо! – Я подскочила, звонко чмокнула невозмутимого Исинхая в левую щеку. Мика повторила то же самое, поцеловав в правую. И кто-то смутился, и это были не мы.

– Потрясная вещь. – Микаэлла рассматривала сейр с восторгом.

– Люблю женщин, – шеф усмехнулся, – дашь цацку, и они про все неприятности забудут.

– Это не цацка, – обиженно заметила Мика.

Исинхай только улыбнулся. Затем напомнил:

– Время.

Мы торопливо допили коктейли, подхватили свои подаячки вместе с упаковочкой и встали, собираясь уйти.

Прощаться тут было не принято, мы и не прощались. Однако уже на выходе услышали:

– Киран, в твоём сейре мой личный номер. Будут проблемы, звони.

Я так и замерла. Ну откуда у меня могут быть проблемы? Повернулась к шефу, встретила его мрачный взгляд. По спине холодок прошелся.

– А могут быть... проблемы? – тихо спросила я.

Он чуть заметно кивнул и с намеком произнес:

– Наши есть везде, Кир. Даже на Иристане. Идите.

История пятая, папандроознакомительная

– Иристан, Иристан... Кир, ты эту планету знаешь?

– Первый раз слышу, – ответила я, переименовывая номер, значившийся под цифрой один, в «SOS».

Точеный прислушивался к нашему разговору, но сам не влезал. А мы точно знали, что и ему на карточку пришли деньги, как и договаривались.

– Это получается, все закончилось? – спросил он, подвозя нас к общаге.

– Получается, что так, – Мика перегнулась через сиденье, обняла его за шею, прижалась и грустно прошептала: – Пока.

– Пока, малыш, – Точеный сжал ее ладошки. Когда Микаэлла его отпустила, как бы настал мой черед, но я не могу, как она, обниматься со всеми. – Прощай, Пантеренок.

Точеный меня обнял, потрепал по плечу и открыл двери, выпуская нас.

– Пока, – сказала я, пытаюсь сдержать эмоции.

А у служебного входа в общагу нас ждала незнакомая женщина в серой форме.

– Пойдемте, – приветливо сказала она и завела нас в обход систем идентификации. Едва мы оказались внутри, сообщила: – Вас ищут, переодевайтесь в тренировочные костюмы, спускайтесь в четвертый зал: он нижний, и его еще не обыс-

кивали. Все это время вы тренировались, ясно?

Нам два раза говорить не надо. Хорошо, что косметику смыли у Исинхая. Надев тренировочные акеши, мы сгрузили одежду в пакет, передали на хранение новой знакомой и бо-сиком рванули по служебной лестнице вниз.

В четвертом тренировочном зале, подхватив эенги и заняв позицию на матах, начали вяло изображать тренировочный бой.

– Ну и денек, – сказала Мика, нанося удар сверху.

– И не говори. – Принимаю на эенг и ударяю ногой в сантиметре от подруги.

В следующее мгновение распахнулась дверь. Так сказать, в «разгар» нашей тренировки ворвались двое полицейских, один препод и собственно наш ректор. Тот самый, который так и не простил преподнесенного ему перед всеми крема от геморроя, причем мы дарили в фирменной упаковке, с примелькавшимся в рекламе логотипом. Короче, мы потом долго просили прощения.

Именно ректор смерил оценивающим взглядом наши тренировочные акеши, обратил внимание на потные лица и затрудненное дыхание (бежали-то мы быстро). Недоверие сменилось удивлением. Атоло Горс стремительно подошел к стене, ввел код, подключился к системе, задал вопрос:

– Студентки Дрейг и МакВаррас, время занятий?

– Пять часов, сорок семь минут, – безэмоционально ответил электронный голос.

Да, спецы Исинхая – это спецы Исинхая. Слов нет, одни восторги.

– Еще вопросы? – Ректор повернулся к полицейским.

Те смерили нас недовольными взглядами и молча удалились. А мы остались, и ректор тоже.

– Отбой в десять, – нервно произнес ректор Горс, – что вы здесь делаете?

Ответить решилась я, тем более мне было что сказать.

– Прошу прощения, сэр Горс. К сожалению, мастер Лоджен в последнее время излишне... взыскателен к моим навыкам боя, вот мы и...

– Два часа ночи, – прорычал глава университета, – марш спать!

А мы и не против. И, вернув эенгам прежний вид, поторопились покинуть тренировочный зал. Вскоре мы уже сладко спали, отправив завалившему звонками Эду сообщение, что у нас все хорошо.

* * *

Проснулась я от надоедливого: «Кира, сообщение от мамы. Кира, сообщение от мамы. Кира, сообщение от мамы. Кира, сообщение от мамы».

Потянулась к сейру, ругая себя, что уже подключила прежний номер телефона, и прочла: «Киран, дочь моя, жду дома!».

– Что там? – сонно отозвалась Мика.

– Мама ждет дома. – Я села на постели, задумчиво уставившись на ультратонкий подарочек шефа. – И это очень странно.

– Так выходные, – Микаэлла, в нежно-розовой пижамке, потянулась, – просто соскучилась.

– Если мама «просто соскучилась», она пишет: «Пантеренок, приезжай к мамочке», – задумчиво ответила я, все так же глядя на сейр. – Какое-то совсем не типичное сообщение от мамы. . . Не нравится мне это.

– С тобой поеду, – мгновенно приняла решение Мика.

Я послала ей воздушный поцелуй и решила перезвонить маме, узнать, в чем дело.

Не знаю, в чем там было дело, но явно случилось что-то очень паршивое! Когда после девяти пропущенных звонков мамочка к телефону так и не подошла, я уже не просто волновалась, я начала с ума сходить от тревоги, я одеяло начала грызть от отчаяния. Мика тоже сидела и встревоженно смотрела на меня. Потом взглянула на часы:

– Восемь, нас до девяти никто из общаги не выпустит, пропусков-то у нас уже нет, – прошептала она.

Я это знала и потому снова и снова нажимала на кнопку вызова. Решив, что прежний мой номер, возможно, был заблокирован переговорной компанией, я перешла на новый, который был прикреплен к сейру, подаренному Исинхаем, и позвонила снова. И что невероятно и удивительно – мама

ответила почти сразу.

– Мам! – заорала я, едва родное лицо появилось на экране... Но мой голос упал до шепота, едва я ее рассмотрела. – Мм... мама?

Такой я ее никогда не видела! Мы с мамой очень похожи, у меня ее глаза, такие же темно-зеленые, но у мамы волосы светлее и вьются, мои иссиня-черные и прямые. Но суть не в этом – в маминых волосах я отчетливо разглядела две седые пряди на висках... Один бледный синяк на скуле, искусанные губы и красные, заплаканные глаза. А самое жуткое – в зеленых маминых глазах я отчетливо разглядела страх, едва она поняла, что на экране отражаюсь я.

– Не приезжай, – вдруг тихо, едва слышно, сказала мама.

– Не смешно, – на автомате ответила я.

– Не приезжай, – повторила мама одними губами и отключила телефон.

Я сорвалась к двери, даже не соображая, что делаю, но Мика остановила. Удержала, несмотря на попытки вырваться.

– Кир, – голубые глаза смотрели с тревогой, – Кир, не делай глупостей. Мы поедем, вместе. И знаешь что... мы возьмем Эда. Хорошо?

Я кивнула, чувствуя, как слезы жгут глаза.

– Кир, твоя истерика сейчас ни к чему, слышишь?

– Слышу. – Голос был словно не мой.

– Умойся и оденься, ты в одной ночнушке.

Мика практически втолкнула меня в ванную и пошла звонить Эду.

* * *

Ненавижу это ощущение надвигающейся беды. Тягучее, выворачивающее, сжимающее все в груди... Жуткое ощущение чего-то неотвратимого, как ноющая зубная боль, только на сей раз болела душа, и это оказалось так страшно.

Мы мчались в такси по утренней столице. В выходной день все пути были полусвободны, никто никуда не спешил, и только я продолжала шептать «Быстрее, быстрее, быстрее», как будто машина могла меня услышать. Эдвард уже должен был находиться там, он полетел сразу после звонка Мики, а мы вынуждены были прождать еще час. Хуже другое – Эд так и не позвонил. За все это время от него не было сообщений... ни одного!

Звонок. Микаэлла хватает сейр, включает сразу на громкую связь.

– Кира, – голос Эдварда показался странным, – Кир... ты в курсе, кто твой отец?

– Частично, – глухо ответила я, – он умер на какой-то там войне. Мама особо не вдавалась в подробности, а что?

– Он тут.

Мика удивленно смотрела на меня, я не менее удивленно на нее.

Эдвард же продолжил:

– Кир, твоя мать не хочет, чтобы ты приезжала. И, если честно, я с ней полностью согласен... с ее планом также. Вернись в общагу.

– Нет! – ответила я, даже не задумываясь.

– Ки-и-ир, – недовольно протянул Эд, – твоя мать вряд ли останется на Гаэре, для тебя же лучше оставаться здесь. Вернись в общагу, я приеду вечером и все объясню.

– Я еду.

– Кир, – Эд тяжело вздохнул, – Кир, я тебя в любом случае прикрою, просто... не хочется, чтобы ты обо всем этом узнала. Понимаешь, твой отец, он...

– Мне как-то плевать, кто мой отец, но за маму он мне еще ответит! – прошипела злая я.

Просто никто... никто не смеет доводить мою мамочку до такого... Невольно всхлипнула, но тут же сжала кулаки и взяла себя в руки. Моя мама, она такая сильная... я даже не могу себе представить, что случилось такого, что могло ее сломать. Я просто представить не могу!

– Кир, с этим человеком даже я не пожелал бы связываться, – мрачно произнес Эд, – вернись, пожалуйста.

Я отключила связь.

* * *

Еще на подлете обратила внимание на шесть дорогих

черных автокаров, припаркованных на входе перед нашей многоэтажкой. Чуть поодаль стоял серебристый болид Эда, и сам его владелец обнаружился стоящим рядом. Хуже другое – Эд был не один. Рядом, возвышаясь на добрых полторы головы, находились трое... громил. И чем ближе мы подлетали, тем больше и страшнее они казались.

– Знакомые все лица, – пробормотала Микаэлла.

Я всмотрелась в загорелых мускулистых воинов с длинными черными волосами и поняла, что с двумя из них мы знакомы:

– МакАтлар и МакХаррвед!

Такси плавно опустилось на площадку, а мы все еще не решились выйти.

– Останься здесь, – предложила я.

– Не смешно. – Микаэлла вышла первая.

Едва мы вышли, все четверо мужчин разом повернулись в нашу сторону. Эд укоризненно покачал головой и крикнул:

– Мика, ты домой!

Голос у него был такой, что Микаэлла невольно отступила к такси, вынуждая его остановить взлет.

И тут прозвучало:

– Моя!

Воин, заявивший свои права на Мику, практически прорычал это слово, а мы обе невольно вздрогнули. Эд отошел от машины. Плавно и легко, и сказал уже мне:

– Киран, на твоём месте я бы тоже смылся.

Говоря откровенно, идея мне неожиданно понравилась. Но тут обстоятельства в корне изменились:

– Киран? – переспросил тот, кто представился МакХаррведом.

В следующую секунду все три воина, разом опустились на одно колено, склонили головы, прижали могучие кулаки к не менее могучим грудям, и над стоянкой раздалось их слаженное:

– Принцесса Киран МакВаррас, приветствуем!

Я не успела даже удивиться, как все они плавно встали, двое взяли меня под конвой, в какое-то мгновение оказавшись рядом, а третий приставил кинжал к горлу оторопевшего Эда. Они вообще словно по воздуху перенеслись, как тени! Только что стояли на коленках, и вдруг раз – и тут!

Самое забавное, что перепугалась только я:

– Ки-и-ир, – спокойно произнес Эдвард, – я могу вызвать своих.

Я не поняла, о чем он, и все же сообщила:

– Я все равно собиралась к... папочке.

Он кивнул и решительно произнес:

– Я с тобой.

– Нельзя, – ответил воин, сильнее надавливая кинжалом на ничем не защищенную шею. – Ты кто?

– Муж, – прохрипел Эдвард.

Кинжал был убран мгновенно. Теперь воины нерешительно переглядывались.

– Мика, ты домой, – шепнула я.

– И быстро, – добавил Эд.

Микаэлла встревоженно смотрела на нас, потом села в автомобиль. Когда такси взлетело, мне стало легче. А потом подошел Эд, обнял, и стало почти хорошо. Как бы я ни злилась на Дрейга, он был своим и он был моим защитником с детства, так что с ним рядом мне было спокойнее.

– Идем. – Он потянул меня к дому.

Воины безмолвно двинулись за нами. Двое. Один остался на стоянке.

Едва мы вошли в лифт, Эд развернул меня, прижал спиной к стене, закрыл собой от воинов, а потом спросил:

– Поговорим?

– Давай, – согласилась я, судорожно вздохнув.

– Ты без косметики, – Эдвард улыбнулся, – ты очень красивая, когда не красишься.

– Спорное утверждение, – грустно улыбнулась, вспоминая мамино лицо со следом синяка на скуле.

А он удержал, склонился ко мне и, глядя в глаза, прошептал:

– Я не хотел, чтобы Дейм знал о тебе. Прости меня.

Дейм! Раздражающий тип, должна признать. И странный. Очень.

– Ки-и-ир, ты меня слышишь?

Молча кивнула. А потом услышала сногшибательное:

– Пантеренок, я тебя люблю.

Мир мог катиться к черту! Весь, со всеми сотнями планетарных систем! И эти войны, сопящие за его спиной, и вообще все. А еще укатился к черту мой голос, потому что я ничего не могла сказать, глядя на Эдварда Дрейга. Любит?! Правда?!

– Эд, – прошептала я. – Эд, ты...

– Кир, – он нежно провел пальцами по моим губам, – Дейм, он... мы же учились вместе, но после одного задания он стал...

– Станным, – подсказала я.

– Другим, – поправил Эдвард. – Сильнее, быстрее, умнее настолько, что с ходу высшую офицерскую закончил. Карьера у него головокружительная, но я не завидую, меня в руководство и не тянуло никогда. Тут в другом дело, девочка моя, женщины... они на Дейма реагируют. Все. Стоит ему этого захотеть, вот я и...

Лифт остановился, нужно было выходить, а я не могла даже пошевелиться.

– Ки-и-ир? – Эд смотрел уже встревоженно. – Ты в порядке?

– Нет, – выдохнула я, не отрывая взгляда от его виноватых глаз.

Он улыбнулся, наклонился и прикоснулся к моим губам...

– Нужно идти! – хмуро возвестил один из воинов.

– Воин не прикасается к устам женщины! – добавил второй.

Но Эд не отреагировал, накрывая мои губы нежным поцелуем.

Остановись, мгновение, ты прекрасно.

А потом все стало плохо! Просто очень плохо!

Некоторое время я стояла, не в силах понять, что вырвало меня из рая и вернуло на землю, больно ударив об онаю. А в груди все перевернулось. И, отстранившись от Эда, чье дыхание словно заглушало для меня весь мир, я прислушалась... Рыдания! Сдержанные, едва слышные... И страшным осознанием навалилось очевидное – наш этаж... плакала мама.

Рывок. Я вырвалась из объятий Эдварда и практически побежала. Тенью метнулись воины, живой стеной возникнув у меня на пути, но тут из глубины нашей квартиры раздалось: – Кто? – От звуков этого голоса стало как-то страшно.

Так порой рокочет надвигающаяся гроза, вроде и негромко, но очень грозно.

Мне уже не хотелось встречаться с отцом.

– Принцесса Киран, – ответил один из воинов.

– Пропустить!

Стена из мускулов раздвинулась. Но теперь я шла гораздо медленнее... По сверкающему стальному коридору, мимо стеклянных дверей, в маленькую прихожую, где я всегда снимала обувь. Сейчас не стала. Мимоходом взглянула на себя в зеркало – серый бесформенный тренировочный костюм как нельзя лучше выражал мое настроение. Образ немно-

го портили ярко-красные ногти, оставшиеся после вчерашнего выступления на гонках, но они меня сейчас не особо волновали. Я огляделась, и взволновало другое... следы крови на полу, на стене... отпечатки окровавленных пальцев на двери...

– Мама, – мой голос упал до шепота. Но уже в следующую секунду я закричала: – Мам!

Всхлип. Он донесся из спальни. Невзирая на то, что из гостиной ко мне двинулся кто-то, смутно различимый за мутным черным стеклом раздвижных дверей, я рванула в мамину комнату. Попыталась распахнуть дверь, с яростью поняла, что та заперта. Психанула, ударила ногой, выламывая хлипкий замок, который мы с мамой устанавливали вместе, ворвалась в помещение и застыла...

Мама лежала на постели... На животе. Она была обнажена до пояса, хотя это сложно было назвать обнажением... Спина... вся спина оказалась покрыта красными кровоточащими рубцами... Вся... на ней живого места не осталось... И я в диком ужасе смотрела, как капли крови срываются с ее кожи и стекают на постель... Ту самую постель, в которую я частенько забиралась в детстве, чтобы поспать рядом с мамой...

– Мам, – чувствую, что начинается истерика, – мамочка...

– Киран, – она простонала, с трудом повернула голову и, едва наши глаза встретились, вздрогнула. Всем телом. А по щекам – слезы! И обреченный шепот: – Киран, зачем

ты пришла? Я же предупредила... Кира.

Я опустила повинную голову и тут увидела лежащий у постели кнут... КНУТ! Мою маму избили кнутом! И у меня сорвало крышу! Вмиг и основательно! Я ощутила ярость, неистовую, дикую ярость!

– Кто? – прорычала я, чувствуя, как в груди что-то рвется. – КТО?!!

– Кира... Киренок... это его право, Кира... это... право воина... Кир...

Мама пыталась сказать и не смогла. А я... я все и так поняла!

Как рванула к постели и схватила кнут, увлажненный кровью самого дорогого мне человека, даже и не вспомню. В тот момент мне уже было все равно, что будет со мной, но я отчетливо знала – эта мразь мне заплатит! За все заплатит!

Из спальни я не выходила – летела на крыльях обуревающей ярости, даже не чувствуя, как по щекам текут слезы. Он стоял там, спиной ко мне и смотрел на стоящего там же Эда. Огромный, черноволосый, смуглый, в черной майке без рукавов и в каких-то татуировках.

Спокойный, даже не боялся ничего!

– Обернись, мразь! – Я даже свой голос не узнавала.

Повернулся! Медленно, величественно. Орлиный профиль, сурово сведенные брови, сжатые губы, суженные от ярости черные глаза. И огромные мускулистые руки... которые избили мою мать.

– Урод! – сообщила я собственному отцу и нанесла первый удар.

Он перехватил кнутовище, без особого труда, но видно было, что даже моя попытка ударить привела его в бешенство, он и дышать начал иначе. Да мне ПЛЕВАТЬ!!! Что его бешенство по сравнению с яростью ребенка, чья мама плачет от боли! И я рванула в бой, по всем правилам мастера Лоджена. Удар по коленной чашечке, и прыжок, позволяющий нам сравняться в росте, – удар в кадык.

Раздался хрип! Он отпустил кнут, и в ту же секунду я с отяжкой нанесла удар по его спине. Ткань прорвалась, ярко-алая полоска со мгновенно выступившей кровью стала живительным бальзамом на мою израненную душу.

– Пантера! – прошипел отец, вырывая кнут из моих рук. Я сражалась молча! Бросок и двойной удар в лицо.

Он увернулся и попытался схватить меня. Это ты зря! Присесть, увернуться, нанести удар по почкам и, упав, перекатиться, чтобы избежать очередной попытки захвата. Мразь! Он не пытался меня ударить. Только поймать, заставить остановиться – и в этом его главная ошибка! Меня практически невозможно ухватить во время боя – мастер Лоджен постарался. Но вот бросок, огромная рука сжала края мастерки. Рывок – и, прорывая ткань, я освободилась. Вскоčila, увернувшись от очередной попытки захвата.

Убью! Просто убью!

И, выхватив энг, тремя касаниями превратила его в меч.

– Кира! – В этот миг даже голос Эда не мог отвлечь меня от единственной мысли – «Убить!».

Еще три касания – я зафиксировала форму. Теперь эенг представлял собой смертельно опасное оружие. И я не стала раздумывать, прежде чем пустить его в ход.

Замах. Выпад! Звон стали, встретившей другую сталь! Откуда этот выродок выхватил меч, я не знаю, но владел он им виртуозно, и оставалось только порадоваться, что воин лишь отбивает мои попытки вспороть его живот и не атакует сам.

– Хватит! – грозный рык.

Пять касаний – и в моих руках копьё. Потому как уже ясно – мечом мне его не достать, руки коротки... в буквальном смысле.

– Кира, прекрати, – попытался вмешаться Эд.

– Сейчас, – не сводя глаз с противника, ответила я. – Убью эту мразь и прекращу.

– Ки-и-ир, ты его хрен убьешь, – рявкнул Эдвард. – Он с тобой как с ребенком играет! Остановись!

«Там, где ярость затмевает рассудок, прорастает дерево победы твоего врага», – говаривал мастер Лоджен.

И я остановилась, сделала глубокий вдох, потом выдох. Будущий труп, по совместительству являющийся моим отцом, заинтересованно склонил голову, ожидая, что я еще предприму. А я сжала зубы и... семь касаний к эенгу. В следующую секунду моя правая рука сжимала все то же облег-

ченное копьё, левая – дагу.

– Ты сдохнешь! – уверенно сказала я.

– И это моя дочь, – с нескрываемой насмешкой произнес тот, кто предположительно меня сотворил.

– Я тебе не дочь, мразь! – тихо, но отчетливо сказала я. – Потому что ты не мужчина! И не воин! Ты жалкий ублюдок, позволивший себе поднять руку на женщину!

Щека индивида дернулась, глаз тоже. Из горла раздался какой-то рокочущий рык.

– Кир-р-ра, иди сюда! – встревоженно потребовал Эд.

Не ко времени! Мой якобы папашка швырнул меч. Тот со звоном упал на пол, в следующую секунду воин тенью бросился на меня.

Так наверняка лавина мчится с высокой горы, неуловимая и неудержимая. Почему-то я решила, что все, мне конец. Где-то на периферии слышался хрип Эда, бросившегося на мою защиту, но я смогла лишь краем зрения уловить, что его отправили в полет, отшвырнув от меня левой рукой, в то время как правая схватила меня за горло, приподняла над полом и впечатала в стену. А дальше движение большим пальцем – и мои руки онемели, выпустив оружие... Звук упавшего трансформированного энга был похоронным звоном моей попытке убить чудовище.

Или не похоронным... потому как даже в позе «пришпиленной бабочки» у меня имелся нехилый шанс на сопротивление.

– А знаешь, папочка, – прохрипела я, глядя в разъяренные глаза этого могучего воина, – ты кое-что забыл!

Удар по мужскому достоинству запрещен даже в нелегальных боях... но только не тогда, когда речь идет о выживании. И я врезала ему правой ногой со всех своих сил, чтобы знал, урод!

Хрип, казалось бы, непобедимого воина прозвучал сладкой музыкой для моих ушей, после чего отец начал сгибаться от боли, а я, соответственно, сползать по стеночке. Вскоре на полу оказались оба.

– Атом нестабильный, вот это воссоединение семьи! – простила я, пытаясь встать.

Руки не слушались. Как он их блокировал, я понятия не имела. Нас такому не учили. И все же я встала, под удивленными взглядами воинов прошла к переговорнику, переступив через скрючившегося на полу Эда, и, нажав нужные кнопки носом, произнесла показавшемуся на экране андроида:

– Нападение на мирных граждан. Нарушение пункта 994. Требуется переносной гелликс и наряд полиции. Срочно.

В нашем цивилизованном мире с момента вызова и до момента появления полицейских проходит тридцать секунд. И не успела я сползти по стеночке вниз, как наряд железопластиковых андроидов в синей форме уже ворвался в нашу квартиру.

Первой залатали маму. Трое андроидов после моих воплей «Мама умирает!» прошли в спальню, там же зафиксировали тяжкие телесные повреждения. К сожалению, без их наличия вызов полиции посчитали бы неправомочным.

Через несколько минут совершенно здоровая мамочка выбежала из спальни, подбежала ко мне, порывисто обняла, заметив мою проблему с руками, окликнула андроидов.

– Эд... – простонала я, указывая на своего героически пострадавшего рыцаря.

Андроиды занялись Эдвардом. Я пока сидела, прикрыв глаза и наслаждаясь тем, что мама гладит по головке, что-то шепчет, успокаивает... А еще я гордилась собой. По-моему, вполне заслуженно.

– Мисс, вы можете встать? – Механический голос анроида вырвал меня из полубессознательного состояния.

– А хрен его знает, – честно сказала я.

– Киран, не ругайся, – воскликнула мама.

– Ничего, мам, – простонала я, поднимаясь. – Вот сейчас его посадят, потом я позлорадствую, и вот затем ты мне расскажешь, как умудрилась в такое чмо влюбиться!

В этот момент «чмо» уже стояло рядом, ничем не выдавая того, что недавно корчилося на полу от боли. Я даже икнула

от испуга, увидев его полный ярости взгляд. А потом папаша сказал:

– Женщина, ты плохо воспитала мою дочь!

У меня, правда, все еще руки не двигались, но это не помешало напомнить уроду:

– Ее зовут Киара!

– Имя жены – женщина! – величественно произнес воин.

– Имя придурков – чмо! – парировала я.

Не ответил. Протянул руку и, не успела я отшатнуться, схватил за шею. Нажал вновь большим пальцем... мои конечности тут же обрели возможность двигаться. И я бы даже сказала «спасибо», если бы не он же и устроил мне временный паралич.

Убрав руку, воин хмуро оглядел присутствующих и произнес невероятное:

– Дочь пришла. Мы улетаем.

– Вы уже отлетались, – ехидно протянула я.

В это время как раз андроиды завершили с Эдвардом, а ко мне направился полицейский-защитник.

– Мисс МакВаррас, вызов за номером 887699874. Вызов обоснован наличием тяжелых телесных повреждений. Состояние – устранены. – И я уж насмешливо осклабилась, предполагая, что далее кое-кого арестуют, но робот произнес: – Работа завершена. Доброго дня.

– Э! Стоять! – Я возмущенно смотрела на полиция. – А как же арест? Вы должны арестовать агрессора!

– Нет полномочий, – ровным голосом ответил андроид. – Дело под иристанской юрисдикцией.

Я опешила. Поднимающийся Эдвард простонал:

– Я пытался предупредить, Кир. Ты и твоя мать – граждане Иристана, если конкретно – принадлежите хассарату Айгор, а он, – палец моего рыцаря указал на моего же отца, – власть и закон этого самого Айгора.

Словно подтверждая слова Эда, андроид повторил:

– Работа завершена. Удачного дня.

Обалдеть! Просто ушам своим не верю и...

– Стойте, – простонала я, опять сползая по стеночке вниз, – вы забыли вылечить меня.

– Что с вами, мисс? – участливо спросил робот.

– У меня взрыв мозга! – честно призналась я.

– Взрыв мозга... – послушно повторил андроид и начал обработку данных. – В перечне заболеваний отсутствует. Перехожу к перечню повреждений. Взрыв мозга – отсутствует. Диагноз неясен!

Не знаю насчет диагноза, а я приняла единственно верное решение:

– Бежим! Спасите!

История шестая, генеалогическая

Я сидела рядом с Эдом, мама ушла в спальню, повинуюсь взгляду воина. Остальные двенадцать воителей стояли рядом и гневно смотрели... на меня. А андройды сейчас совершали недолгий полет с нашего восемьдесят седьмого до земли... Отдаленное «бабах» засвидетельствовало тот факт, что их путешествие уже закончилось... Да-да, меня повязали за те доли секунды, которые занял полет вышвырнутых отцом андройдов! Правда, что интересно – меня практически спеленали, а Эдварда не тронули.

Точнее, дело было так – я завопила «Бежим!», обращаясь к Эду и маме, и «Спасите!», обращаясь к андройдам, здраво надеясь, что сверкающий заслон наших органов правопорядка способен сдержать, собственно, полуголых мускулистых варваров, кои умудрились затесаться мне в родственники. Однако папандр, уже значительно взбешенный моими действиями, для начала вышвырнул полицейских, выбив стеклянную стену, ведущую на наш балкон, затем с одного удара уложил Эдварда, попытавшегося меня прикрыть, а после схватил и меня, и маму в буквальном смысле за горло. Маму – осторожно и нежно, меня – ощутимо потряхнув. Что примечательно – мы и до лифта добежать не успели! А после маму отпустили, меня связали.

– Подгузник и соску забыл, папочка! – прошипела я в спи-

ну великого воина, который, завершив дело со мной, направился к маме.

Эд усмехнулся, остальные хранили неодобрительное молчание. А я в этот момент вспоминала номер Исинхая... мой сейр воины отобрали!

В это время отче подошел к двери спальни, постучал. Что примечательно, он туда не входил. Это удивило. На стук вышла мама, и ей было сказано:

– Женщина, объясни моей дочери то, что она должна знать.

Далее из области невероятного! Мама неожиданно становится на колени, опускает голову и начинает умолять:

– Пожалуйста, я умоляю тебя... забери меня, но Киран... Господин, прошу вас, она не принадлежит к миру Иристана, она не ведает традиций, я умоляю... Я сделаю все, о чем вы попросите, я... Агарн, я на все пойду...

– Женщина! – Резкий, полный гнева окрик.

И вот тогда я отошла от шока, ибо я и поверить не могла, что моя мама... моя гордая мамочка может кого-то умолять, стоя на коленях, и как рявкну:

– Мама, ты нашла, перед кем унижаться! Этот неандерталец доморощенный не способен даже твое имя запомнить, имбецил бракованный!

Отец медленно повернулся.

Под его мрачным взглядом даже Эд вздрогнул, но только не я. Но моего воинственного пыла родственный взгляд ни-

как не уменьшил:

– Пару уроков у мастера Лоджена – и я тебя порву, сволочь! – завершила я «родную кровиночку».

Я просто кипела от злости и впервые за всю свою жизнь испытывала желание убить кого-то. Тот факт, что этот кто-то – громила больше двух метров, обросший мускулами и высокомерием, меня ничуть не беспокоил. Эта мразь избила мою маму – все остальное было несущественно!

– Киран, хватит! – Встревоженный голос мамы меня удивил.

Но эффект возымел – я заткнулась. И теперь молча строила планы по убийству собственного отца. И взгляд от него не отрывала – убийственный.

Великий воин подошел, нагнулся, взял за плечо и без усилий поднял.

– Безголовая! – вынес он вердикт и понес меня вслед за мамой.

Так как возможностей к сопротивлению мне не оставили, пришлось использовать единственный доступный способ:

– Эд!

– Останется здесь, – спокойно ответил отец.

Почему-то Эдвард не возражал.

Вот таким нехитрым способом меня внесли в нашу гостевую комнату и осторожно посадили на диван. Руки мне никто не развязывал... ноги тоже. Громилоподобный отец сел рядом, развернувшись вполоборота и продолжая молчали-

вое изучение собственной дочери, а мама... мама опустилась на пол, игнорируя оставшиеся кресла и стулья.

– Мама, сядь! – прошипела я.

– Она – недостойна, – тихо сказал воин.

Сажу я, спеленатая на манер червячка, в полуметре от меня эта... мразь обкачанная и совершенно свободная. И что делаю я? Нагло угрожаю.

– Или она сядет, или ты ляжешь! – уверенно заявила я отцу.

Черные глаза пристально следили за малейшим изменением моей позы, но, к счастью, папик осознал, что разговора при таком положении вещей не произойдет.

– Сядь! – приказ-оскорбление, как собаке скомандовал.

Мама не стала возражать, встала, пересела на кресло, придвинулась поближе ко мне. В ее огромных зеленых глазах застыли слезы...

– Объясни ей! – еще один приказ.

Мама вздрогнула, подняла просящий взгляд на отца и вновь взмолилась:

– Я выполнила твое условие, Агарн... Прошу тебя, оставь Киру на Гаэре. Я...

И ледяное:

– Нет!

От его тона даже я вздрогнула, а мамочка и вовсе содрогнулась, сгорбилась как-то и прошептала:

– Если я для тебя хоть что-то значу, оставь Кирюсика...

Она другая, она никогда не будет счастлива на Иристане, прошу...

– Хватит, женщина! – властный тон раздраженного варвара. – Ты и моя дочь возвращаетесь в хассарат. Обе.

Я переводила взгляд со своего предположительно отца – гордого, властного, могучего и сильного – на словно сломанную мамочку и никак не могла понять, что происходит. Самое забавное – мой папаша был удивительно красив и мужественен – эдакий великий воин, то есть вот о таком шикарном отце, наверное, каждая девочка мечтает... Мне мой неведомый папашка таким и представлялся в детстве, но вот смотрю на него и никак не могу понять – я его раньше видела или как? И если видела, почему, кроме неприятия, никаких иных эмоций не испытываю... а потом посмотрела на маму и поняла почему – из-за нее. Просто я впервые вижу, как плачет моя всегда гордая и веселая мама. Я впервые видела ее такой подавленной... Мама у меня не простая и не обычная, она как пантера – гордая, прекрасная и свободолюбивая, а тут...

– Мам, – тихо позвала я, – мам, не плачь, выкрутимся, и папика я уберу, правда-правда... Ну мам, ну ты не плакала, даже когда нас камнепадом на Ллоте завалило...

Мама вскидывает голову и бросает на меня испуганный, предупреждающий взгляд – я заткнулась мгновенно. Зато отче решил задать вопрос:

– Что?!

И тогда мама начала говорить:

– Киран, доченька, прости, что не рассказывала... Я хотела, чтобы ты была счастлива вдали от этой проклятой планеты...

– Киара. – Отец не кричал, но тон его голоса стал вдруг угрожающим.

Вроде и не угроза, а до костей пробирает, даже мне жутко стало, а мама так вообще сникла. Сжала руки, судорожно вздохнула и, не глядя на меня, прошептала:

– Я вторая жена хассара Айгора, великого кагана Шатара, воина Агарна, а ты его дочь, Кирюсик.

У меня было ощущение, что мама словно стареет с каждым словом – плечи все ниже, голова опущена, а на колени капая слезы... Но мамочка все равно продолжала:

– Каган Шатар, он...

– Чморилло! – хрипло завершила я, чувствуя, что прихожу в состояние бешенства и из-за ситуации, и из-за того покорного тона, коим мамуля мне сейчас все пыталась рассказывать. – Короче, ты его жена, да?

Мама кивнула. Вскинула голову, посмотрела на меня предупреждающе, словно молила быть хорошей девочкой. Я постаралась, даже тему про «чморилло» развивать не стала, только попросила:

– Ма-а-ам, не томи. Давай выкладывай все как есть.

– Я так и рассказываю, – тяжелый вздох. – Тебе уже семнадцать, Киренок, и потому твой отец прибыл, чтобы...

По нашим законам каган Шатар может забрать тебя.

Повернув голову, окинула недоверчивым взглядом этого самого кагана Шатара. Тот и вовсе не сводил с меня нехорошего такого, пристального взгляда. Не удержалась, продемонстрировала мужику язык и снова повернулась к мамочке.

– Когда тебе было два годика, началась война, – мама запнулась, явно опуская какие-то «милые» подробности, – каган укрыл свою Единственную и ее дочь среди скал, а мы с тобой покинули Иристан и скрылись на Гиерме.

И все бы ничего, но этот самый Гиерм расположен на расстоянии сорока световых лет от собственно Гаэры, на которой мы проживаем. Любопытно. Очень. Однако я молча жду продолжения.

– Я сохраняла имя, гражданство и получала... – мама вновь запнулась.

– Деньги, – догадалась я.

– Так было, ибо недостойная мне жена. Ты дочь, – вмешался наш суровый воин. – Но время истекло, победа была одержана, а недостойная не возвратилась.

Смотрю на его гневный взгляд и мамину опущенную голову, и тут до меня дошло:

– Мамочка, ты сбежала?

Кивок.

– И спасла меня?

Она снова кивнула, глаза, полные слез.

– Мамочка, я тебя так люблю! – У меня у самой слезы

на глазах. – И ты самая лучшая на свете!

А потом до меня дошел смысл слова «единственная».

– Так, я не поняла, – сажусь ровнее, – что значит «каган укрыл свою Единственную среди скал»?

Вперив суровый взгляд в воина, жду ответа. От него жду!

А ответила мама:

– Я вторая жена, а всего... семь жен. Мы жили и пользовались покровительством великого хассара, мы рожали детей, а потом... он... полюбил женщину и назвал ее... Единственной.

– Короче, забил на весь свой гарем! – Вот какие я выводы умею делать!

– Да, – прошептала мама. – Но к тому времени я была беременна и потому осталась в доме хассара. Ты родилась лишь на месяц ранее его дочери от... Единственной, но твой отец... – мама вскинула голову, впервые позволив себе проявить ненависть, – твой отец даже не пришел взглянуть на тебя!

Вот как! Это значит, появилась любимая жена – и остальные уже не нужны, и дети от них тоже не нужны.

– Адалин получала все – внимание, ласку, любовь... а ты привязанным щенком бегала за отцом, чтобы услышать лишь обращенное ко мне: «Женщина, забери свою дочь!»

И где смирение и покорность? Где слезы? Вот теперь узнаю свою мамочку – спина прямая, лицо уверенное, зеленые глаза едва ли не мерцают, на губах чуть презрительная

усмешка.

Короче, правильную характеристику я дала папику – урод!

Но тут воин выдал насмешливое:

– Интересная... версия событий.

И мама вновь опустила голову.

Да уж, все интереснее и интереснее.

– А дальше? – потребовала я, интересно все же.

И мамочка продолжила:

– Мы жили на Гиерме... Когда тебе исполнилось пять, хассар приказал возвращаться на Иристан... Но я приняла другое решение.

Мама вскинула голову и теперь гневно смотрела на отца, потому что теперь ее вопросы были явно обращены к нему:

– Зачем нелюбимая дочь отцу, который ни разу не поднял ее на руки? Зачем такая жизнь моей единственной дочери? Я нарушила твой приказ! Я недостойная, но... но у моей дочери было счастливое детство, от нее не отмахивались, как от надоедливой мухи!

Да уж, умеет мамочка поставить вопрос ребром. Уважаю.

– Непозволительно женщине задавать вопросы, – было единственной репликой отца.

– Короче, «закрой рот, женщина, ты для меня слишком умная», – подытожила я.

Стоит ли говорить, что я мгновенно удостоилась мрачного взгляда папандра?

– На правду не обижаются, – буркнула банальное.

Мы немного помолчали, потом я решилась спросить:

– А я женщина?

Отец удивленно моргнул.

– Ага, значит, нет. Так, тогда мой вопрос: зачем я вам, батенька?

Великий воин величественно ответил:

– Место дочери рядом с отцом.

Ой ли? Прищуриив глаза, смотрю на папика и понимаю – не так все просто! Короче, спросим у тех, кто тут умнее.

Поворачиваюсь к маме:

– Ма-а-ам, а чего ему сейчас надо, а? Ибо есть у меня ощущение, что, если бы он сильно хотел, нашел бы нас раньше!

Мамочка встала, прошла через всю комнату, остановилась у окна... Она явно что-то хотела мне сказать, но опасалась. И, вспомнив ее израненную спину, я понимала обоснованность опасений. Так, попробуем иначе.

– Мам, наши гонки закрыли!

– Как? – Она развернулась, удивленно глядя на меня.

– А там такая бодяга: мы готовили одного гонщика, но он вышел из строя, пришлось срочно искать ему замену. Аналогично, да?

Мама у меня умная и догадливая. И в отличие от воина должна понять мой вопрос. Поняла, кивнула и сказала только одно слово:

– Хуже!

Та-а-ак! Я развернулась к отцу. А тот оказался не настолько уж и имбецилом, потому как нашу шифровку просек:

– Ты займешь свое собственное место без всяких замен.

Даже так...

– А что будет с мамой? – задала я самый на тот момент важный вопрос.

Отец отвел глаза.

И тогда я спросила, что называется, в лоб:

– Мам, за нарушение приказа наказание – смерть?

И едва слышное:

– Я бы предпочла смерть.

Исинхай, когда мы только начинали дело, научил нас одной классной фишке: если вы хотите чего-то от человека, не принуждайте... сделайте так, чтобы он захотел этого сам. А шеф, он мужик умный, и все, чему учил, пригодилось не раз.

Развернувшись к отцу, я сбавила обороты и вежливо попросила:

– Развяжите меня, пожалуйста.

– Дочь умеет быть вежливой? – насмешливо поинтересовались у меня.

– Я могу быть вежливой, могу быть даже почтительной и покорной, – глазки в пол, на лице полнейшее смирение. – Я могу вести себя так, как полагается женщине Иристана, и не выказывать недостойных мыслей.

Порыв ветра – и путы опали. Как он успел это сделать, я

даже не представляю. Однако несущественно, от отца я ждала иного.

– Чего ты хочешь? – спросил воин.

– Свободы моей матери. – Вот теперь я подняла голову и смело взглянула в глаза человека, благодаря которому родилась на свет.

А воин молчал. Смотрел на меня, чуть прищутив глаза, и думал. Ему было о чем подумать после того представления, что я устроила.

Но он принял неверное решение.

– Ты дочь воина, – его голос глухим рокотом разносился по обставленному цветами пространству, – ты принцесса хассарата Айгора, за тебя будут сражаться лучшие воины хассарата...

И тут мамочка простонала:

– Нет...

Я лично ничего не понимала, но у меня странные ассоциации возникли – я в пышном платье, под балконом рыцари друг другу рожи чистят, кони от этого всего тихо ржут, в общем, добро пожаловать в каменный век, леди и господ.

– Киран не покинет хассарат, – для мамы, не для меня произнес папандр.

Лично я опять ничего не понимала.

Мама вздрогнула всем телом, вскинула голову и, глядя на отца, вдруг произнесла:

– Ты же обещал ее Нрого.

– Нрого стар и жесток, – внезапно проявил заботу о собственной дочери двухметровый громила.

– Но ты... обещал, – повторила мама.

И вот я не поняла – это меня кому тут вообще обещали, а? Хассар заметил мое возмущение, величественно полуобернулся к маме и ответил:

– Нрого получит ее ночь... если я соглашусь. И если Кира понесет, исполнив пророчество «Кровь Нрого сольется с кровью Айгора, и чрево женщины даст могучего жеребца», Нрого получит своего наследника. Но не Киру. Киран останется в хассарате, станет женой, родит наследника рода МакВаррас.

Мама начала сползать по стенке вниз, цепляясь за затрепавшую занавеску, я переваривала информацию, точнее, ее отсутствие.

– В смысле? – возмущенно спросила у папандра.

Хассар промолчал, приняв вид каменной невозмутимости.

– Отче, – заорала я, – это ты сейчас что проблеял вообще?! – Даже подскочила от ярости. – Слушай, папик, может, ты не в курсе, но я кадет ГГУ Вейсара!

На этой патетической ноте папик повернулся к маме.

– Гейрский Государственный Университет космических путей сообщения имени Эвана Вейсара, – пояснила ему мама и добавила информацию, которой тот, видимо, не обладал: – Кира поступила, пройдя по конкурсу сто сорок девять

человек на место... Это очень высокое достижение, Агарн.

На губах папика промелькнула странная усмешка, после чего он произнес:

– Я рад.

И это все? У меня шесть лет ушло на подготовку, каждое лето военно-спортивные лагеря, да я когда поступила, мы с мамой месяц прыгали, а тут...

– Урод, – емко сообщила я и села обратно.

Мне было обидно, и очень.

И, говоря откровенно, идея слетать на папандрову планету вдруг показалась не такой уж плохой. А что, слетаем, попортим отче жизнь, этому Нрого рожу начистим, у меня по диверсионной тактике лучшие оценки в группе, мастер Кей всегда говаривал: «МакВаррас, вредительство у вас в крови». Так что полет на Иристан мне не страшен, а там Исинхай поможет либо сама разберусь. Я девочка не маленькая, сейчас же меня одно волновало:

– Если я полечу по своей воле и соглашусь стать женой Нрого, ты сохранишь свободу моей матери?

Отец усмехнулся и посмотрел на меня проницательным, умным и пристальным взглядом. И вот у Дейма точно такой.

– Киран, – голос отца тихим рокотом разнесся по гостиной, – твоя мать принадлежит мне.

Я замерла, но дальше было хуже:

– И ты, дочь, принадлежишь мне.

Вот и все. Он пошел на уступки, он дал мне поиграть

в «право выбора», а теперь просто указал на место. Место, видимо, тоже находилось в его собственности.

– Но я – кадет, – пытаюсь воззвать к его разуму, – а мама летчик-испытатель, вот так просто нас забрать нереально!

Папандр усмехнулся, изогнув лишь край рта, и ровным, спокойным голосом произнес:

– Собирай вещи, если тебе есть что взять. Корабль готов к вылету.

И вид такой – самодовольно-невозмутимый. Ненавижу таких. А его особенно...

– Киран, не смей. – Окрик мамы вынудил оторвать взгляд от отца и посмотреть на нее. Мама одними губами прошептала: – Много вещей не бери.

И я вдруг поняла: она что-то задумала. Сто процентов. Вот только вид потерянный и глаза осужденного на смертную казнь, но в моей безопасности мама уверена. С чего бы? Учитывая планы папандра, мне уготована роль инкубатора. Но спорить я не стала.

Кивнула, встала и пошла собирать вещи.

* * *

Когда я вышла в прихожую, чтобы оттуда пройти в комнату, меня перехватил Эд. Кивнула ему на дверь, и мы разом вошли в принадлежащее исключительно мне помещение:

– Кир, слушай внимательно, – начал Эдвард. – Ты о моей

профессии знаешь.

Не вопрос – утверждение.

– Знаю, – отозвалась я.

– А в курсе, почему Мика никогда не летала с тобой на курортные планеты?

Пытаюсь сообразить, о чем речь. Не соображается. Мика всегда говорила, что ее не выпустят с планеты, и отшучивалась, что ей предстоит тут и подохнуть. Но о причинах мы как-то не заговаривали.

– Кирюш, послушай. – Он не удержался, легко поцеловал в нос. – Мои родные и очень близкие переходят под правительство программу защиты граждан.

– Э-э...

– Не «э», а таков порядок. Этот закон касается всех силовых подразделений разведывательных войск и направлен в первую очередь на защиту интересов государства. Не суть важно. Я не хотел, чтобы Дейм или кто-то другой из моего отряда узнал, что ты дорога мне, потому что в этом случае в твой паспорт автоматически шла бы печать «невъездная», а вы с мамой каждое лето уматывали путешествовать... Не хотел тебе портить этот летний отпуск, планировал сначала рассказать... рассказать, какие ограничения несет моя любовь к тебе, понимаешь?

Стою в ступоре. Столько новостей, и все на меня... То «невъездная», то «покидаешь Гаэру».

– Киран, малышка, посмотри на меня, – да я и так на него

смотрю, но не вижу, меня колотит от всего случившегося, и да – синяков отец понаставил, теперь болят. – Я уже послал сообщение о нашей помолвке. Все, малыш, теперь все. Тебя попросту не выпустят из космопорта.

Молча киваю, осознавая сказанное или не осознавая... Впрочем, не об этом сейчас, вопрос в другом:

– Эд, – старательно пытаюсь сформулировать мысль, – Эдвард, а мама?

Опустил глаза. Вот вам и ответ. О том, что я в безопасности, он знал с самого начала, как и о том, что мама – нет!

Наверное, он все понял по моему возмущенному взгляду. Усмехнулся, невесело так, и поведал:

– Кир, малышка, мне моя мама все рассказала, Киара предупредила ее еще четыре года назад. О том, что прилетел твой отец, мои предки знали уже вчера, сегодня утром о плане действий сообщили мне.

Чувствую себя в западне.

– Кир, ты будешь жить в моей квартире, – продолжил Эд, – на выходные будем к моим ездить. Да, без твоей мамы будет тяжело, но ты справишься, малышка.

«Без мамы» – я не представляю, как жить без мамы. Как вообще можно жить здесь с Эдом, с Микой и не думать о том, что она там... с этим уродом, который питает пристрастие к кнутам и крови... Он же убьет ее! Сорвет злость за потерю «инкубатора МакВаррасов» на маме... Он ее убьет. А если даже и нет, как я забуду сказанное мамой: «Я бы пред-

почла смерть».

– Кира, – позвал Эдвард.

И я поняла, что ему лучше ни о чем не говорить.

– Ты сейчас отцу скажешь? – тихо спросила, отведя глаза.

– Нет. Я не знаю, как он отреагирует, но тот факт, что постарается обойти закон, не вызывает сомнений. Необходимые действия уже совершены, полиция космопорта предупреждена, тебя не пропустит сканер на таможенном контроле, и там твой отец уже ничего не сможет сделать.

Неплохо, и действительно очень умное решение, если вспомнить, как папандр отправил андроидов в недолгий полет. Хорошее решение, а самое главное – я смогу вмешаться. Во-первых, так надо, и мама останется жива. Во-вторых, хочу побывать на планете, с которой я родом. И в-третьих... они мне за все ответят! И за маму, и за меня, и за все ее слезы.

– Спасибо, – прошептала я, чувствуя, как руки Эда сжимают меня в нежных объятиях, – только можно, я побуду одна? И... мне сборы нужно сымитировать.

Дрейг кивнул, с некоторой настороженностью глядя на меня, потом сказал:

– Ладно. Я сейчас в космопорт, жду тебя там. Не грусти.

И меня поцеловали. Не знаю, как я сдержалась и не расплакалась. А потом Эд вышел, плотно прикрыв за собой дверь, а я... Заревела. Села на пол, закрыв лицо руками, и повыла секунд тридцать. На большее времени не было.

У меня впереди имелся Иристан и папандр, – и если по поводу планеты ничего личного, то папик... Он еще сильно пожалеет! Очень сильно!

Утерев слезы, встала с пола, сжала кулаки и решила, что начнем мы даже не с одежды, ее я вообще возьму ограниченное количество, а вот наши «лагерные штучки» мне пригодятся, как и результаты лабораторных и разработки нашей с Микой вредительской деятельности. Через три минуты были готовы как сумка диверсанта, так и мой походный рюкзак и появилась проблема – как бы все это провезти незамеченным? Пришлось доставать чемоданы, грузить в них одежду, маскируя собственно сумку и рюкзак. Хватала я все из шкафов и швыряла не глядя – времени было в обрез. Зато успела прикрыть «сюрпризы» к тому моменту, как дверь открылась и вошел папандр.

Схватила первую попавшуюся тужельку на пятнадцатисантиметровой шпильке, поливая слезами, уложила в чемодан.

– Женщины Иристана носят иную одежду, – соизволил снизить до беседы отче.

Взвывала, утирая гипотетические слезы и сопли.

Мужики Иристана слез не выносят! Когда папик ушел, я, коварно хихикая, подумала, что мужики везде одинаковые. Тем лучше – буду доводить их, используя классику диверсионной деятельности. Он еще пожалеет! Он еще очень сильно пожалеет, что ударил мою маму! Свои слезы я могу про-

стить, но я никому не прощу слез мамочки. Никому и никогда.

Переодеваться не стала – меня тренировочный костюм вполне устраивал. Папандр долго и выразительно смотрел на мои мешковатые штаны и обтягивающую майку, едва я вышла из комнаты, я так же молча и выразительно посмотрела на него. Между прочим, его полурасстегнутая рубашка и черные брюки – тоже не эталон моды на Гаэре. Мама, в длинном закрытом платье, с воротником под шею и юбкой в пол, стояла бледная и едва сдерживала слезы, остальные воины молча ждали итогов нашего противостояния. Итог вышел следующий:

– Дочь переоденется.

– Отец заткнется. – Злая я, да.

Папандр отреагировал насмешливо вздернутой бровью, я широко улыбнулась в ответ.

– Дочь, – начал отче.

– Отец, – в тон ответила я.

Противостояние нарастало. И вот понять бы тебе, морда двухметровая, что не выйдет ничего хорошего из твоей затеи, так нет, стабилизатор глючный, решил доказать, кто здесь главный.

– Кнут? – насмешливо спросил иристанец, который мне почему-то отец.

– Курсанты боли не боятся, – спокойно ответила я. А потом постояла, засунув руки в карманы, подумала и спроси-

ла: – Ты когда-нибудь горел заживо?

У папандра и вторая бровь поползла вверх.

– Значит – нет, – сделала вывод я. – А с поломанной ногой сутки по пустыне полз?

Зауженные глаза сузились еще сильнее.

– Слабак, значит. – Я пожала плечами. – Ну, нам всегда говорили, что качки – это тупое мясо, правда, настолько наглядный пример вижу впервые.

Вру, конечно, – у этого верзила глаза слишком умные, но как-то очень приятно было издеваться над папандром.

– Дочь! – Что досадно, отче ничуть не обиделся. – Твое воспитание оставляет желать лучшего. Искренне жаль, что я буду вынужден применить физические меры наказания, но, учитывая твоё завышенно-уважительное отношение к показателям силы и апеллирование к достижениям в области преодоления естественных защитных реакций собственного организма, принудительные меры воспитательного воздействия – то единственное, что мне остается. Я достаточно ясно выразился?

У меня шок. Просто шок. Но это не помешало буркнуть:

– Для тупого мяса – вполне.

Далее последовала победная усмешка тупого мяса. Умный, значит. Тебе же хуже!

– И долго мы будем тут стоять? – воинственно поинтересовалась я.

– Дочь переоденется, – вновь вернулся к образу «я огромный, волосат и туп» мой папашка.

– Да у нас вроде как корабль уже готов, – напомнила я, и первая потопала к лифту, даже не собираясь тащить свои чемоданы.

Тут у нас много мяса навалом, пусть и тащат!

* * *

Когда садились в болиды, я устроилась напротив мамочки и, игнорируя тяжелый взгляд отца, включила сейр. Там сразу высветилось: «Поздравляю с помолвкой, дорогая девочка по вызову».

Нормально, да?

«Спасибо, Темный жеребец», – набрала я и отправила.

В ответ мгновенно: «Глупо ссориться с начальством собственного жениха, не находишь?»

Как много их, умных, развелось на мою голову.

«Дейм, отвали», – честно, а главное, совершенно искренне.

«Кира, повежливее», – пришел ответ.

У меня шок.

«Дейм, – на мгновение я забыла обо всех реалиях моей ставшей внезапно суровой жизни, – слышь ты, навигатор бракованный, засунь себе этот благожелательный тон в глотку, приправь нестабильным атомом и забудь мой номер, ку-

пидон озабоченный!»

И с самой счастливой улыбкой я отправила сообщение. После чего взглянула на маму, которая странно на меня смотрела, маме я улыбнулась, потом уставилась в окно, прикинула расстояние до космопорта, поняла, что еще минут двадцать есть. Мне хватит.

– Напишу Микаэлле, чтобы не волновалась, – пояснила я бледной маме, отца игнорирую демонстративно.

И тут сейр выдал:

«Нарвалась, Киран».

Дальше произошло закономерное:

«Это угроза? То есть это ты МНЕ угрожаешь? Да пошел ты, феромон ходячий! Чтоб тебя хромосомной инверсией приласкало!»

И я отрубилась Дейма. Вдох-выдох, и я приступила к тому, ради чего и сейр включила. Номер под знаком «SOS» и сообщение:

«Шеф, мне очень нужна ваша помощь, и срочно».

Потом потянулись минуты ожидания. Они тянулись долго, томительно, а мы уже практически вылетели из города. И тут «плим»!

«Да, девочка моя, я слушаю».

Невольно улыбнулась, бросила взгляд на маму и принялась строчить:

«Вы были правы. У меня проблемы. Да – Иристан. Вмешался Эдвард Дрейг, мое имя будет внесено в списки невы-

ездных. Но у меня просьба – замените Киран МакВаррас на Киара МакВаррас. Есть ли такая возможность?»

И снова молчание. Нервно взглянув в окно, поняла, что мы уже на подлете к космопорту – они не к главному летят, к запасному, значит, корабль там. У меня минут пять, не больше. Напряжение нарастает, а сейр молчит.

«Плим»!

Хватаю дрожащими руками и вчитываюсь:

«Сомневаюсь, что юного Эдварда обрадует помолвка с твоей матерью... Хотя, на мой взгляд, она прекрасна. Ты уверена в решении?»

«Абсолютно!»

«Хорошо, девочка моя. Удачного полета в родные пенаты».

«У меня будут там друзья?»

«Друзья есть везде. Потребуется помощь, звони».

«Спасибо!!!»

«Жаль... что ты не моя дочь. О матери не переживай, я присмотрю».

После этого сообщения несколько минут я пялилась в пустой экран. Странное и нехорошее подозрение медленно, но основательно закрадывалось в душу. Например, у мамы всегда имелись поклонники, что с ее внешностью неудивительно, но в нашем доме никогда не было мужчин. А еще на каждый мамин день рождения перед дверями квартиры выстраивались букеты красных роз. Каждый год. А удоволь-

ствие это очень дорогое. И подарки маме приносили нередко, причем значительные.

– Мама, – пристально смотрю на нее, – а ты никогда не слышала о человеке с именем Исинхай?

– Нет, – отвечала мама едва слышно.

– Да? – Хотя, может, она знала другое его имя, все же Исинхай скорее кличка, как, например, Точеный. – Мам, а таким, как ты, ненужным женам, можно повторно выходить замуж?

– Нет, – на сей раз ответил отец.

Ага, дело проясняется.

– А если бы в жизни такой женщины появился другой мужчина, что бы с ним было?

– Вызов на поединок, – произнес воин.

– Смерть, – пояснила мама.

– То есть ненужные женщины так и остаются неприкаянными? – возмутилась я.

Мне никто не ответил. Кроме сейра:

«Феромон, значит? Девочка ты моя с завышенными тарифами, мне плевать на Дрейга, а вот тебя сегодня до-о-олгий разговор ждет!»

Вот атом нестабильный.

«Обещаешь?» – ехидно спросила я, точно зная, что сегодня покину Гаэру.

«Гарантирую. Из космопорта мне тебя забирать, Киреныш».

Даже так. Мило, очень мило.

«Дейменьш, – что, только ему можно имя мое коверкать, – засунь свое болезненное самолюбие знаешь куда? Ну, ты у нас большой мальчик, сам догадаешься, генератор бракованный».

«Детка, нарываешься же!»

«На что?» – не могла не спросить, любопытно все-таки.

«Считай, что только что увеличила свою программу развлечений до утра».

Хохот мой папандр явно посчитал неуместным, но кого это волнует – меня вообще не трогало.

«Слабак ты, купидонище глюченное». – Да, нарываюсь, но приятно же.

«Сутки», – пришел ответ.

Написать еще гадостей не удалось – мы подлетели ко входу запасного космопорта и пришлось отключаться. Но настроение было – улетное! И улетательное тоже! Представляю рожу Дейма, когда я все же улечу с Гаэры!

Едва мы вышли из автомобилей, нас тут же взяли в круговое оцепление. Зачем им это надо было – тайна, покрытая вечной мерзлотой. Отец шел впереди этого отряда, остальные выстроились по бокам от нас, два воина шли след в след за нами. Они и держали все наши вещи. Даже сейр у меня опять отобрали, после приказа папандра, которому явно мое веселье не понравилось... а я так и не успела попрощаться

с Микой.

Это был перерыв на грустный момент, но потом началось сплошное веселье.

Огромный зал второго столичного аэропорта, наверное, впервые видел подобное. Хотя нет, во второй раз, эти чундрики еще же и прилетели. В общем, мы идем, впереди арка контроля и над ней надпись: «Убедитесь в отсутствии металлических предметов». Воинам по барабану. Папашка первый прошел в проход, металлодетектор взвыл, но тут прошествовали остальные. Бедный аппарат загудел, сирены подхватили, сотрудники космопорта забежали, охранники прискакали. Забавно было – воины высоченные, сотрудники им в пупок дышат, что-то объяснить пытаются, подпрыгивают... бесполезно. А впереди очередная арка: «Вывоз драгоценных металлов запрещен. Убедитесь в отсутствии». И вопрос – на кой воинам золото? Ан нет, оно у них все-таки где-то было, хотя лично я и не видела, но детектор не проведешь! Бодяга с воем сирен, беготней служащих и тому подобным вновь повторяется. Воинам по барабану, они идут за вождем, невозмутимо взирая поверх всей этой суеты.

Впереди следующая арка контроля: «Провоз наркотических средств запрещен!» Ну, думаю, хоть тут обойдется без испытаний для моих ушей. Какое там! Сирена не просто взвыла, она билась в истерике. Я тоже, но по другому поводу: – Все, мам! Я искренне полагала, что думать о них хуже, чем уже думала, просто невозможно. Так они мало того,

что маньяки, убийцы, златолюбы и хмыри кровожадные, они еще и нарики!

Мама, идущая как на заклятие, искренне рассмеялась, я только улыбалась и смотрела на нее. Красивая она у меня и молодая еще. Глядишь, к моему возвращению обзаведусь братишкой там или сестричкой. Будет здорово.

– Кир, – мама протянула руку, схватила мою ладонь, жала. – Все будет хорошо, Пантеренок.

– Я знаю, мам, знаю.

– Эд все рассказал? – Она улыбнулась. – Вот и замечательно.

Подозрительно смотрю на нее и не менее подозрительно интересуюсь:

– Ма-а-ам, так ты знала, что он мне нравится?

– Мы общаемся с Илли, – напомнила она про приятельские отношения с мамой Эда и Микаэлы, – и, конечно, его отношение к тебе нельзя было не заметить. Эдвард всегда хорошо к тебе относился, а уж его извечное стремление защитить вас с Микой от всех и вся... И как ты смотрела на него лет с двенадцати, я тоже прекрасно видела, так что...

Договорить мама не успела. Мы подошли к выходу из космопорта и входу на транспортер, который перемещал непосредственно к кораблю, и над ним уже горела синяя надпись: «Иристан. Частный рейс». Высокая стойка контроллера мигнула зеленым светом, демонстрируя, что готова к приему. Первым подошел отец, приставил запястье, зеленая полоса

провела сканирование, и могучий воин прошел вперед.

– Иди ты, – мама улыбнулась, – так хоть смогу попрощаться с тобой.

Зато я не смогу. И поэтому, остановившись, я порывисто обняла маму, прижалась к ней и прошептала:

– Я тебя очень люблю. И не переживай за меня, я все-таки твоя дочь, и ты достойно меня воспитала.

Мама кивнула и тоже крепко обняла меня. Она-то верила, что система меня не пропустит. И она думала, что я останусь на Гаэре, пусть не с ней, но среди друзей и с человеком, который ко мне неравнодушен. Ведь мамочка сделала все, чтобы я была самостоятельной, и ее стараниями я сейчас в самом престижном университете Гаэры с перспективами на великолепную карьеру... Мама сделала все, чтобы у меня было будущее, которое не сможет отнять отец. Но мне не нужно будущее, оплаченное такой ценой, я не эгоистка, я не смогу жить, зная, что за мою жизнь мама заплатила своей.

– Все будет хорошо, – заверила я самого родного человека во вселенной и отошла.

Мама не скрывала слез, мысленно прощаясь со мной навсегда. Это она зря, я собиралась вернуться, закончить обучение и еще прославиться на всю Гаэру!

И, подмигнув мамуле, я весело направилась к контроллеру.

Подойдя, приложила запястье к зоне контроля, и зеленый луч сканера мягко двинулся поперек руки. Зеленый! Сдер-

жав довольную улыбку, прохожу через зону контроля к отцу, чтобы услышать полное ужаса:

– Кира!

Обернулась, улыбнулась маме и пожала плечами.

– Кира... – Мама белела на глазах. – Киран... нет... Ки- рочка. Как?! Этого быть не может... Кира!

Отца это представление взбесило.

– Женщина.

На маму было страшно смотреть. Она поверить не могла в происходящее, она до последнего считала, что я останусь на планете.

– Женщина!

От папочкиного голоса все просто дрожит внутри.

Мама, белая, бледная, растерянная, поднесла руку к ска- неру. А я улыбнулась, потому что знала, что будет дальше:

– Запрет! – Механический голос системы и алый свет, за- полнивший помещение. – Запрет. Киара МакВаррас, отой- дите от линии. Проследуйте в правый коридор!

И мама закричала! Уже не глядя на меня, злая и раздра- женная, она кричала на подбежавших служащих:

– Это ошибка, Киран МакВаррас, а не Киара! У вас ошиб- ка в системе! Вы...

Наверное, до нее все дошло именно в этот миг, потому что, резко крутанувшись, она уставилась на меня потрясен- ными зелеными глазами, чтобы выдохнуть:

– Кира...

Я постаралась улыбнуться и снова пожала плечами.

– Кира!

Моя мама в приступе ярости – шикарное зрелище. Красивая она у меня, яркая, стройная, стремительная, и вот такую маму я знала и любила.

– Все будет хорошо, – крикнула я, потому что шум нарастал от подбегающего народа в форме.

И в этот миг я увидела Дейма. Он тоже шел к нам, и степень его ярости понять было несложно. Едва в него врезался один из служащих – Дейм отшвырнул его не глядя, потому как не сводил глаз с меня. А я в ответ послала ему воздушный поцелуй и пренагло улыбнулась. Ну так он уже и сам понял, что нарываюсь я совершенно безнаказанно.

Дальше началось сплошное веселье: отец в ярости, его воины угрожающе держат ладони на клинках, охрана космопорта, усиленная боевыми дроидами, настаивает на своем. Мама тоже на своем настаивает, но ее вообще никто не слушает.

А я... я поняла, что сейчас просто начну плакать, и решила прекращать этот кошмар. Поэтому развернулась и потопала в свободную таможенную зону. За мной мгновенно увязалось шесть воинов – охрана. Отче остался выяснять отношения с государственными чиновниками. И вот иду я, оглядываюсь... чего уж там, так и оглядывалась, пока не увидела, как сотрудники космопорта увели мамочку. Она плакала, не хотела идти, но кто ж ее спрашивать будет, закон есть за-

кон. А спецы Исинхая есть спецы Исинхая – провернули все четко, и не придерешься.

А мне просто хотелось сесть куда-нибудь под стеночку и завывать в голос над своей несчастной судьбой, потому как одно дело перед мамой делать вид, что все хорошо, и совсем другое – остаться один на один со всем этим кошмаром... А ведь еще утром я была в общаге и даже не полагала...

Нужно отвлечься. Нужно просто отвлечься, моих слез папандр не дождется.

Я огляделась, вспомнила, что только шопинг спасает от всех женских проблем, а потому я приняла единственно верное решение:

– Пошли в магазин! – скомандовала я воинам.

– Нет! – рявкнул один из них, тот самый, который Мак-Харрвед и до сих пор же на меня зло смотрит.

– А я ваша принцесса, – напоминаю на всякий пожарный.

Судя по усмешкам, плевать они на это хотели. Ладно, вам же хуже.

– Реветь начну, – пригрозила я.

Ухмыляться перестали.

– Так-то лучше, – подвела итог и потопала к магазинам.

Позади услышала хмурое:

– Наглая.

Решила не акцентировать внимание и сделать вид, что не слышала. Но мстить буду. И жестоко.

В итоге я, благо есть кодовая кредитка без указания имени, накупила себе столько всего, что пришлось и новый рюкзак приобретать, а потом еще пять. Среди моих покупок в основном наличествовали алкоголь, сладости, духи, духи с феромонами, сухой алкоголь в порошках и таблетках, с десятков охотничьих ножей, два десятка складных, белье разной степени развратности... и мужские стринги. Сама не знаю, зачем купила последнее, просто изображение морд многообразной степени ужасности на причинном месте окончательно покорило мое сердце и вдохновило на новые покупки.

Запиликал сейр. Не у меня, но мой. Оглядев верзил, определила, из чьего кармана это доносилось, молча и требовательно протянула руку. Воин, держащий только что купленный мной рюкзак, который я под завязку наполнила упаковками с бельем, демонстративно меня проигнорировал.

– Лучше отдай, – продолжаю стоять с протянутой рукой.

Мне насмешливо протянули... рюкзак.

– Не это, – прошипела я.

Рюкзак оттянули обратно. Сейр не унимается. Я разозлилась и пригрозила:

– Плакать буду.

Воин с черными глазами, папандра напоминающими, молча прошел к автомату, извлек собственную карту, сделал покупку и, вернувшись, издевательски протянул мне носовой платок. Я разозлилась окончательно и разорила собственный счет на покупку таких необходимых вещей,

как перцовые баллончики, миниатюрные камеры видеонаблюдения, косметика... много косметики. Депиляторы разной степени действенности, краска для волос, крема, отбеливающие крема... Потом я подумала... Оглянувшись, посмотрела на воинов и поняла, что все затарены уже и свободные руки только мои остались. Вдохновленная свободой собственных конечностей и злая на воинов, я обратила внимание на раздел детских татуировок... Скупила почти все! И вот после этого, уже набирая чего полегче, двинулась к выходу, размышляя над тем, как быстро воин разобрался в системах покупки через терминал. Как будто часто такими пользовался.

Снова запиликал сейр. Я остановилась в проходе, печально глянула на кафетерий с булочками, вспомнила, что даже не завтракала, и спросила у того самого узкоглазого издевателя:

– Издеваешься?

Воин молча достал сейр... смотрел на него секунд пять, после чего снял блокировку с экрана и вырубил связь! А затем совершенно спокойно вернул устройство обратно в карман! И я все понимаю, но...

– Как ты узнал код?! – Я сорвалась на крик.

А зря – разговор на повышенных тонах они просто проигнорировали, молча глядя на меня. И я почувствовала себя несмышленным ребенком под опекой взрослых умных дядей. И вот одного я не могла понять:

– А что, папик так меня боится, что шесть штук охранников ко мне приставил?

Воин, тот самый, с сейром, тяжело вздохнул и, сохраняя невероятное терпение, произнес:

– Дело не в вас.

Так как остановилась я в проходе, а окружали меня суровые воины, народ проходить не решался и образовались две невероятно терпеливые толпы – даже не возражал никто, что поразительно. Но мне стало неудобно, и, мысленно прокляв груды умного мяса, я пошла завтракать.

Вошла в кафе распространенной марки «Таунсин», уселась за барную стойку и, вежливо улыбнувшись бармену – невысокому пареньку с рыжим хаером и знаком смерти вселенной на висящей одинокой серье, попросила:

– Кофе, чизкейк и булочку с изюмом.

– Понял, мисс, – отозвался тот, окидывая меня изучающим взглядом.

Похлопала ресничками в ответ.

– Далеко летите? – решил он продолжить беседу. – Я – Тэс.

– Кира, – представилась в свою очередь. – Лечу на историческую родину.

Передо мной поставили чашку с кофе. Запах был умопомрачительный. На мгновение прикрыв глаза, я вдохнула бодрящий аромат, стараясь отвлечься от всего случившегося. Внезапно надо мной раздалось:

– Ничего личного, но еще один взгляд на нее – и это будет последнее, что ты видел в своей жизни. Я понятно изъяснился?

Вздрогнула, распахнула глаза и увидела стремительно бледнеющего бармена, который с перепугу затрясся всем телом. А воин преспокойно сел рядом со мной, по другую сторону на заскрипевший от огромного веса стул сел второй из когорты меня конвоирующих.

Уроды!

– Ваш кофе, принцесса, – напомнил воин.

Медленно повернулась. Узкие черные глаза смотрели с откровенной насмешкой, да он просто издевался.

– Слушайте, а вы не хотите испариться на время, пока я поем? – вежливо интересуюсь у махины, который, даже сидя, выше меня больше чем на голову.

Воин спокойно ответил:

– Это не еда.

Все, он меня бесит! Дико.

– Я хочу просто поесть, – еще немного, и орать начну.

– Ешь.

Устало покачав головой, вернулась к кофе, поймала на себе взгляд ошалевшего бармена, который мгновенно глаза опустил, – боялся, и даже не скрывал этого. Он продержался с минуту, пытаясь вытирать стойку и переставлять бутылки... едва три из них разбились, парень просто сбежал в служебку. Заказ мне принесла женщина, тоже опасаяща-

ся на меня смотреть. Вот только есть мне уже не хотелось. Достала карточку, провела над панелью, расплачиваясь за нетронутый кофе и еду, и встала, собираясь уйти. И вот промолчать бы этим, так нет:

– Женщины – такие непостоянные, – посмеиваясь, произнес воин.

Мрачно смотрю на него – громада мускулов, развалившаяся на высоком барном стуле. Ладно – не развалился, но наглости от этого не поубавилось.

– Хорошо, я передумала, – с самым невинным видом вернулась обратно.

Взяла ложечку, помешала кофе, посмотрела на чизкейк и булочку – первый был горячий и с медовым сиропом, вторая теплая и с изюмом.

– Простите, – обратилась я к женщине, – а можно мне другой кофе?

– А... – она удивленно на меня посмотрела, – какой?

– Точно такой же, – попросила я.

– З-зачем? – не поняла официантка.

– А этот закончился, – честно ответила я и одним движением выплеснула содержимое чашки в наглую рожу воина.

Он не успел увернуться – отшатнулся было назад, но там стальная спинка стула. Нет, стул он выдрал вместе с болтами, которыми тот был к полу прикручен, однако это заняло те мгновения, за которые кофе благополучно долетел до наглой рожки.

– Видите, – разговаривала я исключительно с женщиной, – закончился. А жаль. Так вы принесете мне другой?

Женщина побелела, грохот выломанного стула разнесся по кафетерию, я приступила к чизкейку, благо аппетит появился.

Потом мне принесли кофе. Потом я его долго и с наслаждением пила.

Когда все съела и обернулась, наглого узкоглазого уже не было – за моим стулом стоял другой воин, молча ожидая, когда я поем. Второй сидел рядом, тоже молча.

Уже лучше. А потом я увидела нечто – папандр с облитым мной узкоглазым, собственно на отца очень похожим, кажись, направлялись ко мне. Но это мелочи, суть не в этом – на них так смотрели местные женщины, просто-таки всеобщий восторг и обожание. А вот воины, и папандр в особенности, на эти взгляды реагировали с нескрываемым презрением.

Конец их шествия был закономерен – ко мне пришли.

– Дочь сыта? – спросил разъяренный отец.

– Дочь еда хорошо, – спародировала я его примитивное ко мне обращение – бесит.

Папандр сжал зубы – желваки устроили танец ярости на его скулах, после чего мне задали вопрос:

– Чего ты добиваешься, Киран?

Интересный вопрос.

– Нормального отношения, – спокойно ответила я, опла-

чивая и второй кофе.

Завершив с оплатой, повернулась к отцу, тот дождался этого и произнес:

– Нормального отношения заслуживает достойная женщина. Ты достойным образом не выглядишь, и твое поведение оставляет желать лучшего. Идем.

И мы пошли – папик впереди, я за ним, остальные меня контролируют и мои пожитки несут. Облитый мной узкоглазый бросает на меня злые взгляды. Уроды все они.

– А можно мне сейр?! – крикнула я, едва вышли из порта на космодром.

– Отдай, – кратко скомандовал отче.

Узкоглазый достал переговорник, протянул мне... Попыталась забрать, он отдернул руку, затем снова протянул сейр мне. И все это на ходу. Издевался, в общем.

Я решила пожаловаться отцу, вот только как обращаться к нему, не решила – папой называть не хотелось совершенно. В итоге попыталась снова забрать сейр из протянутой руки... воин не отдернул ее, он просто вскинул ее вверх, поднимая устройство на недостижимую для меня высоту... Это он так думал! А я подпрыгнула, хватая не сейр – вцепившись в его руку. Думала, отпустит мгновенно, но узкоглазый только усмехнулся, продолжая держать сейр и не напрягая даже руку, которой приходилось сейчас и мой вес удерживать.

– Очень мило, – прошипела я.

И тут обернулся отец. Этого хватило, чтобы урод просто

опустил и передал мне сейр.

– Дьяр, – с укором произнес папандр.

Воин сделал вид, что он вообще ни при чем. Шествие продолжилось.

Заполучив сейр, я не стала его включать, просто спрятала в карман брюк и шла, стараясь поспеть за всеми, потому как ноги у этих длинные, шаги не маленькие, двигаются все быстро.

В итоге мы свернули на сто семнадцатый ряд, и лента понесла нас вперед, мимо сверкающих кораблей торгового содружества, темно-красных истребителей, принадлежащих службе безопасности космопорта, к огромному темному кораблю, по форме напоявшему мне острие копья, с голографическим изображением черного зверя семейства кошачьих, у которого морда, шея, плечи и передние лапы были нормальными, а вот все остальное – призрачно-серым. Это странно, если честно, я такого еще не видела.

А потом я увидела знак какого-то членистоногого, эта картинка мне хорошо знакома – у меня такая татуировка была. Пока я креативно ее не изменила. И у воинов на правом плече по такому изображению красовалось.

Это я чего-то не поняла – корабль папашкин?! Личный? У меня отец кто вообще? Вспомнила, что мама называла его хассаром. Вопрос: что такое хассар?

Додумать не вышло, нас поднесло к подъемнику, тот поднял на корабль, шлюз открылся, впуская развеселую ком-

панию киднепперов (между прочим, по законам Гаэры я еще ребенок). На входе я остановилась, еще раз оглянулась – огромное поле космодрома, за ним сверкающий сталью и стеклом город, который был моим домом... Я вернусь. Я обязательно вернусь. Я вернусь во что бы то ни стало, и папандру я буду мстить! Я...

– Киран! – окрикнул хассар, причастный к моему рождению.

Я отступила от края платформы и пошла вслед за ним.

Корабль меня потряс – модель абсолютно неизвестная, а я спец в современном кораблестроении, мы на факультете все новинки отслеживаем, это уже профессиональное. Но здесь было странным все – странный металл, черный, блестящий, будто эмалью покрытый. Я так и застыла, касаясь черной стенки ведущего в корабль хода и лишь краем сознания замечая, что воины ушли. То есть меня уже не охраняли... Так, значит, в космопорту они не боялись, что я сбегу, они кого-то другого опасались. Кого?

– Киран, – отец остановился, ожидая, пока я отлипну от стенки.

– А что это за модель? Крейсер, стрит, старфорг, тридент? – Мне действительно интересно было.

Папандр странно улыбнулся и издевательски произнес:

– Это космический кораблик, доченька. Просто кораблик. – И уже грозно: – И вот такие кораблики – не женского

ума дело. Марш в каюту.

Кадет Киран МакВаррас очень сильно обиделась. Я отошла от стены, достала сейр, активировала, сняв блокировку, подключила к связи, затем осмотрела стену. Это входной шлюз, а значит, здесь есть блок управления кораблем – такие везде есть, на случай если придется спешно покидать транспортное средство. Беглый осмотр позволил выделить черно-серый блок возле уже опускающегося перекрытия. Я стремительно прошла к блоку, прикоснулась ладонью и получила доступ к основным характеристикам, естественно, уровень капитанский мне никто не дал. Что примечательно – никаких экранов, просто четкая голографическая схема.

Отец не вмешивался, но его взгляд я шеей ощущала, что не помешало войти в систему, узреть странный и непонятный мне язык крючковатых символов. Перевела в режим «общегалактический», получила привычное дайвер и зачитала:

– Дисрайр, класс «легкий крейсер». Производитель не указан. Длина 280 метров. Управление – пилот, – я обернулась, с легким недоумением взглянув на папандра, просто один пилот, это как-то... странно. Но читаем дальше: – Экипаж – триста девять воинов, четыре базы сверхбыстрого развертывания, класс «полное уничтожение». – Папик удостоился моего второго потрясенного взгляда. И я даже не выдержала: – А как вас пропустила служба безопасности?

Класс «Star Destroyer» запрещен на всех планетах содружества.

– Мы не относимся к планетам содружества, – спокойно пояснил отец, почему-то явно ожидая от меня результатов дальнейшего исследования.

Просматриваю дальше:

– Скорость 570 MG, – снова смотрю на отца.

У меня шок. Банально. Стриты экстра-класса, используемые для разведывательных операций, развивают скорость 210 MG, что стало прорывом текущего года! У нас половина преподавательского состава месяц, захлебываясь от восторга, об этом рассказывала, а тут...

– Что тебя удивляет? – насмешливо поинтересовались у меня.

– Да ладно, – я еще раз взгляделась в характеристики, – этого быть не может, и ты понял, о чем я.

Папандр подошел, протянул руку – схема корабля вмиг стала сложнее, подробнее, насыщеннее, объемнее, показатели расширились, и там, где был один показатель, теперь наличествовали три – высший, средний и низший. Утроились и показатели скорости – 570 MG осталось прежней, низшим показателем было 490 MG, а вот высшим... Я нервно сглотнула, глядя на показатель в 720 MG.

– И это не предел, – произнес отец. – Это показатель скорости без задействования резервных двигателей.

Я промолчала, глядя на показатель автономной рабо-

ты – 4 года. Нехило. Это что за кораблик вообще? Взгляд мой скользнул ниже, просматривая показатели инверсионных щитов, устойчивости корпуса по отношению к различным типам вооружения, собственно, когда я дошла до вооружения самого корабля, отче взял и все вырубил.

Стою в шоке. Понимаю, что бежать нужно было раньше, в космопорту желательно. И вот что мне мешало рвануть в комнату женского уединения, оттуда в вентиляцию и дальше к службе безопасности... Мстить захотела? Кому?! Если у них кораблик вот такой, мне уже страшно представить, что дальше будет.

– В каюту, – приказным тоном произнес папандр.

Решила, что напьюсь. Просто напьюсь, а думать обо всем буду завтра! Или послезавтра, за сутки вряд ли долетим... Хотя с такими скоростями возможно все, к тому же, где расположен Иристан, я не в курсе. Молча пошла за отцом, величественно вышагивающим по собственному кораблю, и не могла не спросить:

– А ты меня ругать не будешь?

– За что? – отозвался папик.

Интересный вопрос.

– Ну, я кофе на одного из твоих бугаев вылила, – сообщила невинным тоном.

Отче остановился, полуповорот, насмешливый взгляд на меня, и последовала информация, от которой мне стало плохо:

– Это Дьяр, мой старший сын. Ты заставила его испытать ярость. Тем лучше, теперь он оценил тебя, и я уверен в его победе.

Я тормознула прямо посреди мрачного сумрачного коридора и переспросила:

– Какой победе?

Хассар развернулся, уголок его рта изогнулся в насмешливой ухмылке, и папандр выдал:

– Моя дочь – ценный приз. Киран, за тебя будут сражаться лучшие воины хассарата Айгора. Мои сыновья – одни из сильнейших, и я более чем уверен, что ты достанешься Дьяру или Ригану.

Бракованный навигатор! Это о чем он сейчас говорит?! Это вообще... вообще...

– Подожди, сбой программного обеспечения! – едва ли не заорала я. – Я... я не поняла, они твои сыновья, меня атом нестабильный наградил статусом твоей дочери, так это получается, они мои братья?! – У меня шок, просто культурный шок.

Этого быть не могло! Никак! Это вообще за гранью разумного, это...

– Да, – спокойно подтвердил папик.

Я прошла к стене, прислонилась спиной и медленно сползла на пол. Кажется, я начинаю понимать, почему мама сделала абсолютно ВСЕ, чтобы я этому бракованному двигателю не досталась... И причины ее паники в космопорту

тоже понимать начинаю, и я...

– Киран, – отец, по ходу, наслаждался моим совершенно раздавленным видом, – у вас разные матери, у них измененный генотип, моей крови в тебе на треть, в них на четверть, так что и речи об инцесте нет. Вставай.

– Ноги не держат, – буркнула я.

Идея взорвать корабль и смыться оформилась неожиданно, но сразу была одобрена, и я бы даже приступила к реализации, будь у меня силы. А их не было. Меня буквально по стенке размазало от таких новостей... Так вот что он имел в виду, говоря, что я останусь в хассарате... Урод!

И этому уроду надоело ждать, пока я приду в себя, меня схватили, перекинули через плечо и понесли в неизвестном направлении. Хотя о чем это я – направление уже было мне известно, инкубатором называлось!

Дойдя до каюты, папандр открыл дверь, внес меня, не особо аккуратно швырнул на постель и, с усмешкой глядя с высоты своего запредельного роста, произнес:

– Я рад, что ты осознала свое будущее. Смирись сегодня. Завтра я начну твоё обучение традициям Иристана.

И после этого меня оставили одну.

Минут через пять я встала, огляделась – узрела свои рюкзаки и сумки, разбросанные по полу. Подавила судорожное рыдание. Но собралась, затолкала сумки по шкафам, захватила себе бутылку шампанского, пару шоколадок и завалилась на постель... Поревела, причем от злости. Потом бы-

ли пьяные слезы, и не менее пьяный хохот, и уже знакомая зюзя. Она, родимая, сопровождала аж до отхода ко сну. Во сне ощутила взлет, пьяно похихикала, решила, что взорву ко всем атомам планету и папандра заодно, посочувствовала Иристану и снова провалилась в сон.

История седьмая, про родину

Сам полет запомнился мне плохо. Упиалась я тогда так, как не напивалась ни разу в жизни. Мне было горько, мне было страшно, мне было обидно до слез. За что?! За что мне все это, за что со мной так?! Шесть лет моей жизни было отдано на поступление в самое престижное заведение космофлота. Добилась, поступила, и не как Мика – с испытательным сроком после второго курса, а с внесением в лист распределения и перспективой прохождения службы на лучших кораблях Галактического Союза. Мамочка мной гордилась... А что теперь? Должность почетного инкубатора для рода МакВаррас?!

Неудивительно, что и второй день я начала с шампанского. Противно было, зато не так больно и обидно. Но стоило открыть водку, как до меня дошло главное – а ничего они мне не сделают!

Ничего! Убить не убьют, все же я ценный приз, таких не убивают. Покалечить также не покалечат. Во имя всех бракованных навигаторов, я им нужна как мать будущего потомства, отсюда вывод – я им нужна целая и здоровая!

И водка была закрыта.

Контрастный душ помог привести мысли в порядок, пара таблеток избавила от опьянения и похмелья. Десять отжиманий от пола заставили вспомнить, что Киран МакВаррас

рас не относится к тем, кто спускает оскорбления и забывает обиды. Папандр хочет инкубатор? Получит мину замедленного действия. Ты мне, урод, и за маму ответишь, и за меня тоже отчитаться придется. Урод!

Открылась дверь, вошел папандр, я пошла на второй заход и приступила ко второму десятку отжиманий.

– Встань, – скомандовал отец, – ты женщина, а не тар-эн.

– Тар-эн? – переспросила я, продолжая спортивную деятельность в банном халате.

– Воин, – пояснил отче. – Дочь будет есть одна?

Я прекратила отжимания, вскочила, подняла руки вверх, потянулась. У алкоголя есть две стадии – сначала он ослабляет концентрацию, нарушая связи нервных волокон, и это плюс, но потом следует минус – распадение алкоголя травит организм. Так что поесть нужно, а еще больше мне нужна вода, и побольше.

– Есть варианты? – поинтересовалась, глядя на отца.

Сегодня хассар опять одет в черное. Правда, крой рубашки мне не совсем ясен, на рубашку похоже, но без рукавов и на завязочках, и ткань какая-то плотная, мне такая неизвестна.

– Мы едим в агаэ, – пристально глядя на меня, произнес папандр, – это корабль, женской половины нет. Варианты – ты будешь есть со всеми тар-эн или тебе принесут еду сюда.

Варианты – я буду давиться под взглядами этих уродов, и особенно узкоглазого Дьяра с далеко идущими планами

на мою репродуктивную функцию, или поесть нормально в каюте? С воинами любопытно было бы, но я сейчас слишком... да не отошла я еще, и вот такой ранимой и слабой к ним не пойду. Пережду, соберусь с силами, а вот потом побеседуем.

– Здесь, – сказала я.

Хассар на это ничего не сказал, развернулся и вышел.

Но почувствовала я себя оплеванной. Рванула следом, открыла дверь, выскочила в коридор и крикнула в спину удаляющемуся родителю:

– А ты думал, что я соглашусь?

– Не сомневался, – ответил хассар, не оборачиваясь.

– А почему? – уже практически кричать приходится.

Папандр развернулся, оглядел меня с головы до ног и выдал:

– Ты распущенная, невоспитанная, безголовая, наглая, эгоистичная и не контролируешь собственные желания. Я был уверен: ты проявишь интерес к возможности показать себя трем десяткам тар-эн.

И ушел. А я осталась, чувствуя себя окончательно оплеванной.

Вернулась в каюту, залезла под душ и долго стояла под водой, стараясь сдержать слезы.

Так, значит, я распущенная, невоспитанная, безголовая, наглая, эгоистичная и не контролирую собственные желания? Ну, папандр, я к тому же упрямая, упорная, всегда до-

бываюсь поставленной цели и да – чувство юмора у меня черное!

Все, уроды иристанские, нарвались!

Я выходила из душа грациозной, обозленной и бесстрашной. На столе за время моего купания возник комплексный обед, и я его даже съела, потому что нужно, а не потому, что хочется. Есть вообще не хотелось.

Затем наступило время собирать информацию о потенциальном противнике. Включив сейр, вошла в Сеть и получила сообщение:

«Ты из-за меня это сделала?»

Отправлено было с номера Дейма. Даже отвечать не буду.

И я набрала в поиске Иристан. Увы, информация об этой планете умещалась в двух фразах: «Не состоит в содружестве. К посещениям не рекомендуется». Это было совершенно потрясающе! Но таки информация верная – я бы и сама посещать данную планету никому не рекомендовала.

А потом я решила, что хандрить хватит, пора начинать поднимать собственное настроение.

Считаешь, что я распушенная, невоспитанная, безголовая, наглая, эгоистичная и не контролирую собственные желания? Ну, папандр, мудрость первая – как вы кораблик назовете, так он и полетит. В смысле, ты сам этого хотел.

Новый комплект желто-лимонного белья – сама не знаю, зачем купила, видимо, стресс сказался, сверху – прозрачный синий топик, совсем прозрачный, мини-юбка оранжево-

го цвета и туфли на каблуке в пятнадцать см, что так удачно запахнула в сумку, в попытке прикрыть чемодан диверсанта. До него очередь еще дойдет, а сейчас самое время показать папику, что такое распушенность!

Подведенные черным глаза меня не устроили – я добавила зеленых теней, подчеркивая цвет радужки. Обошлась без румян, губы – кроваво-красные, в тон к ногтям. Эх, бесконечно жаль, что тот красный комбинезон остался в общеаге. Ну да ладно, обойдемся.

И я продефилировала к двери, собираясь устроить шоу!

* * *

За моей дверью обнаружился воин, стоящий спиной к входу и демонстративно «не заметивший» моего появления. Тар-эн был громадный, загорелый, мускулистый, в рубашке наподобие папашкиной.

– Куда? – спросило чудище, все так же посылая меня всей мускулистой спиной.

Сам нарвался.

– Веди к отцу, наркоша, – ласково сказала я.

Могучий мужик стремительно обернулся и узрел плохо одетую меня! Моргнул, нахмурился, удивился, снова нахмурился, с трудом оторвал взгляд от новообретенного моего беля, воззрился на шею, губы, глазам не было уделено и секунды, после чего взгляд воина вновь вернулся к оценке кру-

жевной промышленности. В общем, я поняла, где у этих го-
мункулов слабое место!

Воин резко выдохнул, решительно оторвался от моих вто-
ричных половых признаков, взглянул все же в глаза, и хрип-
ло спросил:

– Женщина, ты вспылала страстью к МакОрату?

– Не замечала за собой, – созналась я. – А кто это вообще?

– Я! – с нескрываемой подозрительностью сообщил воин.

Он себя в чем-то подозревает? Какие страшные типы эти
тар-эн. Ладно, это к процессу издевательства не относится.

– Ты, – я указала на него пальцем, чтобы не сомневался,
какого именно «ты» я имею в виду, – вести Киран-принцесса
к воин-вождь хассар.

Получай, урод, рождение сверхновой!

Урод потрясенно на меня смотрел, после чего произошло
нечто – он вдруг сделал шаг, касаясь своей грудью собствен-
но моей. Моя позорно не выдержала сравнения – у воина раз-
мерчик оказался повнушительнее. Но пока я пялилась на его
размер, воин вдруг коснулся пальцами моей щеки, провел
вниз, обрисовывая подбородок, и, едва я в его глаза посмот-
рела, выдохнул:

– Женщина, – голос у него был низкий, грудной, а учиты-
вая соприкосновение наших грудей, моя от этого завибриро-
вала, – ты вспылала страстью к МакОрату?

И вопрос прозвучал так, как будто это вообще утвержде-
ние, но никак не вопрос.

– Руки убрал, туша грудастая, – нежным голоском пропела я.

Тар-эн отпрянул от меня, как от прокаженной! Замер, потрясенно глядя, и выдал:

– Ты не солгала. Зрачок не увеличен, дыхание не изменилось, кровотоков в норме. Как?

– Что «как»? – не поняла я.

Но воин вновь расправил плечи, выпрямил спину и закрылся. Наглухо, только изучающий взгляд не отрывал от меня. Это было странно. Очень. Но я ему не доктор, так что...

– К папандру, – напомнила я.

Мне величественно кивнули. После чего воин направился вперед, указуя путь. И, откровенно говоря, идя за этой подвижной грудой мускулов, я впервые начала рассматривать нарикков иристанских. Что ж, надо отдать должное – красивые до умопомрачения. Помнится, последний раз я такую красоту видела в магазине эротических товаров, в разделе «Андройды для вашего удовольствия. 3400 способов достижения вашего оргазма».

А кстати:

– Эй, МакОрат, – позвала я. Воин остановился, величественно повернулся. – У меня вопрос.

– Спрашивай, женщина. – Кое-кто снова изображал величественное презрение собственно к моей персоне.

Ну, в эту игру можно играть вдвоем:

– Воин, а ты оргазм доставлять умеешь?

Могучее, невозмутимое и самодовольное скопление мышц начало стремительно краснеть, темные же глазищи решились округлиться.

– Не понимаешь? – Да, я издевалась и собираюсь продолжить: – Оргазм, удовольствие, маленькая смерть, седьмое небо, полный атас? – Реакция та же. – Секс?

Потрясенный тар-эн выдохнул:

– Принцесса Киран!

– Мм? – осведомилась я.

– Что вы творите? – возмутился иристанский вояка.

– Издеваюсь, – честно ответила я. – Конкретно – сейчас.

Еще конкретнее – над тобой. Так что там у нас с оргазмом?

МакОрат развернулся и ускорился. По переходам он теперь практически бежал, а я фактически бежала следом, продолжая допрос:

– Сплетать ноги? Устраивать пляски в горизонтальном положении? Исполнять супружеский долг? Играть в песиков? Половые отношения? Процесс зачатия? Что, совсем ничего? Да вы тут необразованные! МакОрат, хорошо, давай по-другому – женщина и мужчина ласкают друг друга...

Воин тормознул. Я с разбега впечаталась в его спину. Потную! Рубашка у него вообще насквозь промокла. Пока доставала салфетки и вытирала нос, услышала глухое рычание. После чего жертва допроса приказала:

– Стой здесь!

И испарился. Ну не совсем испарился, а просто метнулся тенью, исчезая из поля зрения. Странные они тут, и я пошла вперед – разыскивать главного тар-эн.

Бродила я недолго. Вскоре услышала гортанные разговоры, пошла на звук и вышла к рубке управления. Воины при виде меня тормозили, пристально смотрели, особенно уделяя внимание прозрачному топику, но никто не произнес ни звука. Лавируя между высоченными и мускулистыми, добралась до отца, вполоборота сидящего за пультом управления и молчаливо наблюдающего за моим приближением.

Несколько секунд потрясенно смотрела на экран, потом вспомнила, зачем, собственно, пришла, и решительно заявила:

– Драсти!

Папандр что-то понажимал – слишком быстро для моего восприятия. Мне на миг вообще показалось, что его ладони растворились в пространстве, затем, крутанувшись в кресле, отче развернулся ко мне, скрестил руки на груди и произнес:

– Твой внешний вид оставляет желать лучшего, дочь.

Так, значит, да? Вскинула подбородок и ехидно ответила:

– Это же к лучшему – усерднее будут сражаться за меня, отец.

Хассар оценил пассаж, но ответ был далек от моих ожиданий:

– Ты выглядишь как доступная женщина. Это не распая-

ет интерес, это отвращает.

Кажется, меня воспитывать пытаются.

– Еще лучше. – Я нагло улыбнулась. – Значит, останусь старой девой, что меня более чем устраивает.

Взгляд хассара вновь стал насмешливым – он потешался надо мной, как потешался бы посторонний человек, но никак не отец. И я впервые почувствовала себя в совершенно враждебном окружении... Потому что раньше рядом со мной всегда находились мама, или Мика, или свои ребята из группы, а сейчас... Зато стыдно ни перед кем не будет!

– Я вообще с вопросом, – нагло заявила отцу.

Черные глаза предка внимательно изучали мое лицо, затем я услышала:

– Киран, как моя дочь, ты обязана подчиняться традициям Иристана. Традиция первая – женщина не оголяется.

И сказано это было так, что мне вдруг стало холодно. Ничего, выдержу.

– Это все? – поинтересовалась я.

Как оказалось, не все.

– Женщина не говорит, пока к ней не соизволят обратиться.

– Ого. – Знала, что все плохо, но чтобы настолько.

Папандр кивнул и продолжил:

– Голос женщины тише шелеста трав.

Вдох-выдох и мрачно резюмирую:

– Полный абзац!

Отче напрягся, выдавая начинающее просыпаться в нем глухое недовольство моим поведением, и меня продолжили воспитывать:

– Женщина не пачкает уста грязными выражениями.

Уста? Это он про губы?

– Они чистые, только помыла, – «обрадовала» родителя.

И услышала:

– Язык женщины – покорность.

– Это перебор, папандр, – не сдержалась я. – Язык – это язык, покорность – это уже из области психологических отклонений!

На меня молча смотрели несколько долгих минут, вынуждая едва ли не поежиться от столь неприязненного внимания, а затем отец произнес:

– Женщина не смеет поднимать голос на тар-эн.

Я смею! Это первое, и кстати:

– А я не женщина.

Никогда этим не гордилась, но сейчас просто не удержалась. И очень сильно пожалела об этом, потому что поведение воинов изменилось мгновенно – на меня и до этих слов смотрели, но теперь взгляды были иные. Совсем. И я зря вообще так оделась. Отец чуть заметно скривился, и в помещении сразу стало значительно меньше народа. И пятнадцати секунд не прошло, как в рубке остались я, папандр и Дьяр.

– Не стоит кричать об этом, – медленно, растягивая слова, произнес отец. – Если твоя нетронутость будет предана

огласке, я буду вынужден отдать тебя Нрого.

– Меня сейчас просто стошнит, – честно призналась я, разворачиваясь и планируя свалить отсюда подальше.

В идеале вообще с корабля.

А кстати! Хорошая идея.

– Киран, мне не нравится выражение твоего лица, – произнес папандр.

В каюту меня сопровождало трое воинов. От их липких, неприятных взглядов хотелось почесаться, а потом и помыться. И едва я вошла к себе, с наслаждением захлопнула дверь. Затем долго и прочувствованно ругалась и пошла мыться.

Стоя под ледяной водой, старалась не думать, просто не думать обо всем этом. Потому что при одной мысли злость не закипала, она клокотать в душе начинала. Ненавижу!

Я никого не хотела больше видеть сегодня, но, когда вышла из душа, узрела отца, восседающего на стуле. Едва успела поплотнее в полотенце замотаться.

– Киран, – рокочущий голос словно заполнил все пространство моей каюты, – ты недопустимо повела себя с воином шестой руки МакОратом.

Стою и молчу... Ручейки воды от мокрых волос стекают вниз по спине. Надо было бы режим сушки включить в душе, но не люблю следующего за этим ощущения сухости на коже

и предпочитаю вытираться сама. Вот и стою.

– Дочь слышит мои слова? – спросил хассар.

– Да, – отвечаю, едва сдерживая ярость.

Отца мое мокрое состояние ничуть не озаботило. Ну как же – воспитательным процессом занялся, впервые за семнадцать лет.

– Ты должна знать – воины Иристана отличаются... темпераментом, – начал отче. – Он мог не сдержаться и коснуться тебя. В этом случае я убил бы воина и наказал тебя.

Даже так... как любопытно. Но продолжаю молчать.

– Ты более не покинешь каюту.

Кивнув, шмыгнула носом, так как прохладненько уже – стою-то мокрая.

– И будешь молчать в присутствии воинов!

Пришлось опять кивнуть.

– Отдыхай! – Сие было последнее слово в беседе дочери и отца.

После его ухода у меня отрубилась связь на сейре – сомневаюсь, что случайно.

За ужином я распила бутылочку красного дорогого вина и после половину ночи жаловалась зюзе, вторую половину звала Ихтиандра. Не пришел.

* * *

Третий день я провела в одиночестве, упиваясь жалостью

к себе, любимой, и чтением книг об устройстве первобытно-патриархальных обществ. После ознакомления с очередным отсталым госустройством снова предавалась жалости к самой себе. Наутро дня четвертого в дверь постучали. Воины теперь постоянно стучали, после чего спрашивали разрешения войти. На меня они старались вообще не смотреть, что наталкивало на размышления о папочкиной крутости. Однако мне было искренне плевать, насколько он крут, и, откровенно говоря, нравилось доводить воинов. И потому, откинув край одеяла так, чтобы открыть одну ножку, войти разрешила.

Три суровых воина вошли и оторопели. Я невинно покачала обнаженной ножкой. Воины разом посмотрели мне в глаза. Не знаю, почему, они все время чего-то ждали, но не получали от меня никаких объяснений и заводились от этого еще сильнее, практически пожирая меня глазами. Правильно – трогать-то меня нельзя, папандр убьет.

– Мы на подлете... – наконец выдал один из пришельцев.

После чего меня оставили наедине с завтраком. Завтрак выглядел не особо аппетитно – никогда не любила овсянку, – но все равно был съеден.

Пока ела, все думала, что же надеть. Завтракала я в пижамном костюмчике, так как не ждала никого.

Зря.

В двери постучали, затем без разрешения войти в каюту ввалился папашкин любимчик.

– Дьяр, – поприветствовала я брательника.

Тар-эн застыл на пороге, разглядывая меня, облаченную в короткий топик и хлопковые шортики.

– На себя бы посмотрел, – буркнула я, намекая на его обнаженность до пояса.

Воин сузил глаза и мрачно произнес:

– Я выгляжу в соответствии с традициями Иристана.

– Да? – Закинув ногу на ногу, молча осмотрела тар-эна, после чего невинно поинтересовалась: – У вас все полуголыми шляются?

Оторвав взгляд от моих ног, Дьяр неожиданно резким движением закрыл дверь. Мне это сразу не понравилось. А затем тар-эн плавно шагнул ко мне, заставляя возрадоваться, что между нами высится стол. Но война это ничуть не обеспокоило. Подойдя к столу вплотную, он оперся на него могучими руками и медленно, не отрывая взгляда от моих глаз, склонился к моему лицу.

Пауза. Дьяр взирает на меня сверху, я отвечаю ему спокойным взглядом, вынужденная запрокинуть голову. Он опускает голову еще на несколько сантиметров, и вот теперь я вполне обоснованно могла дать ему по морде – границы тар-эн все же перешел. Но жду, исключительно из любопытства. И ожидание было вознаграждено:

– Ты не реагируешь, – произнес воин, практически касаясь моего рта губами.

– А на что я должна реагировать? – спросила, чуть откля-

нившись, неприятно было.

Дальше произошло неприятное – Дьяр сдурел! Одна его рука вдруг метнулась, хватая меня за волосы, и, рванув на себя, воин заставил прижаться к его губам. Я дернулась – бесполезно. Следующим моим действием стала имитация рвотного позыва – отпустил сразу. Но не отпрянул, продолжая сжимать волосы на затылке.

– Не реагируешь, – хрипло произнес воин.

– Убери руки, ген бракованный, – прошипела я.

Убрал.

Я вскочила, но стоило ему выпрямиться, и Дьяр снова получил преимущество в росте. Урод! И, видя мою ярость, тихо рассмеялся, затем так же хрипло произнес:

– Строптивая и неприступная Киран.

Вот урод!

– Мерзкий и отвратительный Дьяр, – в тон ему ответила я.

Тар-эн стал дышать еще тяжелее, фактически пожирая меня глазами, по его губам змеилась пошлая ухмылка, мышцы заметно напряглись. А у меня нарастающая паника. Дикая, и знобит от страха, и... И тут я вспоминаю папочкины слова и понимаю, что Дьяр ничего, абсолютно ничего мне не сделает.

Я выпрямилась, тряхнула полураспустившейся за время сна косой, облизнула губы, невинно поправила топик и после этого бросила лукавый взгляд на Дьяра. Воин застыл. Улыбок больше не наблюдалось, мышцы проступили явственнее,

на висках капельки пота.

– А знаешь, – я прикоснулась пальцами к губам, – у тебя очень... – эпитет подобрать было сложно, но вроде как у них тут все на силе помешаны, так что... – У тебя очень сильные губы, – прошептала я.

Воин сжал кулаки, напряжение достигло предела.

– Такие сильные, – продолжала искушать я, – такие... мм... властные...

В следующее мгновение Дьяр развернулся и вышел из моей каюты, едва не снеся дверь. А я, запрокинув голову, пыталась удержать слезы, не позволяя им выкатиться из глаз... Не хватало, чтобы эти уроды догадались, что довели меня. Не дождутся.

А потом, успокоившись, я задумалась о случившемся. Поняла главное – у тар-эн явные проблемы с самоконтролем. То есть пока другие теряют контроль над своими эмоциями – это нормально, к этому воины привыкли, а вот сами не выносят собственных конфликтов между разумом и эмоциями. Уроды! И планетка у них уродская. И...

Дверь повторно распахнулась без стука. Вошел отец – как и Дьяр, в состоянии полуобнаженности, на руках широкие браслеты, обхватывающие руку от запястья и почти до локтя, на шее какой-то массивный медальон, черные прямые, как и у меня, волосы распущены.

Заметив мой удивленный взгляд, папандр пояснил:

– Традиции Иристана, Киран. Воин, возвращаясь домой,

должен быть открыт, демонстрируя добрые намерения и доверие.

Это как?

– То есть на тебе сейчас нет оружия? – предположила я.

Хассар коснулся массивного браслета на правой руке, и произошло невероятное – черная сталь густой смолой сползла на его раскрытую ладонь, чтобы через миг обратиться коротким мечом с остро заточенными краями. Отче крутанул оружие, вернул в исходное положение, и я проследила за обратной трансформацией меча в браслет.

– Тар-эн всегда носит оружие, – как аксиому, произнес отец.

Я не хочу на эту планету! Она меня уже пугает! Я...

– Дочь должна выглядеть скромно, – еще одна аксиома от папандра. – Пять минут. За тобой придут воины.

И мой родитель оставил меня одну. Хотя нет, нас было двое – я и ужас. Ужасу тоже было страшно, и он тоже не хотел на Иристан. Но нашим мнением никто не интересовался.

А потом я вспомнила, что пора стать очень плохой девочкой. В конце концов, надо оправдать папандрово: «Ты распущенная, невоспитанная, безголовая, наглая, эгоистичная и не контролируешь собственные желания».

И, раскрывая свои чемоданы, я искала что-то длинное, но развратное и этот разврат прикрывающее. С цветом определилась сразу – красный. Во-первых, у меня есть красные туфли на высоченном каблуке, а во-вторых – это самый вы-

зывающий из всех цветов. К тому же у меня где-то было именно ярко-алое платье в пол. Нашла. Под чемоданом диверсанта, кстати. Платье было потрясающее: длинное, закрытое, с длинными рукавами и воротом под шею, но такое обтягивающее, что мужская фантазия гибла еще на полете. Правда, имелись сомнения, что отче меня в таком наряде выпустит, но на случай временной маскировки у меня отыскалось алое парео. Белье под все это я выбрала черное, черные же были и чулки, ногти остались алые, губы – в тон к платью, ресницы красила долго и основательно.

В дверь постучали. Глянула на сейр – действительно пять минут уже истекли. А я еще не готова. Ладно, отвоюем себе еще пару минут.

Я надела туфли, подошла к постели, закинула одну ножку на кровать, подтянула платье, открывая всю ногу и старательно поправляя резинку чулок, крикнула:

– Войдите.

Дверь распахнулась. Трое воинов, обнаружившиеся в проходе, там так и застыли. Я мило улыбнулась и спросила:

– Что-то не так? – Невинно хлопаю ресницами.

Тар-эн посмотрели на меня, на ногу, снова на меня... развернулись и вышли. Хорошие мальчики.

Освободив себе время, я собрала вещи, зафиксировала новый код на всех рюкзаках, заперла оба чемодана с вещами, взятыми из дома. Едва завершив со сборами, встала перед зеркалом. Выглядела я эффектно. Платье обтягивало,

как вторая кожа, до середины бедра, оттуда струилось, приоткрывая кончики туфель. Элегантно и в то же время очень сексуально. Помнится, мы с Микой себе такие одинаковые взяли, но на мне смотрелось круче – у меня фигура более женственная, и потому Микаэлла его с корсетом надевала. У меня корсета под него нету, увы. Хотя и так выглядит роскошно. И я заодно распустила волосы, а они у меня длинные, иссиня-черные, достают до талии и выгодно смотрятся на красном. Короче, жди, Иристан, я иду!

Стук в двери – я стремительно набросила парео на плечи и сказала:

– Войдите.

Вошел... отец. Рывком так. Ему про мое показательное выступление с ножкой доложили?! Мало того, что нарики, так еще и стукачи.

– Дочь!

И для чего это было сказано?

– Это самое длинное из моих нарядов, – смиренно изображая почтение, сказала я.

Отче промолчал, изучая взглядом все, что не скрывало парео. А оно непрозрачное.

– Хорошо!

На этом общение завершилось. Меня оставили одну. И почти сразу раздался стук в двери.

Грациозно сняла парео, подтянула юбку так, чтобы была видна полоска кожи над резинкой чулок, словно я тут себя

в зеркало разглядываю, и ответила:

– Войдите.

Вошли четверо. Застыли на пороге. Взгляды на меня, на ноги, на меня...

– Ма-а-альчики, – проворковала я, – вы за вещами?

Воины развернулись и оставили меня одну.

Стремительно меняю диспозицию, опуская юбку, набрасываю парео на голову, на манер платка, скромно присаживаюсь на краешке постели и жду. Отче заявился секунд через тридцать. Влетел весь разъяренный и, сурово сдвинув брови, уставился на меня.

– Папа? – невинно вопрошаю.

– Идешь со мной! – рявкнул отец.

– Хорошо. – Да я вообще сама покорность.

Но идти не вышло, пришлось бежать. Тот факт, что на каблуках мне бежать неудобно, никого не смущал. Да еще и юбку придерживать нужно было одной рукой, а парео – другой. Через пару тысяч шагов, когда я уже задыхалась и ковыляла, отец снизошел до беседы:

– Мы приземлились на площади. Твоего появления ждут. Когда выйдем из корабля, нас будут приветствовать тысячи тар-эн. Веди себя достойно!

– Да... хассар. – Я с трудом приводила дыхание в норму.

Он остановился, резко развернулся ко мне и ледяным тоном произнес:

– Я твой отец.

Вырвав ладонь из его руки, выпрямилась, взглянула в его черные глаза и ответила:

– Я знаю, хассар.

Мне казалось, что он меня ударит сейчас. Даже рука дернулась, но боли я не боюсь, а ничего серьезного он мне в любом случае не сделает.

– Я. Твой. Отец! – медленно, разделяя слова, произнес папандр.

Нарываться дальше или не стоит? Отца я боялась, если честно. Возможно, не будь той яростной схватки в нашей квартире, я бы вела себя более нагло, но...

– Я знаю, – повторила без обращения.

Отец стоял и продолжал пристально смотреть на меня. Очень пристально. Я же сжала край парео, чтобы до срока не показать все достоинства моего наряда. Хассар Айгора склонил голову, сделал шаг ко мне – я отшатнулась в то же мгновение, и папандр засек мой страх. Плохо.

– Не такая уж безголовая, – с усмешкой произнес он. Хмыкнул и продолжил разговор: – Слушай меня внимательно, Киран. Я готовился к этому двенадцать лет, и никто, включая тебя, не посмеет мне мешать. Ты сейчас идешь со мной – покорная, скромная и тихая, идеальная дочь сильнейшего клана Иристана. Тебя должны возжелать все. Тайна, Киран, влечет сильнее всего. И каждый из воинов будет желать ту, что стала тайной хассара Айгора.

Просто не верю в услышанное! Просто не верю...

– А... зачем? – выдохнула потрясенная я.

Отец усмехнулся, но ответил:

– За тебя будут сражаться лучшие воины Иристана, дочь, а победа достанется клану МакВаррас.

И до меня начало доходить:

– Это что, вид спорта такой? – возмущенно спросила я.

– Именно, – отец даже кивнул. – И тут важен не столько приз, сколько победа. А после этой победы мой клан будет признан сильнейшим на Иристане.

То есть я – так называемая «золотая медаль»? Это что за бред!

– Отче, – начинаю злиться, и уже даже не страшно, – а что, приза получше нет? Деньги там, золото, кораблик какой-нибудь, наконец!

Хассар Айгора расхохотался. Смех, странный и громкий, разнесся по пустым коридорам этого сверхскоростного корабля, а едва отсмеявшись, отец улыбнулся и, как маленькой, объяснил:

– Ты в качестве приза – идеальный способ заставить правящий клан держаться подальше от схваток. Они не сражаются за женщин, – в голосе папандра прозвучало откровенное презрение, но еще и злость, и вот это меня удивило, – еще вопросы?

Вопросов не было. Пока. Зато я вдруг поняла, что попала гораздо хуже, чем думалось.

– Дочь будет вести себя достойно? – с усмешкой спросил

Хассар.

Надейся!

– Да, отец, – даже чуть голову наклонила, для пушего создания образа покорности, и парео на волосах поправила, продолжая удерживать ткань под подбородком.

Он промолчал, развернулся и продолжил путь уже более размеренным шагом. Чем дальше мы шли, тем громче слышались крики толпы. И крики эти мне очень военные парады напоминали, то есть вопили одни луженые мужские глотки. А потом стены шлюза начали разъезжаться, и мы вступили на эскалатор.

В следующую секунду ослепило солнце!

Я зажмурилась, стараясь привыкнуть к свету, и в то же время скривилась, потому как вопли оглушали. Звон оружия и крики. Крики и звон оружия! Такое ощущение, что я только что не космический корабль покинула, а вылезла из лодки в обществе первобытных варваров!

Порыв ветра. Сильного, сухого, почти обжигающего. Я не удержалась и прикрыла лицо руками. Мне так никакого крема не хватит с их климатом. А потом крики стихли. Я открыла глаза, осмотрела огромную площадь, заполненную полуголыми и мускулистыми... Кажется, меня начинает тошнить от качков!

Взглянула на отца – великий хассар Айгора, как оказалось, вскинул руку, оттого все и умолкли, площадь погрузилась в тишину. Интересно, что он сейчас скажет? Любопыт-

но до жути. И он сказал:

– Хрого, таи граех! Аэ шэассо Киран!

Кто-то что-то понял?

Лично я вообще ничего, но тар-эн, видимо, да – потому что теперь я ощущала, как на меня смотрят отовсюду. Никогда не думала, что взгляды можно чувствовать... да уж.

– Это древний язык, – снизошел до объяснения отец, – он неизменен для каждого воина. Женщинам запрещено говорить на древнем.

– А дышать женщинам можно? – не сдержалась я.

Мне не ответили, так как отче собирался еще что-то выдать толпе, собравшейся у подножия холма. Я, памятуя о требовании отче быть скромной и покорной, также собиралась пообщаться с народом.

Порыв ветра – и я попросту перестала удерживать края парео, отпуская его в свободный полет... А затем тряхнула волосами, встала ровнее, вскинула подбородок и с усмешкой взглянула на отца, – устраивать шоу я умела, выглядеть эффектно также, а еще точно знала, как шикарно черный корабль, находящийся позади, оттеняет мою затянутую в алое платье фигуру.

– Киран! – с шипением выдал отец.

Грациозный поворот головы – и, глядя в родственные очи, я спокойно, нагло и совершенно бесстрашно произнесла:

– Покорных дочерей ищи себе в другом месте, отче! И реализовывать свои планы за счет меня – очень глупая затея.

И советую прямо сейчас меня домой отправить, а то хуже будет, папочка! Просто поверь мне на слово!

Мы могли все это закончить здесь и сейчас, но хассар Айгора совершил самую страшную ошибку в своей жизни – он не принял меня всерьез. Взбесился настолько, что едва не утратил самоконтроль, но все же не принял меня всерьез.

– Дочь будет наказана, – прозвучало тихое. – Жестоко наказана.

Вскинула подбородок еще выше, повернулась к толпе, а дальше... шоу!

– Воины, я вас приветствую! – Мой звонкий голос разнесся над всей толпой. – Привет, красавчики! Какие вы все... сильные, могучие, – воины внимали молча, потрясенно глядя то на меня, то на папандра, – а уж какие вы... сексуальные!

Изгиб в стиле «стрип пластики» был завершающим аккордом моего выступления. Папандр взбесился, рванул ко мне, и я была схвачена. Причем, не особо заботясь о моем самочувствии, папандр сжал больно.

– Дрянь, – прошипели у меня над ухом.

– Я буду скучать! – орала я, пока меня утаскивали с глаз подальше. – Мальчики, вы лучшие! Вы секси! Вы все такие миленькие пупсики! Я хочу вас! Всех!

После этого папандр изменил хват и попросту закрыл мне рот. Умно, ничего не скажешь, и я была вынуждена прекратить позорить собственного отца, а жаль. И он больше

не отпускал меня. Так, удерживая, взошел на летную платформу, и мы взмыли над площадью, над потрясенно безмолвствующими воинами, над городом, который был так не похож на строения из стали и стекла, что составляли девяносто девять процентов зданий на родной Гаэре.

Но я едва ли смотрела на город, я прикладывала все возможные усилия, чтобы не расплакаться. Потому что мне было жутко от его «дочь будет наказана».

История восьмая, родственно-ознакомительная

Наш путь занял несколько минут, не более. И вскоре впереди показался дворец. Красивый, белый, непривычный в архитектурном стиле, окруженный деревьями, которые ду-бы напоминали.

При нашем приближении открылись огромные ворота, наверное, метров сорок в высоту, не меньше, впрочем, стены были им под стать, и отче, вместо того чтобы промчатся над стенами, снизился, и аппарат пролетел через ворота.

Едва мы приземлились, послышался неясный гул. Отец напрягся, его рука, придерживающая меня за талию, сжала сильнее.

– Что-то не так? – решила я поинтересоваться, так как мой рот, наконец, освободили.

– Наглость следует ограничивать! – Отец продолжал меня удерживать.

Я все еще пыталась понять смысл фразы, как увидела нечто – с неба к нам спускалось около двадцати странных птиц. Гул нарастал, и чем ближе подлетали эти существа, тем яснее становилось – механизмы. Странные летательные аппараты, где наездник перемещался стоя, а от летательной платформы, словно хребет ящера, поднимался пульт управления. Но это стало понятно, лишь когда они прилетели,

а так, если смотреть сверху, – гибрид черной птицы и черного же ящера. Платформа, на которой папаша меня приволок, попроще выглядела.

Отец, хмурый и злой, отпустил меня, сошел с платформы и больше на меня даже не смотрел. Теперь все его внимание было приковано к появившимся воинам. Я все не понимала его настороженного к прилетевшим отношения, но, стоило платформам приземлиться, как поняла – эти тар-эн совсем другие. Нет, тоже здоровые, тоже смуглые, но эти до черноты почти и волосы их, хоть и черные, но какие-то иные, тоньше, что ли. А еще у этих, прилетевших, более коренастое телосложение, хотя в росте папандровым бугаям не уступали, и строение лица также другое, так что сразу становилось ясно – это другая нация. Или род. Я еще не разобралась, как у них тут принято обзывать.

Первым на каменный двор спрыгнул коренастый воин в жилетке и брюках, как у всех. На груди его висел золотой медальон, изображающий голову какой-то хищной птицы, волосы достигали середины спины, а в ухе сверкала серьга. И чем-то этот воитель мне отца напоминал. Присмотрелась и поняла, чем – скоростью движений.

– Нрого! – величественно и в то же время враждебно произнес отец.

Я так и застыла. Крепкий, мускулистый, загорелый и быстрый воин менее всего был похож на «старикана».

– Агарн! – в свою очередь произнес воин с серьгой, кото-

рый, как я понимаю, имеет на меня какие-то права.

Судя по всему, он тоже это понимал. Потому как взгляд черных раскосых глаз сейчас был направлен исключительно на меня. Только на меня. Конкретно на меня! У меня было такое ощущение, что он сейчас раздевал меня глазами, и я с трудом удержала желание прикрыться руками. А еще я поняла, что взгляды того же Дьяра – просто пыль по сравнению вот с этим демонстративным пожиранием меня глазами.

– Киран, – после недолгого молчания произнес Нрого, – Киран – дочь Киары... почти копия.

Он знаком с моей мамой?

– Киран... – вновь повторил воин и в следующее мгновение вдруг оказался на расстоянии шага от меня. Как он преодолел те как минимум двадцать шагов, что нас разделяли, я понятия не имела. Но вот Нрого стоит так близко, что можно его коснуться, едва протянув руку, и продолжает разглядывать меня так, словно платья тут не было. И взгляд его изучал снизу – ноги... голени... бедра... интимное место, причем его так долго, что появилось желание прикрыть руками, потом изгиб тела, талию, грудь... опять-таки слишком долго. Плечи, шею, губы... губы долго, чуть сжав собственные, и только после он взглянул в глаза. Усмехнулся и произнес:

– Строптивая. Как пантера. Укрощение пантеры – изысканное удовольствие.

И на его роже мелькнула нехорошая такая ухмылка. В следующую секунду я поняла – маньяк!

А потом Нрого сказал:

– Я хочу ее.

Как будто в этом тут хоть у кого-то оставались сомнения! Я уже точно не сомневалась, но страшно стало, даже отступила на шаг. Нрого отреагировал еще более кривой усмешкой.

– Я требую ночь! – продолжил урод.

Испуганно смотрю на папандра, искренне надеясь, что отец скажет «нет». Но в черных глазах хассара Айгора промелькнуло что-то очень похожее на месть.

– Она твоя, – ответил отец, и я поняла, в чем будет состоять мое наказание. – На всю ночь.

Действительно очень жестоко!

В полном ауте смотрю на предка. Потом на Нрого. Под взглядом папика чувствую себя ничтожеством, под голодным взглядом Нрого – куском мяса.

– Идем! – приказал отец.

Я пошла за ним, по дуге огибающая маньяка. С каждым шагом казалось, что мое платье сейчас сгорит прямо на мне. И я уже проклинала и свою идею вырядиться в красное, и выходку на площади, и высоту каблука, и тот факт, что при каждом движении ткань чуть сверкала, что привлекало еще больше внимания. Так и шла, проклиная папика, платье, планету.

Тройной абзац, в общем!

Как дошла до входа во дворец, помнила плохо. Все время хотелось прикрыть руками место, на котором сидят, или шаг

ускорить. Но папашка шел неторопливо, как назло, и мне пришлось идти так же. На входе на меня уставились оба охранника – уже просто передернуло от такого повышенного внимания.

* * *

Когда мы, наконец, вошли во дворец, отец пошел не в пример быстрее. Да он почти летел по проходам, а мне приходилось бежать следом, даже разглядеть интерьер времени не было. А потом папа остановился. Я тоже. И вдруг пол затрясся. Основательно так. Дробный стук послышался. А затем стекла потряс вопль:

– Папа!

Я нервно сглотнула. В следующую секунду в конце коридора появился серо-бежевый бегемотик, который вприпрыжку мчался в нашу сторону! В бегемотике имелось явно больше ста кг веса, а также я наблюдала жиденькие пшеничные волосы, серые невыразительные глаза и восторг! Огромный такой восторг. Смотрю на папашку – куда делся суровый воин? На морде лица счастливая улыбка, глаза и те улыбаются, руки раскинуты в готовности обнимать.

Далее бегемотик ускорился, совершая забег до собственно воина. Подобравшись на подходящее расстояние, бегемотик совершил прыжок, явно в стремлении свалить отче с ног. Отче устоял и даже подхватил бегемотище на лету, обнял,

радостно закружил.

– Папка! – вопил бегемотик, он же, судя по всему, моя сестра.

– Адди, – суровый воин сверкал от нахлынувших чувств. – Адди, маленькая, соскучилась?

М-м-маленькая?!

– Сильно-сильно. – Бегемотик обнимал папашку пухлыми ручками. – А папа привез подарки?

– Ага, – не сдержалась я, – стопку подгузников и пустышку!

Трепетное воссоединение семьи было нарушено. Великий воин медленно отпустил дочь, стремительно развернулся ко мне. Мило улыбаюсь папочке, слишком хорошо понимая, – он уже отомстил, хуже вряд ли будет.

– Так что там за ночь была обещана Нрого? – ехидно спросила я.

Отец не ответил. Снова подхватил бегемотика, махнул мне рукой, приказав оставаться на месте, и утопал в радости, не оборачиваясь, унося свой центнер счастья в неизвестном направлении. Хорошо, что не обернулся, – кадет Киран МакВаррас в данный момент нарушала все кодексы допустимого, демонстрируя уходящей спине жест, позорящий офицера космофлота.



Скучать мне не пришлось. Спустя не более чем минуту в поле зрения появилось шесть женщин в невыразительных мешковатых серых одеяниях, которые вежливо предложили следовать за ними. Наплевав на чувство достоинства, я сняла туфли и, придерживая платье, потопала за женщинами. Меня привели на четвертый этаж и оставили в номере, состоящем из двух комнат. То, что комнаты мои, было ясно с первого же взгляда на сваленные тут же мои вещи. Обстановочка оказалась крайне скромненькая – белые стены, каменный потолок, выбеленный деревянный пол. Причем именно деревянный, даже лаком не покрытый – просто отшлифованное светлое дерево. Окна, двери – из древесины такого же цвета, хлопковые плотные занавеси грубого полотна, диван, обтянутый шкурой животного, небольшой и, кажется, не раскладной... Нет, я все понимаю, бывают и отсталые цивилизации, но я же видела корабль! И эти их летательные платформы. О мечях, трансформирующихся в браслеты, я вообще молчу, и тут это! Домик в деревне далекого прошлого!

В общем, у меня шок, опять. Спальня умилила – кровать и шкаф были ее единственной мебелью. Туалет порадовал хотя бы своим наличием, а вот ванная – величием. В ванной имелось все – и зеркало во всю стену, и в виде капли бассейн мне глубиной по пояс примерно, и душевая система.

Система сушки отсутствовала напрочь. Стиральная машина также. О массажерах умолчим, были бы – я б сказала, а так и говорить не о чем.

А потом иристанские дамы ушли, оставив меня в одиночестве изучать временное жилище – было бы что изучать. И это, как я поняла, покои принцессы Иристана.

Я начала с приятного. Потопала к сумкам, отыскала бутылку шампанского, ловко открыла и, потягивая игристое, направилась осматривать апартаменты. В конце концов, принцесса я или как?! Будем праздновать.

– Эй, принцесса, – шепот едва не вынудил выронить бутылку.

Стремительно повернулась на голос и увидела нечто! На балконе, скрываясь за занавеской, обнаружился парнишка примерно моих лет, невысокий, худенький и ничего общего с местными грудями мышц не имеющий.

– Привет, – прошептал мне незваный гость. – Я Наска.

– Киран, – испуганно ответила я.

– Знаю, – белобрысый весело подмигнул, – я от шефа.

На мой танец веселья и радости парнишка смотрел с открытым ртом. Плевать! Я отпрыгала с визгом «Ура», потом покричала «Да!» для закрепления радостного эффекта и только потом вспомнила, что как бы радоваться еще рано.

– Заходи, – махнула я союзнику.

Тот отрицательно покачал головой и поманил пальцем. Пришлось мне к нему топать.

– Ты чего на площади устроила? – спросил парень. Шустро тут новости разлетаются... – По-тихому обставить свое появление не могла?!

– Что за наезды? – воскликнула я. – Да ты хоть можешь представить, для чего меня приволокли на эту убогую планетку?

Наска хохотнул, но тут же примолк, прислушиваясь к звукам в доме. Я тоже прислушалась – где-то звучал восторженный визг. Парень закатил глаза, видимо, разделяя мое мнение о центнере папашкиного счастья.

– Так зачем? – вернулся Наска к разговору.

Я тяжело вздохнула, вышла на балкон, села прямо на деревянный пол и начала объяснять:

– Мне отвели роль приза. А громилы тут ценят покорность в женщине и скромность. Вот я и продемонстрировала, насколько я малоценный приз.

Горько так на душе и вообще противно.

Парень присел, все так же прикрываясь занавеской, протянул руку, потрепал по плечу, пытаюсь приободрить. На этом жесте дружеской поддержки все хорошее закончилось.

– Кир, слушай внимательно, – начал Наска, – это Иристан, ты не смотри на обстановку, – он указал на комнату, – просто на слово мне поверь – у них технологии покруче гаэрских.

– Это я уже поняла. – Шампанское таки открыла, жестом предложила Наске.

– Мне нельзя, – отозвался парень, – запах засекут.

– Ну нельзя так нельзя. – Я сделала глоток, закашлялась, сделала второй. – И что ты мне хотел про Иристан сказать этим своим «у них технологии покруче гаэрских»?

Наска тяжело вздохнул и, как маленькой, начал объяснять:

– Кира, жаль, что приходится тебе об этом говорить, но не связывайся с воинами. И отца провоцировать не стоит, просто поверь мне на слово.

Молча отхлебнула еще шампанского.

Парень явно не одобрял моего пьянства, но именно он мне сказал такое, от чего я едва не полбутылки выдула:

– Соблазни Нрого.

И все это так спокойно. Шампусик-то я выпила, но он мне не в то горло пошел, от чего я долго и надрывно кашляла. Откашлявшись, я уставилась на представителя банды Исин-хая и хриплым шепотом спросила:

– Что?! Сдурел?!

На меня укоризненно посмотрели. Но мне не было стыдно, и на покрытом веснушками лице Наски появилось выражение обиженного недовольства.

– Соблазни Нрого, Киран, – повторил он. – Он тут единственный, кто сможет вмешаться и вытащить тебя. А с его территорий тебе будет проще всего смыться с планеты. К тому же Нрого гордый, он преследовать не будет, а хассар Айгора и на другом конце вселенной достанет.

Недоуменно смотрю на Наску.

– Нрого должен твоей матери, – прошептал тот, – постарайся понравиться ему при встрече, и тогда он настоит на том, чтобы договоренность была соблюдена.

– Стоп-стоп. – Я просто утратила нить его логики, – Нрого должен моей матери? Тогда, может, мне просто сказать ему об этом сегодня и...

Наска вытаращился на меня и спросил:

– Сегодня?

Пожав плечами, стараясь не расплакаться, грустно отвечаю:

– Сегодня... Отец отдал меня ему на всю ночь до утра.

Наска побелел и прошептал:

– Не может быть.

Молча пожала плечами, я и сама не верила.

– Нет... – шепот Наски теперь был едва слышен. – Хассар не мог согласиться, ты... Киран, ты... Он не мог!

Хотелось, чтобы это было так.

– За что он так с тобой? – возмутился парень.

– За площадь, – прошептала я.

Наска выпал в осадок. Минуты две он просто сидел и смотрел на меня округлившимися светло-серыми глазами, у него даже веснушки посветлели. Потом я услышала странное:

– Мы уже ничего не сможем сделать.

– Что?

Но парень поднялся, затем подскочил и забрался на крышу, шепнув мне напоследок:

– Я проберусь к тебе ночью!

– Этой ночью? – с надеждой спросила я.

– Этой ты будешь с Нрого. Завтра.

– Э-э!..

Но, увы, парень уже спрыгнул с крыши на соседний балкон, оттуда вниз, потом на дерево, в общем, растворился, пусть и не в ночи.

А я осталась совсем одна! Хотя о чем это я – ужас был вместе со мной. Ему тоже было одиноко, до слез обидно и очень страшно.

Дверь распахнулась, не давая мне в очередной раз себя пожалеть, и в помещение вплыла бегемотиха. Бегемотик вплыл следом, старательно держась позади матери. Откровенно говоря, я на бегемотика не смотрела, куда больше меня занимала ее мать... Обида, ревность, злость, непонимание – все это как-то слилось в одно чувство ненависти к этой женщине. И я смотрела на нее и просто не понимала – как этот урод, который мой отец, мог предпочесть эту женщину моей мамочке? Моей умной, красивой, стройной, грациозной мамочке! Как?!

Бегемотиха была огромна, место для талии имелось только на шее, правда... это ее не портило. В отличие от неприятного бегемотика, Единственная моего предка была жен-

щиной приятной, даже очаровательной, со светлыми кудрями до пояса, голубыми глазами, ямочками на щечках. Одежда, как и все тут, в мешковатые тряпки невыразительных серых оттенков. Правда, золота в избытке – и в ушах, и на шее, и на запястьях, и даже на мягких пухлых ручках. И вся такая пухленькая, миленькая, округленькая. А глаза – злые!

И эти глазенки оглядели все имеющееся пространство, чтобы обнаружить сидящую на полу балкона меня. Я устроилась, скрестив ноги и обнимая полупустую бутылку, хотя имелось желание опустошить ее таки до конца.

– Ты копия Киары! – резко и отчетливо произнесло ворвавшееся в мою комнату существо.

– Драсти, – в свою очередь, выдала я.

– Почти копия, – бегемотиха не обратила внимания на мое приветствие. – Киара была мягче, пластичнее – ты резка до непримиримости. Киара могла прогнуться под обстоятельства, ты – нет! Киара руководствовалась благородством, ты способна на подлость. Киара искала защиты, ты ищешь свободы. Киара умела любить, ты склонна ненавидеть. Киара предпочитала простить, ты будешь мстить до последнего! Агарн привез беду в мой дом!

Какая умная бегемотиха! Надо же, вот так вот с ходу – и врубилась в ситуацию. Только у меня было что ей сказать:

– Я тут не по своей воле, знаете ли, и ваш дом – последнее место, где мне хотелось бы побывать!

Женщина вдруг улыбнулась, грустно и в то же время как-

то зло. Оглянулась на своего бегемотика, потом вновь посмотрела на меня и тихо произнесла:

– Этой ночью Нрого усмирит твой нрав и изранит тело. Ты будешь долго приходить в себя. К тому времени, как сможешь ходить, все будет кончено. Пантера не успеет напасть!

С этими словами бегемотиха величественно повернулась и вышла. Бегемотик еще немного посмотрел на меня своими маленькими глазенками и покатился за мамочкой. А я осталась сидеть, переглядываясь с бутылкой. Я вот не совсем поняла – мне тут только что угрожали?!

* * *

Посидела, хлебнула шампанского и поняла, что придется выкручиваться самой. Это было невесело. Просто я как-то даже придумывать пакости предпочитала с Микой, а сейчас без нее даже думалось плохо. Я встала, походила по гостиной, попинала диван от злости. Допила шампанское и швырнула бутылку в стену. Звон, осыпающиеся осколки – и тишина.

Я осталась одна на неизвестной планете, без мамы, без друзей, в паутине чужих интриг и традиций!

Внезапно на балконе послышался странный звук, будто что-то упало. Потопала туда, в надежде увидеть Наску, но там оказалось кое-что получше. Гораздо лучше. Сейр! Новенький, блестящий, а самое главное – подключенный

к связи, в отличие от моего!

И почти сразу, как я его подняла, раздался звонок:

– Кира, у тебя совести нет! – Микаэлла в экране грозно погрозила мне кулаком.

– Да какая совесть, меня скоро и чести лишат, – на ходу ответила я, перемещаясь вместе с сейром в места, не столь отдаленные, дабы никто не помешал.

– Кирюш, какая честь? У тебя ее отродясь не было.

Мика, зараза!

– Девичья, Микусь, девичья, – закрываясь в туалете, ответила я.

– Девичья? Это серьезно. Береги ее, Кирюсь. И помни, настоящая женщина лишается невинности только в больнице! Исключительно перед самым моментом родов и никак иначе!

– Это ты загнула...

– Так и ты не парься, подумаешь, честь, – Мика весело подмигнула. – Успокоилась?

– Немного.

Подруга мне улыбнулась, не скрывая тревоги во взгляде.

– Умудрилась ты, – прошептала она.

Я вытерла слезы – что тут скажешь? Умудрилась, да.

– Ладно, – Микусь сразу сменила тему. – Я в твоей квартире сейчас, меня Исинхай вызвал. Тут твоя мама как узнала последние новости, это про ночь с Нрого, так и истерит, ее Исинхай успокоить пытается, а я пока до сейра дорвалась, ответила Наске и попросила дать возможность с тобой по-

болтать. В общем, я вся твоя. Давай думать, что делать будем.

Мика есть Мика, – реально, какой смысл убиваться, если нужно решать проблему.

– Я не знаю, – подобрав платье, залезла на узкий подоконник с ногами, устроилась поудобнее. – Мне тут ничего не понятно. Местечко унылое, традиции странные, тар-эны, в смысле войны, странные совсем. Не понятно ничего...

– Пять сек, – это мне. И уже громче: – Тетя Киара, тут Кирюсь про традиции спрашивает. Ее не просветили. Вы давайте быстренько в себя приходите, нам инфа нужна.

Информация информацией, но меня другое интересует:

– Мика, как она?

– Да бессовестная она у тебя! – выдала подруга. – От такого жениха отказалась! Эд в расстройстве, еще бы – такой удар по самолюбию. И есть с чего – молодой, красивый, при должности и жилье собственное, а потерял двух невест за сутки. Жест, правда? Бьется сейчас в управлении, требует допуска на Иристан.

Ой...

– Ему дадут? – шепотом спросила я.

– Вряд ли. Иристан не та планета, с которой захотят испортить отношения. Иристанцы слишком опасные и непредсказуемые. И стремные...

Договорить Мике не дали, картинка резко сменилась, изобразив маму... зареванную. Короче, явно мама просто

вырвала у Микаэллы сейр и сейчас в отчаянии смотрела на меня...

– Пантеренок... – Слезы ручьем. – Кира, зачем? Зачем?! Ты даже не понимаешь, куда попала, Киренок!

Понимать не понимаю, но догадываться уже начала. Тут уже у мамы сейр отобрали, рукой прикрыли, и я услышала приглушенный голос Мики:

– Тетя Киара, зачем вы на нее кричите? Ей и так плохо, и от ваших слов легче не станет. Все, она уже там. Да, Кира сделала глупость, но примите ее как данность. Для сожалений сейчас нет времени, честно. Лучше давайте думать, что делать дальше.

Мика и Эд все-таки очень в этом похожи – в умении идти дальше без душевных терзаний.

– Ты как там? – Моська Микаэллы снова нарисовалась на экране. – Кстати, этот Нрого, он как? Труха не сыплется?

– К сожалению, нет, – прошептала я.

– Мм, мужик еще на что-то способен?

Вспомнила массивную фигуру маньячного и честно ответила:

– Судя по внешнему виду, он по мужским возможностям из серии склеротиков. Отдал супружеский долг – забыл, пришел исполнять снова и так раз двадцать за ночь.

– Ой, – Мика нахмурилась. – Подожди, я сейчас, – и опять маме: – Тетя Киара, вы мне сейчас с толком и расстановкой объясните, что это за право ночи и чего нам от него ждать.

Не надо Кире, вы сейчас мне говорите и со мной разговаривайте. Хорошо?

И Мика мне подмигнула. На меня и смотрела, когда мама начала объяснять.

– Это требование воина, который имеет право на женщину. Кира – отданная, ее отец дал позволение, в этом случае воин получает право на ночь в любой момент.

– То есть ее любой может получить? Да это проституция в узаконенном виде! – Возмущение в голосе Микаэллы было нешуточное.

На заднем фоне послышался всхлип, потом судорожное рыдание, а после:

– Моя девочка... – и снова рыдания.

Мы с Микусей переглянулись, мне меня стало вдруг очень жалко.

– Подожди, пусть успокоится, – сказала я подруге.

– Никогда не видела ее такой, – прошептала Микаэлла. – У нее истерика с тех пор, как ты улетела. Плачет постоянно. Мы ее к себе забрали, Эдвард настоял. Мама ее с трудом заставлял поест, бегает вокруг, и, наверное, единственная понимает, как тете Киаре плохо. Эд там торопит своих, чтобы ограничение сняли. А тетя Киара... то стоит, стоит, а то просто плакать начинает и сползает по стенке... Четыре дня ее вообще на успокоительных держали, вкалывали почти насильно, потом появился шанс на вылет. Сегодня вот нам Исинхай сообщил, что удалось связаться с тобой. Мы в вашу

квартиру приехали, у нас же прослушка, сидели и ждали его. В общем, тетя Киара надеялась, что ты продержишься там дней двенадцать, и она потом прилетит и вытащит тебя, и даже воспряла духом, плакать перестала. А вот сейчас сообщение от Наски. Исинхай только приехал и ей с порога честно сказал: «Киру отдают Нрого. Сегодня. Я не смогу ничего сделать». А она просто побелела и начала падать, Исинхай едва подхватить успел.

От таких новостей у меня полные глаза слез, подбородок дрожит, а самое главное – что делать, я теперь совершенно не знаю.

– Мик, судя по маминой реакции, с девичьей честью я таки расстанусь... ты спроси, чего там дальше будет.

Послушно кивнув, Мика повысила голос и спросила:

– А после этой ночи Нрого ее заберет?

– Нет, – глухо ответила мама. – Агарн может отдать или дочь, или ее ночь. Он имеет право отказать, но, видимо... – и почти шепотом: – Мне решил отомстить.

И мама начала плакать снова. Бедная мама!

Подруга стукнула кулаком по столу и как рявкнет:

– Тетя Киара, нет времени, честно! – Микаэлла иногда бывала очень резкой. – Так, а по результатам этой ночи чего ждать?!

Вот теперь там нарастала истерика. Просто истерика. Я и сама едва слезы сдерживала, а потом, всхлипывая и едва сдерживаясь, мама ответила:

– У Киры никого не было... У Киры никого не...

Истерика по второму кругу.

Лично я ничего не понимала, Микаэлла явно тоже. Через несколько минут развернула сейр, демонстрируя мне рыдающую на плече Исинхая маму. Шеф происходящее заметил, тяжело вздохнул и произнес:

– Я не знаю. Касты тар-эн – это закрытые мирки. Что касается их семейных традиций, тут вообще ноль, я Наску в дом хассара внедрил четыре дня назад, и это первый прорыв, их отбор пройти нереально, я вообще могу сказать, что просто повезло.

Мама взвыла.

– Шеф, – позвала я, – это вы сейчас мне о чем? Отсюда что, не выбраться?

Исинхай нахмурился.

– Кир, из дворца хассара ты сможешь выбраться уже завтра, за ночь Наска внедрит нашу систему в их видеонаблюдение, но сегодня я ничего не могу сделать.

– Не надо было вообще вмешиваться! – заорала на него мама.

Шеф опустил глаза и тихо признался:

– Я защитил то, что мне дорого, Киара.

Я и Мика так и замерли, а мама... Мама рванулась из его объятий, вскочила и, не скрывая горечи, спросила:

– А я просила, Син? Я об этом просила?! Ты кого послушался – девчонку безголовую? Думал, что я успокоюсь

и буду счастливо жить здесь, в то время как Кира останется на Иристане?! Ты действительно верил в это, Син?

Так они действительно знакомы и, похоже, давно. Микусь удивленно на меня посмотрела, я на нее – не менее удивленно, и мы обе впервые поняли, почему шеф нас всегда прикрывал – из-за моей мамы.

– Я вытащу ее, Киара, – тихо и уверенно произнес Исинхай, не отводя взгляда от мамы.

А она смотрела на него, по щекам текли слезы, и, едва сдерживая рыдания, прошептала:

– Ты не понимаешь... Ты просто не понимаешь... – судорожное рыдание и едва слышное: – Ночь с Нрого уложит ее недели на две!

Оторопело взираю на Мику, в итоге, не выдержав, требую у мамы ответ:

– Меня что, бить будут?! – и совсем невероятная догадка: – Кнутом?!

Мама вспомнила, что у ее разговора с Исинхаем есть слушатели, опустила на диван и, закрыв лицо руками, прошептала:

– Нет...

И как это все понимать?!

– Мам, – требовательно позвала я, – да ладно, выкручусь, обломится мужику секс.

У мамы просто началась истерика.

– Мам, да откажется он от секса, поверь мне, я с такими

«пожелателями» разбираться умею.

Опять слезы. Мика судорожно вздохнула, я и вовсе едва сама не разревелась, не могу выносить, когда мама плачет, тем более что раньше за ней такого не наблюдалось.

– Так, хватит! Mam, мне сейчас срочно нужны местные традиции! Просто очень срочно, а дальше мы с Микой разберемся, мы не маленькие.

И тут Мика рявкнула:

– Шеф, дайте ей вина уже, хватит воду носить!

– Лучше успокоительное, – послышался голос Исинхая.

– Мама не пьет лекарства, – начала было я.

– Она уже все пьет. – Мика грустно улыбнулась. – С другой стороны, такая их материнская доля. Слушай, а там мужиков красивых много?

Честно ответила:

– Завались!

– Иронизируешь? – Чьи-то ноготки застучали по столику.

– Даже не думала. – Моя улыбка стала шире. – Помнишь, мы в секс-шоп заходили?

На заднем плане послышалось удивленное восклицание мамы, но мы его проигнорировали.

– Да-а, это было незабываемо, – мечтательно протянула Микаэлла.

– А помнишь новых андроидов?

– Что-то типа «три тысячи способов достижения оргазма для вашего удовольствия»?

– Ага. Так вот эти на вид круче. Причем те, которых ты видела, по сравнению с остальными так себе, не очень.

– Э-э, – протянула Мика. – Что-то жмет мне моя девичья честь, Кир, а можно я тоже к тебе?

– Нельзя, – я хихикнула, – им слово «оргазм» неведомо!

– Это жестоко! – Теперь мы откровенно ухохатывались.

А мама плакать перестала и что-то принесенное Исинхаем пила.

Посмеялись и снова вернулись к насущному. Мика начала первая:

– Тетя Киара, а действие где будет проходить?

Мама, несколько пораженная тем, что только что услышала, на автомате ответила:

– В элотас Киры... – и тут же исправилась, – то есть в комнатах Киры, – судорожный вздох мамы, и, забрав сейр, она продолжила объяснять уже мне: – До заката ты предоставлена себе, даже отец войти не посмеет. После придут подвластные дакаи... слуги. Тебя обрядят, внесут дополнительную постель, потому что твоя не предназначена для... Еще принесут ужин.

– А вино? – вставила Мика.

– Воины Иристана не пьют алкогольных напитков... и...

И, кажется, кто-то опять собирался реветь.

А мы реветь не собирались. Мы переглянулись и уловили главное – мы осознали, как решить проблему!

– Чел, ни разу не пробовавший спиртика, захмелеет

враз! – начала Мика. – Оставь шампанское для дела.

– У меня выпивки на целую армию хватит, – похвасталась я.

– Супер. А в таблетках?

– Ага.

– Прощай, Нрого!

– А выпьет ли?

Тут картинка снова смазалась и на экране возникло заплаканное мамино лицо, причем глаза были еще на мокром месте, но в них разгорался огонь надежды:

– Киран, слушай внимательно. Пить он вино не будет, но... ты можешь покормить его с рук. Соображаешь?

– А-а... ага!

– Дальше. Постарайся быть покорной и понравиться ему, тогда он будет осторожен, постарается сделать так, чтобы ты привыкла к его телу. Потому что они огромные, Кирюш, страх вполне обоснован. Постарайся ему понравиться. Покорность, Кира, больше всего воины Иристана ценят покорность! Будешь покорной – понравишься. А если понравишься – он не захочет принуждать, даст время ощутить влечение. Тяни время. До последнего тяни время, будь покорной, слышишь?

Теперь я только кивнула, но исполнять все в точности, как мне сказали, не собиралась.

Мама продолжила:

– Нрого стар и опытен, Кирюсь. Откровенно говоря, я

не думаю, что тебе удастся обвести его вокруг пальца, но... но, если будет такая возможность, – умоляю, заклинаю, прошу тебя – никакого секса!

Мы с Микаэлкой невольно переглянулись, и я неуверенно произнесла:

– Так... на это и рассчитываем, мам. Он, конечно, внешне ничего так, но интим как-то не входит в мои планы и...

Мама закрыла глаза и устало покачала головой... по щекам опять слезы, а потом обреченное:

– Кира, как же ты не понимаешь – наши местные парни, да и те мужики, которых ты привыкла дразнить, – это тебе не тар-эн Иристана, Кир!

– Весовая категория не та? – сыронизировала я.

Мама вскинула голову, взгляд ее был какой-то пугающий, а затем последовали не менее пугающие слова:

– Киран, Нрого умнее, сильнее, опытнее тебя не то что в десятки – в сотни раз! И даже если он захочет с тобой поиграть – это будут игры по его правилам!

Я безразлично пожала плечами – подумаешь, мужик крут. И не таких обламывали.

– Я тебя только об одном прошу, – прошептала мама, – всеми силами постарайся избежать секса с ним... потому что интимные отношения с воином такого уровня не только очень болезненны, Кирюш, от них могут быть весьма опасные конкретно для тебя последствия. Ты видеть начнешь!

– Что? – не поняла я. – Мам, я вроде и так не слепая.

В любимых зеленых глазах бездна отчаяния и тихое:

– Знаю, Кирюш, все знаю... и в отличие от тебя я знаю гораздо больше.

Удивленно моргаю, глядя на маму, а та, вновь судорожно всхлипнув, уверенно продолжила:

– Идем дальше. Вариант с алкоголем может сработать. Главное, не переигрывай и не дразни его, покорность, Кирюш, во всем... и, если он отключится, ты должна изобразить потерю невинности.

– Ой. – Это опять я.

– Весело. – Это Мика.

– Стабилизатор глюченный! – Это Исинхай.

Наш шеф о себе зря напомнил: пристальный взгляд мамы – и ему пришлось покинуть помещение. Мика проворно дверь закрыла, а мамуля вернулась к разговору:

– Он не должен допустить даже мысли, что в эту ночь ничего не было. Для него это дело чести, Киран. А женщине никогда нельзя вставать между воином и его честью... это очень болезненно.

Все веселее и веселее.

– Потом найдешь, с кем от нее быстренько избавиться, – подсказала Мика, – главное, удовольствие получи... все три тысячи четыреста способов!

– Ха-ха, – мне было невесело, – меня от этих уродов просто воротит.

– А придется, – резко оборвала мама. – Тебе придется най-

ти воина и лишиться с ним невинности.

Я в шоке!

– Эм, – Мика тоже, но у нее в отличие от меня еще голова работала, – а как насчет подручных средств?

Мама отрицательно покачала головой и прошептала:

– Любая эйтна определит обман с ходу. Но это после, сейчас другая проблема. Киран, – мама с тоской смотрела на меня. – Кира, к вечеру Наска принесет тебе капсулу. Вколешь в вену на руке, и это сделает тебя бесплодной на четыре месяца. К сожалению, это необходимая мера безопасности. Кому бы тебя ни отдал отец, временное бесплодие даст шанс уйти от воина. Взяв жену, тар-эн имеет право навещать ее в любое время только один месяц, а дальше – лишь ночь по согласию женщины. Через два месяца и при отсутствии беременности ты можешь потребовать возвращения к отцу. Другого пути нет. Лучше следовать традициями Иристана и вынудить Нрого или другого воина отпустить тебя самому, чем всю жизнь скрываться, и то при условии, что будет шанс сбежать. А у тебя шансов сейчас нет, Пантеренок.

Я промолчала, зато Мика высказала мою собственную мысль:

– Тетя Киара, нам желательно бы всю информацию по этим самым традициям, а там уже разберемся.

И тут в двери постучали. Настойчиво. Как не вовремя!

– Сейр не должны найти, – прошептала мама. – И помни, у тебя там друзей нет! Они все враги для тебя, кроме Наски

и той, что растила меня.

Я кивнула, отключилась, а потом и вовсе выключила переговорное устройство, дабы на него входящих не было. Сам сейр спрятала за зеркалом умывальника в туалете, благо вещичка была ультратонкая, и направилась к уродам, которые уже, судя по звукам, собирались выбить дверь.

Едва открыла, стало ясно, что служанки явились-таки раньше заката и в составе штук десяти. Все были в темно-серых хламидах и только одна в светло-сером и подпоясанная черным поясом. Она же ехидно спросила:

– Принцесса изволит животом маяться?

Намекает на то, что я долго в туалете сидела? Ссориться с ней или не ссориться? Решила, что не стоит, и молча потопала к вещам. Служанки следили за мной с неугасаемым, каким-то алчным интересом. Мне это очень не понравилось. А уж их взгляды на мой багаж... Я присела, потянулась к рюкзаку... на меня продолжали неотрывно смотреть. Интересно, они сами интересуются или приказ такой? Проверим.

Расстегнула рюкзак, достала первое, что под руку попало, – красивый тюбик крема-депилятора. Причем это была подарочная серия, а потому и надпись была соответствующая: «Иллакес – ваша кожа нежная и шелковистая».

– Мой любимый крем, – доверительно сообщила я служанкам, – и кожа потом нежная и шелковистая, – я погладила собственную щечку, – секрет моей красоты.

После чего собственно этот крем и еще парочку других достала, отнесла на столик у зеркала, а все остальные рюкзаки начала потихоньку к шкафу перетаскивать.

– Вам помочь? – вмешалась одна из служанок.

– Что вы, не стоит. – И требуется мило, очень мило улыбнуться.

А потом вознести хвалу современной цивилизации и запереть каждый рюкзак на кодовый замок, чтобы некоторые, излишне любопытные, тут не ковырялись. Нет, в том, что любой тар-эн замок вскроет, я не сомневалась, вскрыли же мой сейр, но вот служанки вряд ли на такое способны.

История девятая, эротиш-ш-шная

Собственно, с приходом служанок и начались мои приготовления к ночи с Нрого.

Меня попытались помыть – но с этим делом я справилась сама. Зато потом, когда я стояла у зеркала в одном полотенце и наносила искусственный воск на волосы, служанки в оцепенении смотрели на сие дело. А косметика фирмы «Динеа» предназначена именно для вечерних выходов. И потому стоило нанести бальзам и расчесать волосы, как пряди стали блестящими, чуть сверкающими, уложенными, в общем, одним словом, – супер. А потом в ход пошла тоналка, подводка, тушь, помада. После я все это дело собрала, оставив только крем для депиляции в свободном доступе, и пошла надевать принесенные ими тряпки. Когда, словно невзначай, обернулась, крема на столике не было... ворюги. Вот и выясним, кто приказал столь бдительно следить за мной.

Стоит отметить, что в обед меня не покормили, и, если бы не запасы вкусняшек, ходила бы я голодная. И потому, жуя шоколад, я вполне мирно терпела надевание одежонки. Белья тут не имелось, кстати. Пришлось достать собственное, наиболее закрытое, потому как ходить без трусиков – это выше моего понимания. Кстати, об одежде – белая рубаша до пола, из какой-то легкой и прохладной ткани, что радовало. Ибо жарковато. Следом серая юбка, представляющая

собой два прямоугольных куска ткани, скрепленных между собой наверху и надеваемых поверх рубахи. Сие приспособление уродовало фигуру неимоверно. Потом на шею так же цеплялся кусок плотной непрозрачной серой ткани, прикрывающий грудь. Таким образом, в зоне видимости оставалось только лицо. Туфель на каблуке тут также не было – одни шлепанцы. Волосы мне попытались заплести – вежливо отказалась. После чего сняла все на меня навороченное и на глазах изумленных служанок начала усовершенствование шмоток. Первое – вытачки на талии, закрепила их клеем. И аккуратно, и красиво. Второе – надела бюстгальтер, потом чулки. После долго думала, что делать с шейным нахлестком. Придумала – заменила его белым шарфиком, что только подчеркивало цвет моей кожи и оттеняло волосы. В тот момент, когда я кокетливо поправляла шарфик, где-то не так далеко раздался жуткий крик. И почему-то я была уверена, что вопил бегемотик.

Вскоре меня оставили одну. Глянув в окно, поняла, что уже наступила ночь. Потопала из спальни в общую комнату, да так и застыла на пороге. Пока я там приводила себя в надлежащий вид, служанки тут постарались – посреди как бы гостиной обнаружилась кровать. Кровать была здоровенная, метра четыре в ширину, застеленная белыми шкурами, подушек и покрывал не наблюдалось. Зато наблюдался стол, заваленный снедью, которая могла бы удовлетворить голод человек семи как минимум. В центре стола имелась дичь,

паршиво прожаренная и потому с кровью, а может, это соус такой. Еще птица, тоже зажаренная, хотя была тут и вареная. Рыба, с полметра длиной, запеченная с какими-то овощами. Графин с прозрачной жидкостью и графин с красной жидкостью. И еще были фрукты... разные, большей частью незнакомые. Тарелок и столовых приборов, кроме двух ножей, не наблюдалось. Салфеток также. Помимо стола и постели в гостиной начали произрастать цветы, появились шкуры, заменяющие ковры, причем, судя по размеру шкурок, с их носителями я бы не хотела встречаться. Зато кое с кем предстояло увидеться в скором времени, а потому я начала готовиться к встрече.

Порывшись в шкафу, приступила к экипировке: спиртовые таблетки – в лиф левой груди, на всякий пожарный перцовый мини-баллончик – в лиф правой. Ножик, складной, красивый, в космопорту купленный, просто достала. Дай, думаю, подарок мужику сделаю, может, и подберет.

А потом за дверью слышались разговоры на повышенных тонах, и я поторопилась снова прикрыть рюкзак, а ножик спрятала за поясом. Он неприятно холодил кожу, но не смертельно.

Когда дверь с силой распахнулась, я ожидала явление сволочного папика. Оказалось, главная бегемотиха пожаловала. Кстати, в одной-единственной рубашке и с мокрыми волосами – явно кто-то только что купался и подвоха не ждал.

– Дрянь! – начала она с порога.

Я сделала удивленное лицо.

– Таакра!

Теперь я реально удивилась.

Мы еще помолчали, я удивленно, она взбешенно. В результате бегемотиха снизошла до следующего высказывания:

– Мой господин узнает, и ты будешь наказана!

Забавно, конечно.

– А за что? – вежливо интересуюсь у бегемотихи.

Бегемотиха покраснела, глазки сверкают, а сказать-то и нечего.

Я же выразительно посмотрела на столик у зеркала, округлила свои глаза и удивленно спросила:

– Ой, а где мой крем для депиляции?! Ой, кажется, меня обокрали!

Бегемотиха вылетела за дверь, хлопнув оной на прощание.

Мой издевательский хохот понесся ей вслед, потому как мне вдруг стало очень весело.

* * *

В ожидании средства контрацепции я немного походила по комнате, потом постояла на балконе. Когда уже собиралась снова походить по комнате, на пол что-то шлепнулось. Подхватила ампулу, услышала тихое:

– Вколи сейчас, ампулу отдай мне... иначе найдут.

Голос у Наски был приглушенный. Сделала, как велели, чуть поморщилась, потом вышла на балкон. Снизу, между каменными перилами протянулась рука, едва заметная в свете огня, зажженных в комнате, вложила в нее ампулку и, едва успела подняться, как дверь снова распахнулась.

Стремительно развернувшись, я так и застыла, испуганно взирая на посетителя.

– Киран, – от звука его голоса что-то глубоко внутри меня начало нервно подрагивать, – дочь Киары!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.